

СМЕНА¹⁹

ОКТАБРЬ 87

**Уроки
революции.**
Одержимость

Детдомовцы.
Живая память

**Комсомол
и перестройка**

Пятнадцать
сонетов
**Михаила
Дудина**

Рассказ
**Марии
Прилежаевой**

Отечество.
Град Изборск

**Интимная
жизнь
молодых**

Повествование
Юрия Нагибина

На татами
только девушки

Музыкальный
клуб.

**Владимир
Кузьмин**

«Смена»-88

ПРИГЛАШАЕМ ВАС ВНЕСТИ СВОЙ ВЗНОС
В СОВЕТСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОНД ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

счѐт

707

открыт

*во всех отделениях
Госбанка и сберкассах
Советского Союза*

СОЗДАДИМ СОВЕТСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОНД

**Среди
учредителей
фонда —
редакция
журнала «Смена».
Письма,
которые
мы публикуем
на этих
страницах,
лишь малая часть
почты,
поступившей
в оргкомитет
фонда
и нашу редакцию.**

Не могу не откликнуться на публикации «Смены», посвященные горестной теме детских домов. Потому что все дети — наши, и если они обездолены, это наша вина.

Есть немало детских домов, ставших кормушкой для проходивших от педагогики. И объясняется это, мягко говоря, формальным, а если называть вещи своими именами, преступным отношением к делу тех, кто обязан заниматься этим по долгу службы. С молчаливого благословения органов просвещения и здравоохранения на местах эти дома превращены в сиротские приюты.

Невероятно трудно избавить школу от учителя-бездаря. Но если удастся это сделать по жалобам родителей, то нередко его «перевултболивают» в детский дом или в интернат, где ответственность понижена, а зарплата повышена, да и контроля поменьше — часто такие дома находятся далеко от центра. Если обиженный родительский ребенок приходит после уроков в семью, где его приласкают, утешат, то детдомовский ребенок, для которого само рождение было первым знакомством с предательством и для которого предательство продолжается, этой возможности лишен. Он будет молча сносить надругательства, но жалобы не напишет. Просто возненавидит мир взрослых, а научившись читать, придет к выводу, что в книгах сплошное вранье, а на самом деле нет ни доброты, ни благородства. И кто переубедит его в обратном? Государство отпускает достаточные средства для того, чтобы дети были сыты, неплохо одеты и обеспечены всем необходимым. Но всегда ли идут эти средства туда, куда следует? Почему дети плохо одеты? Кто позволил вводить нравы приютов в стране, называющей себя самой гуманной в мире?

Хочу обратиться ко всем с предложением. Во все времена нашей нелегкой истории молодежи откликалась на добрый призыв. От студентов Московского университета, подвигавшихся борющихся с холерой в 1830 году, до молодежи наших дней, осваивавшей целину, строящей БАМ. Так почему бы не бросить сегодня клич: «К детям!» По-

чему бы не направить молодых добровольцев — выпускников педагогических и медицинских вузов — самых добрых, самых честных, самых ответственных — в детские дома. Уверена, что совестливые люди откликнулись бы.

Дина ГУРВИЧ,
Андижан

Решение о создании Советского детского фонда имени В. И. Ленина — важный шаг в развитии ленинских традиций бережного и заботливого отношения к детям. Это большое событие в жизни нашего общества и, как я понимаю, гарантия того, что застарелые и остающиеся нерешенными проблемы помощи детдомом и школам-интернатам будут, наконец, решены.

По мере своих сил постараюсь быть помощником фонда. Не могу проходить мимо известий о тяжелом положении детдомов и их обитателей. Надо сделать так, чтобы детдом, интернат стал для их воспитанников родным, теплым и любимым домом. И, конечно, нужно поскорее устранить все материальные, строительные, бытовые, кадровые и прочие завалы на пути развития этих учреждений, чтобы их питомцы не чувствовали себя отрезанными от советского общества.

В укреплении детдомов велика роль шефов — трудовых коллективов, местных партийных, комсомольских, профсоюзных и советских органов, воинских частей; хочется верить, что СДФ имени В. И. Ленина сумеет вдохнуть в это шефство новые импульсы.

Бывший детдомовец
Александр УСТИЮМЕНКО,
генерал-майор в отставке,
доктор физико-математических наук,
лауреат Ленинской премии,
Москва

Наши дети в беде! В такой беде, в борьбе с которой нам всем надо объединиться, иначе трудно бороться с таким злом, как алкоголизм, наркомания, проституция, детская обездоленность. Страшны пьющие женщины, алкоголички. Это они рожают уродов, бросают детей в роддомах, пьяными сходятся со случайными мужчинами, не задумываясь о будущем ребенке.

Много в нашей стране делалось для женского образования, общего и специального, заботились о профессиях для женщин, об их трудоустройстве. А много ли делалось для воспитания в женщины домовитости, хозяйственности, приучались ли девочки и девушки к мысли: что бы они ни делали, чем бы ни занялись в будущем, они обязательно выйдут замуж, будут матерями, хозяйками, поведут свою семью, будут обязаны хорошо воспитать детей? И каково бы ни было замужество, счастливое или несчастливое, тяжесть семейного вала большей частью падает на хрупкие женские плечи. В женщинах спивающихся, бесстыдных такие чувства и понятия не воспитаны. Причины недоработки, думается, в том, что на нравственные вопросы мало внимания обращалось обществом. Многие годы мы упорно старались не замечать или делали вид, что не замечаем пьян-

ства, проституции, наркомании. А если зло замалчивается, оно как бы поощряется. А заговорили о нем, когда молчать уже стало невозможно.

Как уменьшить количество детей, оставляемых в роддомах, детей, оказывающихся в детдомах? Хорошо бы вот что сделать. В начале беременности работники женской консультации выясняют условия жизни беременной (семья, отношение семьи к будущему ребенку, быт и т. п.). Если условия таковы, что будущий ребенок может быть оставлен в роддоме (пьянство, распущенность, отсутствие мужа), надо прерывать беременность, убеждать беременную в этом настойчиво. Работники женской консультации должны думать: а что ждет в будущем малыша неблагополучной матери?

В последнее время больше стали говорить о нравственном воспитании. Если бы несколькими десятилетиями раньше! У учителя в классе 30—35 учеников, он и классный руководитель, и воспитатель. 30 воспитанников — 30 характеров, 30 разных судеб, 30 семей, каждая со своим укладом, со своими бедами. 30 матерей и в лучшем случае 30 отцов, и все по-своему смотрят на жизнь, на счастье своих чад. Ну, где тут серьезно воспитывать каждого из тридцати? Нужно сократить количество учеников в классе, ввести должность освобожденного воспитателя. Но труд воспитателя, как и учителя, должен хорошо оплачиваться. От этого, думается, выиграют дети, а значит, выиграем все мы.

Денег на эти нужды жалеть нельзя.

Анна ЕПИФАНОВА,
Тула

На побережье Баренцева моря в поселке Туманный, укрытом от взоров, стоит детский дом для умственно отсталых детей. Горестно и непонятно: почему не на Черном море, не на Украине? Прячем свою боль от самих себя: «с глаз долой — из сердца вон».

Можете представить, как живет детский дом в том далеком поселке рядом с Ледовитым океаном, где зимой ветры месяцами не дают выйти на улицу, картошка морожена, виноград два раза в году, дети растут, не видя ни разу в жизни цветов. Размещение детского дома в таких условиях — жестокость. Очевидно, этот факт не единственный в стране. Можете ли вы поднять эту проблему, которая требует неотложного решения?

Да, Всесоюзный детский фонд очень нужен. Многие незамедлительно внесут деньги. Это должно стать общим делом. И никто не смутит благотворительность, не так это и плохо — творить благо.

Подписываюсь один, но мог бы собрать сотни подписей, если бы количество их решало дело.

Сергей МАКСИМОВ,
художник-дизайнер,
Мурманск

Интернату, где я работаю, с шефами повезло. Делают, что могут. У наших детей с обувью дела обстоят благополучно — еще бы, «Скорход» один из главных шефов! Да и сами ребята

в школьных мастерских учатся сапожному делу. И могут шить себе все — вплоть до кроссовок. Девочки шьют тоже отлично — платья, другие необходимые вещи. В этом году мы с помощью шефов смогли детей одеть так, что они мало чем отличались от домашних. Одним словом, тут вроде все благополучно. Я говорю о материальном обеспечении. Но нет другого, что нам нужно позарез, — душевного личного общения шефов с детьми. Взять хотя бы вожаков-производственников. В начале учебного года придут, познакомятся, а пройдет месяц, другой — до свидания. Разве нам такие вожаки нужны?

Любови к детям у нас не учат — ни в институте, ни в комсомоле. А детскому дому нужна любовь. Без этого невозможно работать. Вот тут шефам, как и родителям, есть над чем подумать: дать ребенку духовную пищу, быть старшим другом своего чада, организовать его досуг так, чтобы не влекли к себе фарцовка, наркотики, пьянка...

Удивляет меня отношение к детдомовцам наших творческих товарищей: художников, писателей, музыкантов, артистов. Не частые они у нас гости. Нет, это не потребительское брюзжание. Это жизненная необходимость — ведь наши дети нуждаются во встречах с творческими работниками в несколько раз больше, чем домашние дети. А мы из-за элементарного отсутствия средств не можем иногда даже выехать на метро, автобусе. Спрашивается: почему бы нашим детдомовцам, как учащимся ПТУ, не дать льготные карточки для проезда на всех видах транспорта вплоть до электричек? Вот тогда бы мы разнообразили прогулки — поехали бы в Павловск, Пушкин... Ведь живем в Ленинграде!

Стыдно признаться, но порой даже наши восьмиклассники не все знают, где Эрмитаж, Исаакиевский собор. Стыдно нам, педагогам? Стыдно! Но разве от нас все зависит? Вот и здесь бы шефам помочь.

Остро у нас стоит и вопрос трудоустройства восьмиклассников. Раньше наших детей «оптом» брали на «Скорход». А в этом году не оказалось свободных мест в общежитиях. И все сразу застопорилось. Куда теперь устраивать на работу наших выпускников, тем более что мы ориентировали их на сапожное и пошивочное производство?

Идет перестройка нашей педагогики. Но идет медленно, и трудно себе представить, как долго она будет перестраиваться. Казенная еще жива, а новая педагогика сотрудничества так робко стоит на неокрепших ногах...

Наверное, одним педагогам, даже очень влюбленным в свое дело, не под силу этот груз. Тут все надо делать сообща — детдом, шефы, общество в целом. Только так — и не иначе.

Игорь ДАВЫДОВ,
член педагогического
общества РСФСР,
воспитатель
спецшколы-интерната № 1,
Ленинград

Очень прискорбно, что многие детские дома у нас владат еще жалкое существование. Оказывается, что самые обездоленные дети как раз вниманием и заботой обделены.

НД ИМЕНИ В.И.ЛЕНИНА!

У нас очень мала ответственность «поставщиков» детей в дома ребенка и детдома. Уж очень много мы с ними церемонимся, боясь ущемить их гражданские права. Отказ от собственных детей следует рассматривать, по-моему, как преступление перед обществом и государством. Если до сих пор нет такого закона, его следует принять.

Иван АНДРЮЩЕНКО,
ст. Брюховецкая
Краснодарского края

Такое бедствие как детское сиротство, не может не волновать. «Из 900 с лишним детдомов в каждом пятом казарменная обстановка», сообщалось в телевизионной передаче. Но и там, где обстановка не казарменная, она все-таки не домашняя.

Процедура усыновления у нас чрезвычайно затруднена. Дескать, бывают неудачи: возьмут на воспитание — потом возвращают, а ребенку травма. Будто жизнь в детдоме не травмирует, не наносит раны ежедневно. Чтобы не было травм, надо сделать обычной, ши-

роко распространенную практику передачи детей в гости — на временное жилье — от месяца до трех. Иногда делать процесс усыновления-удочерения постепенным — сначала разрешать временное проживание в новой семье, а потом, если все идет хорошо, решать вопрос уже окончательно.

Предлагалось обратиться к промышленным предприятиям, имеющим большие средства, с предложением строить свои детдома, брать под свой патронаж уже существующие. Но построить дом — время требуется, а помощь нужна сегодня, сейчас.

Я могла бы взять на воспитание 10—15 ребят, чтобы вырастить из них здоровых, готовых к жизни и нравственно, и профессионально людей. Я бы обстирывала, кормила, купала, образовывала бы этих детей, готовила бы их к школе и поступлению в вузы (разумеется, при обязательном посещении обычной школы). Но без помощи государства и общества в наше время женщине одной этого не сделать.

А. В. КРОВОТА,
Можайск
Московской области

Поступления на счет детского фонда помогут решить проблемы материального характера. Собственные фирмы по производству одежды и обуви — нужное дело, за которое стоит бороться. Необходимо улучшить питание, чтобы ребята вдоволь получали мясных и молочных продуктов, фруктов и лакомств. Собранные средства позволят организовать для сирот туристские поездки. Пока же детдомовцы дальше своего двора ничего не видят. Детский фонд мог бы назначать выпускникам детдомов и интернатов свои стипендии. Например, общество слепых доплачивает своим членам, которые учатся: они получают стипендии от вуза и от общества одновременно.

Наталья ДЬЯЧЕНКО,
Ленинград

Я родилась в Ленинграде. В 1943 году меня, больную дистрофией, отсюда вывезли, и я никогда не забуду, как чужие люди заботились о нас. Всем,

что есть во мне хорошего, обязана воспитателям, врачам и няням детского дома. Какое-то время сама работала в детском доме, а сейчас на пенсии. Я очень хотела бы помочь материально ребятам детских домов, хотя сама получаю 80 рублей в месяц. Но все деньги, получаемые за свои стихи и статьи, я хотела бы перечислять в фонд помощи детям.

Е. КОНДРАТЬЕВА,
пос. Сосновское
Горьковской области

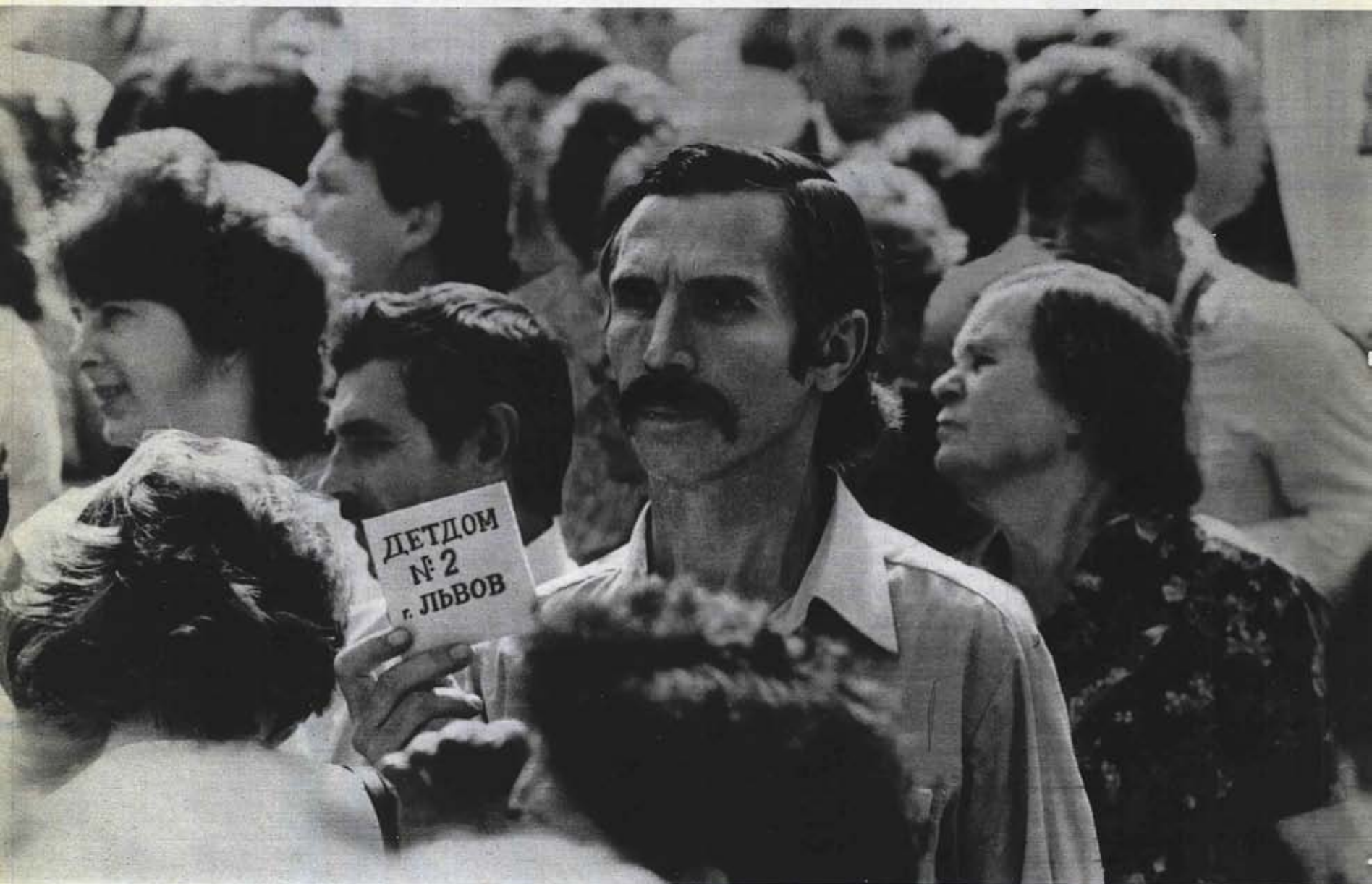
В 1943 году меня привезли из Андижанского детского дома в Ташкентский детский дом № 20 для одаренных детей, где я училась музыке. Затем окончила Ташкентскую государственную консерваторию и по сей день работаю в ней на кафедре общего фортепиано.

Поддерживаю решение о создании Советского детского фонда. Хочу от слов перейти к делу и перевести на счет Фонда пятьсот рублей.

Ширин ЮЛДАШЕВА,
Ташкент

Фото Евгения Стецко

ВСТРЕЧА ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Сергей ПОПОВ.
Фото
Евгения СТЕЦКО

ПОЧЕМУ И СЕГОДНЯ, СПУСТЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ ВОЙНЫ, НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ ТАК МНОГО ОБЕЗДОЛЕННЫХ ДЕТЕЙ? КАК ПОМОЧЬ ТЕМ, КТО ВОЛЕЮ СУДЬБЫ ОБРЕЧЕН РАСТИ БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ? ЭТИ ВОПРОСЫ МУЧАЮТ ИХ, БЫВШИХ ДЕТДОМОВЦЕВ. И ПОТОМУ ТАК ЕДИНОДУШНО ПОДДЕРЖАЛИ УЧАСТНИКИ ВСТРЕЧИ В ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ РЕШЕНИЕ О СОЗДАНИИ СОВЕТСКОГО ДЕТСКОГО ФОНДА. И ПОТОМУ ИМЕННО ОТ НИХ ПОСТУПИЛИ ПЕРВЫЕ ВЗНОСЫ НА СЧЕТ № 707.

Они и радостны, и щемяще грустны, встречи бывших однокашников. Возвращение в юность — хотя бы на миг, хотя бы в воспоминаниях — разве не радость? Ну, а почему грустны, тоже понятно: увидев вновь такие родные, знакомые но, увы, как ни горько, стареющие лица, и не хочешь да задумаешься о несбывшемся, об утратах, о быстротечности жизни...

Встреча, свидетелями которой стали мы в августе в Днепрпетровске, была, конечно, похожа на сотни подобных и трогательными объятиями, и слезами, которых никто не стеснялся и которых стесняться грех, и бесконечными «а помнишь?». Но было у нее и одно существенное отличие. В парк имени Чкалова в то субботнее утро пришли люди, объединенные не только тем, что сидели они когда-то за одними партами да хлебали одни щи; их общность более высокой пробы — это общность судьбы.

Рассказывает Надежда Ивановна Дегтярь-Шувалова. С 46-го по 52-й год я воспитывалась в Аннозачатовском детском доме, потом окончила ремесленное училище, четырнадцать лет работала на стройке штукатуром, но тянуло к детям, и вот после техникума уже двадцать лет я воспитатель в детском саду Кривого Рога. Дочь моя — педагог, внучке уже пять лет. Недавно мы с внучкой побывали в селе, где был наш детский дом. Посидели на крыльчке, обошли вокруг дома, напились воды из колодца. Я пью воду и плачу, а внучка спрашивает: «Что, бабушка, горькая вода в этом колодце?..»

Воспоминания о детстве почти всегда окрашены в сентиментальные тона. Что ж в этом дурного? Может, это и есть тот святой колодец, та криница, к которой и в зрелом возрасте хочется прикинуть? Седой полковник с рядами орденских планок на груди признался мне, что хочет увидеть хоть кого-нибудь из давних друзей и сказать им, что «жил все эти годы по совести и чести детского дома не посрамил». Вот ведь какая штука получается: человек жизнь прожил, а пацаны из его детства до сих пор для него авторитет, до сих пор ему перед ними марки терять не хочется.

Рассказывает Виктор Александрович Седов. В 41-м году я был вывезен из осажденного Ленинграда на Урал, в Челябинскую область. Жизнь забросила на Днепрпетровщину, почти тридцать лет работаю трактористом. Женат, живу в достатке. Но всегда с благодарностью вспоминаю землю, которая спасла от голодной смерти ленинградских детей. Так и не выбрал ни разу случая, чтобы побывать в селе Звягино Чебаркульского района Челябинской области, где был наш детский дом. Не очень надеюсь, что встречу своих звягинцев-ленинградцев, но вдруг? А если и не приехали в Днепрпетровск наши, увижу других сирот военного лихолетья, как и я сам. Дело в том, что до сих пор никого из родных я не нашел, несмотря на неоднократные попытки. Встреча с людьми, разделившими мою судьбу, необходима для меня.

Встреча в Днепрпетровске собрала около двух тысяч бывших воспитанников детских домов всех поколений. И тех, кому Украина дала когда-то кров, и тех, кто рос в детских домах России, Узбекистана, Грузии, Казахстана, других республик, а сегодня живет на Днепрпетровщине. И какую же надо было организаторскую работу провести, чтобы к назначенному часу пришли, приехали, прилетели люди из десятков и десятков городов и весей такого просторного нашего Отечества! А история такова. Несколько лет назад инженер-строитель Михаил Михайлович Арошенко, обратившись через днепрпетровскую городскую газету к своим товарищам по Щорскому детскому

дому, сумел собрать их в селе Благовонном Криничанского района. И многие теперь по его примеру проводят свой отпуск в селе, где прошло их детство. Приезжают не на солнышке валяться, а подсобить колхозу — кто на ферме, кто в поле. Чтобы сельчан не стеснять, отремонтировали заброшенное здание своего дома. Там и живут летом. Некоторые с детьми гостят, к труду их приобщают. Проблемы, как попасть в дом, нет: каждому из приезжающих выдали, так сказать, на вечное хранение по ключу — заходи в любое время, никого не беспокоя. Название же этой «самостоятельной» организации дали такое: «Дорослый дитячий будинок», по-русски значит «Взрослый детский дом».

Когда очерк о нем прозвучал по областному радио, в редакцию посыпались письма; авторы их просили помочь встретиться с друзьями детства, а кто-то — даже отыскать брата, сестру, потерянных в военное лихолетье. А поскольку в Днепропетровской области в разное время располагались сорок восемь детских домов, а встречались регулярно выпускники лишь нескольких, тут и нашлся ответ на вопрос, как помочь свидетелям одновременно всем бывшим воспитанникам. Образовался оргкомитет, в котором на равных токарь и секретарь парткома крупного треста, парикмахер и инженер. Председателем избрали Людмилу Ивановну Баженову, делегата XXIV съезда Компартии Украины. За считанные недели это самостоятельное объединение — думаю, вполне его можно так назвать — разослало письма с анкетами и приглашением приехать на сбор более чем в тысячу адресов и получило столько же ответов. (Прошу учесть, что адреса эти еще надо было найти. Маленькая горстка энтузиастов справилась с этим за несколько недель.) Результаты анкетирования, как нам говорили, будут обработаны на ЭВМ, чтобы каждый заинтересованный, запросив этот банк данных, мог быстрее встретиться с теми, кого, быть может, годами безуспешно разыскивает.

Рассказывает Эдуард Карлович Спариский. Я вырос в детском доме, очень долго вообще ничего не зная о своих родных, даже их имен. После десяти лет поисков узнал, кем был мой отец, репрессированный в 1937-м и по-смертно реабилитированный после XX съезда. С матерью и сестрой встретился через двадцать семь лет разлуки. Мать пятнадцать лет провела в заключении и обрела свободу лишь после смерти Сталина. Каких усилий потребовал поиск, и передать не берусь. Теперь многое знаю об отце и горжусь, что был он честным человеком, настоящим коммунистом — активно участвовал в революционном движении в Латвии, работал в Народном комиссариате просвещения РСФСР. Когда я все это узнал, мне стало легче жить...

Сейчас уборочная, а я шофер, сами понимаете — буквально на несколько часов в Днепропетровск выбрался. Может, повидать кого из своих? Замечательная идея — создать клуб... Насколько бы облегчился мой поиск, существуй он раньше.

...Табличка с названием детского дома, которую держал в руке сухощавый мужчина средних лет, не была похожа на другие. Те крупные, отпечатанные типографским способом, а эта совсем маленькая и написана от руки. Мужчина переходил от группы к группе, внимательно вглядываясь в лица, надеясь встретить кого-нибудь из львовского детдома № 2. Час шел за часом, люди уже начали расходиться, а Михаил Петрович Неведомый все не прятал самодельную табличку в надежде, что кто-нибудь окликнет его... Родителей он потерял в войну совсем ребенком. Имя свое уже знал, а вот отчество,

фамилию — нет. Их ему придумали в детском доме. Там же условно записали год рождения и национальность. Он не знает, как звали его отца и мать, кем были его бабушки и дедушки. И это его мучает, не дает спокойно жить, он никак не может смириться с такой несправедливостью. Человек без родословной... Не попадая под пули Михаил Неведомый, он тоже ранен войной, и нет на свете таких врачей, чтобы залечить эту рану.

Шестнадцатилетняя девочка из тех, кто называет себя «хайлафистками», написала в «Комсомолку»: «Я, представьте себе, даже слова о войне не читала и не буду. И без того надоело! Скучно так жить, если вспоминать то, что было давно». Не будем вступать с ней в полемику, лучше зададим себе один вопрос: сможем ли мы выжить на этой земле, если превратимся в манкуртов, лишенных памяти?

Одним философом подмечена очень точная социально-психологическая закономерность: большие войны начинаются, как только вырастают новые поколения, которые прошлой боины не пережили и ничего не знают о ней. Это бывает через каждые тридцать — сорок лет. Сколько же их в сегодняшнем мире, сытенных девочек и мальчиков, которым надоело «вспоминать то, что было давно»? Их немало, очень даже немало, и не стоит обольщаться тем, что других — с совестью и памятью, с душой, способной болеть, больше...

Хочется верить, что ничего не забыли не только наши, советские дети войны, но и дети тех американцев, которые погибли, так и не дождавшись победной встречи на Эльбе. Им, гражданам Соединенных Штатов, чьи родители пали во второй мировой войне, — слова обращения, подписанного всеми участниками встречи: «...Мы уверены, что и вы, испившие горькую чашу сиротства, разделяете нашу боль и тревогу за судьбы мира...» Да будут услышаны эти голоса!

Детдомовцы сороковых, испытывавшие так много, видевшие столько горя, верили, что после них детские дома закроют за ненадобностью, а слово «сирота» останется лишь принадлежностью толковых словарей. Но вот прошло уже четыре десятилетия, а число домов этих растет. Они не похожи на послевоенные; и дети в них другие, и слово «сирота» употребляется теперь в переносном смысле. Но нет в сегодняшних детских домах благополучия, и потому так велик спрос на людей, готовых им помочь. В анкете, адресованной участникам встречи, был и такой вопрос: «Хочешь ли ты взять шефство над нынешним детским домом?» Вот ответы: «С удовольствием возьму. С. М. Кухарь»; «Готова пойти к детям и учить их печатать на машинке, шить. В. Ф. Дороговцева»; «Я живу в Певеке, но могу пока помогать материально любому детскому дому. В. В. Василенко». Ответов, подобных этим, большинство. И потому аплодисментами было встречено известие об открытии счета № 707 Советского детского фонда имени В. И. Ленина, как и сообщение о том, что член оргкомитета встречи пенсионерка Елена Артемовна Горбатенко уже перечислила на этот счет 200 рублей...

Закончена встреча. Следующая — через три года. А что сегодня, завтра? У клуба «Взрослый детский дом» большие планы.

Розыск родных и друзей, помощь престарелым и одиноким — бывшим воспитанникам и педагогам, шефство над нынешними домами и школами-интернатами, создание музея детского дома...

Днепропетровские энтузиасты без специальных директив и указаний создают фактически вполне работоспособное областное отделение будущего Советского детского фонда.

Кто последует их примеру?

ПРОСТОР

Памятуя о названии вашего объединения, я заглянул в словарь Даля. «Досуг — свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дела». Вот такое определение: «Простор от дела»... Современная жизнь предоставляет широкие возможности для самореализации личности, но, с другой стороны, как мне кажется, в чем-то и ограничивает их, подменяя свободу выбора разнообразием «духовно-развлекательного меню». Ведь легче потратить то, что тебе предлагают, чем что-то создавать самому. Непросто обрести свой «простор» в многообразии соблазнов, увлечений, коими усеяно поле нынешнего досуга. Но ведь многие тратят свободное время в основном на просмотр телепередач... Скажи, Володя, насколько созданное у вас объединение по своему назначению и замыслу отвечает далекому определению досуга: «гулячая пора, простор от дела»?..

— Скорее противостоит ему. «Молодежный досуг» — это как раз «простор» для дела. Излюбленного, «дарующего тишь», плодотворную самоуглубленность занятий, необходимых человеку.

Вот выдержка из «Положения» об объединении «Молодежный досуг». Оно является «добровольной общественной организацией, создаваемой на базе молодежных любительских объединений, клубов по интересам, студий, секций и кружков спортивных, художественного творчества, дискотек, дискотек, молодежных кафе-клубов и других творческих объединений молодежи, организованных по принципу добровольности, инициативы. Объединение ставит целью совершенствование нравственного и эстетического воспитания, развитие общественно-политической активности молодежи».

И активность растет! Все предложения мы регистрируем, обсуждаем, самые интересные получают путевку в жизнь. Вот только несколько социально значимых идей: «О расширении платных услуг населению» Дома молодежи Комсомольска-на-Амуре; о совершенствовании практики работы кормозаготовительных отрядов; об организации выставок моделей одежды, создаваемой руками слушателей курсов кройки и шитья (молодежное объединение «Модницы» при ДК Комсомольска-на-Амуре), и т. д.

Спектр дел, которыми заняты члены объединения, весьма широк: от изготовления двухъярусной детской кровати, конструктивно включающей «шведскую стенку» (этакий симпатичный мебельный «кентавр» — патент учащихся Хабаровского СПТУ № 14), до создания высокочастотного стереофонического звукоусилителя конструкции комсомольчанина Евгения Алешина.

— С этим усилителем, я слышал, произошла забавная история...

— Да, на одном из испытаний аппаратуры присутствовал Давид Тухманов. «Ну, давай, — говорит он Алешину, — включай». А усилитель-то давно уже работает! Музыкант не слышал привычного фона, почти неизбежного при работе таких устройств... Фона не было!

Для интересующихся сообщу выходные характеристики усилителя. При весе 15 килограммов (он состоит из двух блоков) обладает общей мощностью 1600 ватт. Амплитуда частот — от 20 герц до 20 килогерц, при этом коэффициент модуляционных искажений не превышает одной десятой процента. Для сравнения: отечественный серийный усилитель ТУ-600 весит 30 килограммов и имеет мощность лишь 600 ватт, а уж уровень его «фонирования» таков, что, как говорится, и глухой услышит.

— Каков же спрос на продукцию объединения? Ведь одна из основных задач «Молодежного досуга» — «практическое использование социально значимых предложений и инициатив в сфере досуга молодежи, оказание организационно-методической помощи в их реализации».

— Тут есть чему радоваться и огорчаться. Радует тому, что мы сумели отработать механизм внедрения своих идей. Имею в виду прежде всего такую форму работы объединения, как ежегодно проводимые «Ярмарки молодежной инициативы». На них бывает представлено более двухсот социально значимых разработок, в прошлом году было отобрано для промышленного производства двенадцать.

А вот и повод для огорчений: всего шесть процентов внедрения — «эффект», не сравнимый с кпд даже такой устаревшей по нынешним временам машины, как паровоз. А ведь предложить, право, есть что. Вот хотя бы устройство освещения в подъездах жилых домов «Свет-2». Годовой экономический эффект — 60 рублей в расчете на пятиэтажный пятиподъездный дом при использовании сорокасвечевой лампочки. Подсчетом читатель пусть займется сам, припомнив, сколько пятиэтажек и более высоких зданий в нашей стране.

Братья Владимир и Юрий Лозовские изобрели вездеход на пневмокатках. В отличие от известного «Бурана» он не только ходит по бездорожью, но и плавает. Имеет существенно меньший вес, большую мощность, расходует топлива в шесть раз меньше, чем его серийный собрат.

Подобных разработок у нас немало. Нам постоянно помогает крайком партии. На каждой молодежной ярмарке присутствуют представители предприятий-изготовителей, работники крайплана, других ведомств, от которых зависит внедрение наших социально значимых разработок. По итогам молодежного аукциона принимаются специальные решения, ставящие дело внедрения на четкую организационную основу.

— Представим себе, у кого-то из читателей возникло желание создать у себя нечто подобное вашему объединению. С чего начать?

— С того, чтобы постараться... напроць забыть о своем желании. И когда, скажем, через неделю, месяц оно вновь «всплывет», еще раз задать себе честный вопрос: а готов ли я послужить задуманному делу без расчета на какие-либо лавры, готов ли к трудностям, которых будет немало?

Надо взвесить свои силы. Ибо хорошо известно, к чему чаще всего приводят благие намерения, не подкреплен-

Владимир Зюкин,

первый секретарь
Хабаровского
крайкома ВЛКСМ

ные трезвым расчетом, деловыми навыками, практической хваткой.

Объединение наше создано в октябре 86-го года. Тогда еще не было нормативных актов, санкционирующих образование подобного рода общественных добровольных формирований. Так мы думали, а они, оказывается, были! Юрист крайисполкома, член правления тогда еще не существовавшего объединения Галина Семых отыскала в архивах Постановление Совета Народных Комиссаров от сентября 1932 года о добровольных обществах трудящихся. Вчитавшись в его строки, ребята ахнули: все, о чем мечтали, — хозрасчет, финансовая самостоятельность, подкреплялось авторитетом юридического факта, забытого, но ведь не отмененного!

На торной дороге создания добровольных объединений молодежи был обнаружен верный указатель.

А ведь как было? Порой чего только мы не напридумываем в наших планах, а все вдруг упрется в обыкновенное меню какой-нибудь обыкновенной точки общепита, и ни с места! Как так? Да очень просто: заказывает музыку тот, кто за нее платит.

Три года назад мы пробовали создать первый в городе клуб-кафе «Юность». Сам на этом объекте работал как про-раб, радовался, если удавалось выбить что-нибудь из дефицита для стройки. Согрела мысль: на базе «Юности» сплотим любительские объединения, наладим общение между ними, здесь будет встречаться рабочая, творческая молодежь, наконец-то развернутся ребята из популярной в городе диско-группы «Второе дыхание».

Но «второго дыхания» не получилось. И сказать, что виноваты бюрократы, руководящие общепитовской «Юностью», нельзя. По-своему они даже сочувствовали нам. Но молодежный черный кофе да бокал лимонада, востребованные за вечер посетителем, — слишком тяжелое испытание для их «альтруизма», скованного необходимостью давать финансовый план.

Теперь же постановлением крайисполкома, президиума крайсовпрофа и бюро крайкома ВЛКСМ объединению «Молодежный досуг» предоставлено право юридического лица, действующего на основе хозрасчета и полной самоокупаемости.

Постановление предписывает горжилуправлению передавать объединению пустующие и неиспользуемые подвальные и другие помещения без взимания арендной платы; управлению торговли крайисполкома вменяется в обязанность первоочередное исполнение заявок объединения на приобретение музыкальной, звукоусилительной и воспроизводящей аппаратуры; управлению общественного питания запрещено привлекать к работе на предприятиях общественного питания, предназначенных для молодежи, коллективы, не состоящие в объединении «Молодежный досуг»; управлению жилищно-коммунального хозяйства поручено ежегодно при подготовке предложений по распределению жилой площади включать в «Перечень отделов и управлений крайисполкома» на получение жилья объединение «Молодежный досуг».

Источником средств объединения служат членские взносы, денежные

средства от проводимых платных мероприятий, целевые поступления в результате гражданско-правовых сделок.

— Все сказанное звучит сладчайшей музыкой. Ведь мы все время с чем-то боремся, что-то преодолеваем; можно сказать, вне этих препон и рогадок, награждаемых нами на собственном пути, не мыслим своей деятельности — вынь и подай нам трудности. А тут...

— И тут, увы, несмотря на принятое постановление, трудностей хватает. Может быть, это и способствует воспитанию бойцовских качеств личности, но не способствует развитию инициативы молодежи.

Вот пример. Казалось бы, краевое управление профтехобразования должно быть заинтересовано в развитии научно-технического творчества юношей и девушек. А в любом ПТУ остро не хватает подручных материалов — от болта до конденсатора. К чему, собственно, прилагать творческую мысль юного изобретателя? Конечно, можно использовать отходы производства, но в инструкции, определяющей отношения базовых предприятий и ПТУ, подписанной и руководителями управления, не сказано, сколько и каких отходов может быть передано в «ребячье производство». Изменить бы свою же инструкцию, внести в нее уточнение — как же все это бывает трудно на практике!

И дело не только в отставших от жизни руководителях. Есть еще так называемый «второй эшелон» — аппарат. Он лишь готовит вопрос, но в ходе этой предварительной работы может так предостеречь дело, что самое важное выхолостит. Зато утверждает правило: «не разрешено — значит запрещено». Сейчас, под влиянием общих перемен формируется иное, ему противостоящее: «не запрещено — значит разрешено». Наше объединение и создано затем, чтобы убедить молодежь: запретов нет! Помню, как тянулись у нас мальчишки и девчонки, словно к запретному плоду, к металлистам рок-группы «Трэки». А мы им, «трэковцам», — концерт на самой людной сценической площадке города! И «запретный плод» предстал перед поклонниками тем, чем он пока есть: заурядным побитым яблочком — можно, конечно, и отведать, но хочется поискать, нет ли чего получше...

Объединить, сплотить самые разножанровые, разнонаправленные любительские объединения молодежи, вооружить их программой — вот наша цель.

— У глаголов «объединить» и «сплотить» есть и синоним «централизовать»... Объединение «Молодежный досуг» в организационном отношении, как я понял, своего рода «комсомольская крыша» для разного рода любительских объединений. Нет ли опасности, что эта «крыша» станет давить на головы энтузиастов?

— Приведу такой пример. На учредительную конференцию объединения я пришел «инкогнито». Устроился на задних скамьях студенческой аудитории и пригостился слушать.

В зале собралось более двухсот человек. Кого тут только не было: и металлисты, и рокеры, и дизайнеры,

В прошлом году при Хабаровском крайкоме комсомола было создано хозрасчетное объединение «Молодежный досуг». Чем оно занимается, о каких реальных результатах можно говорить уже сейчас, какие возникают проблемы — об этом рассказывает первый секретарь крайкома комсомола.

и конструкторы вечных двигателей, и изобретатели велосипедов... Один из них вдруг поднялся и, указывая театральным жестом в президиум (там сидел второй секретарь крайкома комсомола Саша Фильев), возгласил: «Если он войдет в объединение, то я из него выйду». Однако сами же собравшиеся и осадили крикуна: многим было известно, сколько труда вложил Фильев в новое дело.

С тех пор и повелось. Мы идем не от волевого решения, не навязываем никому свое мнение, как окончательное и бесспорное, а стараемся сначала понять пусть даже самый неожиданный порыв, самую необычную идею, а потом помочь, если видим, что предлагается полезное, интересное дело.

Собственный опыт (когда-то руководил рок-группой в Бряньске) учит, сколь тяжелой при самых благих намерениях может стать «руководящая десница» комсомольского комитета, когда ему хочется и «солнечного зайчика» прикнопить к столу...

— Однако, Володя, так ведь можно оказаться в положении человека на подножке трамвая, когда нет уверенности, что удержись на ходу...

— Нам это не грозит. Средства — у нас в руках, материальная база — наша, мы представляем молодежь в различных административно-хозяйственных, общественных органах. Наконец, вооружены четкой программой действий. Какая уж тут «подножка»?

Другое дело формы влияния. Как показывает практика, если комсомольский работник выступает словно бы «за кадром», эффект оказывается гораздо выше, чем тогда, когда комсомольский аппарат руководит напрямую, не избегая назидательности.

— Я слышал, при организации различных молодежных мероприятий вы используете созданную вами же систему «Конус». Расскажи, пожалуйста, о ней подробнее.

— Прежде, при проведении, скажем, месячника молодежной песни, мы привлекали в первую очередь аппарат и «штатный» актив. После проведения мероприятия организаторы переключались на другие заботы, а активность участников резко падала. Теперь мы поступаем иначе. Инициативная группа (необязательно работники аппарата) ищет союзников в массах молодежи и старается как можно больше людей вовлечь в подготовку мероприятия. Время на подготовку резко сокращается, а время резонанса, отзвука — увеличивается, люди заряжаются энергией, желанием продолжать работу.

Вот один из примеров. Праздник улиц в Азове, организованный горкомом комсомола. В городе семьдесят четыре тысячи жителей. Тридцать четыре тысячи из них готовили этот карнавал. Даже детские сады подключились! В ходе всей этой работы в городе возникло немало самостоятельных любительских объединений молодежи. Какие-то из них впоследствии распались, но это не беда. Зато у ребят повысился интерес к творчеству, улучшилась связь с комсомолом города. Другие же объединения азовчан стали коллективными членами «Молодежного досуга».

— Если бы нужно было придумать эмблему объединения «Молодежный досуг», что бы ты предложил?

— Пожалуй, открытый семафор и зеленый свет впереди...

«Для боевой деятельности — и военной, и хозяйственной, и организационной — очень часто абсолютно необходимы люди страстные, потому что без большой страсти они большого напряжения не выкажут и спешной очередной задачи в измученной стране не решат». Эти слова В. И. Ленина, сказанные в момент одного из самых суровых испытаний, которые выпали на долю нашей революции, как нельзя точно передают содержание одного из безусловных законов успешных революционных действий — для их совершения нужны одержимые революционными идеями люди.

«Абсолютно необходимы». Именно такие люди совершают, казалось бы, невозможное. Именно такие люди своим порывом, своим примером увлекают за собой остальных, вселяя в них уверенность в возможность и достижимость победы. Именно люди страстные, одержимые в наше время революционных преобразований способны сказать решающее слово, внести решающий вклад в дело перестройки. Они есть среди представителей всех поколений, всех профессий. Рядом с ними неугодно тем, кто желал бы отсидеться в стороне. Рядом с ними сильнее и увереннее те, кто считает дело обновления общества своим личным делом и честно хочет участвовать в этом великом по размаху и замыслу деле. Жизнь и поступки Андрея Алексеевича Трофимюка, Героя Социалистического Труда, академика, лауреата Государственных премий, первого заместителя председателя Сибирского отделения АН СССР, основателя и директора Института геологии и геофизики СО АН СССР, — пример страстного служения своему делу, делу партии, верности большевистским убеждениям, пронесенным неколебимо через все испытания.

70 ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО
ОКТАБРЯ

Герой
Социалистического
Труда, академик

Андрей Алексеевич, перестройка вступила в весьма ответственный период — период практических дел, воплощения в жизнь принятых решений. Сегодняшний день требует от нас немалых усилий, проявления лучших человеческих качеств. Нужна революционная одержимость. Но ведь не по приказу, указанию сверху люди становятся принципиальными, целеустремленными, одержимыми... Что, на ваш взгляд, способствует формированию этих качеств?

— Сознание — вот тот фундамент, на котором строится вся человеческая деятельность. В. И. Ленин отмечал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... Мир не удовлетворяет человека, и человек своими действиями решает изменить его». Но сознание еще надо реализовать! И тут-то никак не обойтись без убежденности, стойкости, идейности... Конечно же, какие-то нравственные начала закладываются родителями, школой. Но не за ними, на мой взгляд, решающее слово. Воспитывая молодых людей, мы можем долго и настойчиво рассуждать о высоких материях, сущности бытия; будем приводить классические примеры из истории, литературы, пичкая подрастающее поколение наставлениями, нравоучениями. Но означает ли это, что таким вот образом молодого человека можно наделить принципиальностью или одержимостью? Нет, не думаю. Только сама жизнь, окружающая действительность с ее проблемами и противоречиями, сложностями и трудностями, целями и борьбой, пробуждает в людях социальную активность, развивает и формирует лучшие человеческие качества. И, несомненно, высокие цели требуют высоких энергий!

Вспомним, например, какие цели стояли перед молодежью тридцатых годов? Пятый Всесоюзный съезд Советов утвердил первый советский пятилетний план. Его задача — превратить отсталую аграрную страну в развитую державу! Люди, казалось, брались за невозможное — надо было не просто построить несколько гидроэлектростанций, заводов, фабрик, шахт, а создать развитую по тем временам промышленность, причем в максимально короткий срок! И мы, выпускники Казанского университета, тоже спешили внести свой вклад в громаду дел. Отправлялись в горы Урала и Кавказа, в тайгу и пустыни — искать крайне необходимые стране газ, железные руды, бокситы, уголь, нефть.

В предвоенные и военные годы мне довелось возглавлять поиски и добычу нефти в Волго-Уральской нефтегазовой провинции. Специальных — «нефтяных» — знаний не хватало — имел-то я общее геологическое образование. А пришлось руководить людьми опытными, знающими, которые умели добывать нефть. Они мне говорили: что ты, парень, понимаешь в нашем деле?... Да, отвечал я, верно, знаю мало, но вы-то люди сведущие. Так учите меня, учите, чтобы знал не меньше вас... Нефть нужна была фронту. Немцы ов-

ладели нефтепромыслами Украины и Северного Кавказа, нависла угроза захвата Баку... Поэтому район между Уралом и Волгой должен был стать главным местом нефтедобычи. Однако нефть еще предстояло найти, а она не очень-то давалась в первое время. Но неудачи не вгоняли нас в пессимизм, мы не терялись, а трезво анализировали каждый промах и тем самым приближались к успеху. Сроки многих работ сократили в несколько раз.

— Из бесед с вашими сослуживцами знаю, что ваша одержимость, Андрей Алексеевич, нередко была на грани риска. И это в то суровое время!

— Да, приходилось рисковать — нередко самостоятельно закладывали скважины, не дожидаясь необходимых согласований; изобретали, как быстрее «взять» нефть... Мы думали только о деле. И одна из скважин дала мощнейший фонтан: шесть тысяч тонн в сутки! Столько не давали все существующие промыслы. Так было открыто Кинзебулатовское месторождение. И вдруг нелепое обвинение: мол, мои коллеги пытались скрыть месторождение, ликвидировать, закрыть скважину, да вот не получилось... Абсурд какой-то. Понятно, чем это грозило в военное время. Пришлось вмешаться, отстаивать людей, защищать их от необоснованных обвинений. Знаю, некоторые в подобных ситуациях стараются держаться подалеже, в тени — как бы чего не вышло. Где-то человек верен своим принципам, а где-то их игнорирует... Он может яростно биться за свою идею, но тут же, угодая кому-то или чему-то, предаст товарища, друга. Разве это убежденность, разве это боец? Словом, тогда с нами разобрались только вторая комиссия, которую возглавлял Н. К. Байбаков. Позже я узнал, что и на меня все-таки было заведено «дело».

— Неправимой ошибки, к счастью, не случилось. Труд вашего коллектива справедливо оценили, отметили высокими наградами. Отметили и вас. Вы — первый советский геолог, который в годы войны получил звание Героя Социалистического Труда, а позже вы были удостоены и первой Государственной премии...

— Что и говорить, приятно, когда твою работу так высоко оценивают. Но, поверьте, это ко многому обязывало — надо было идти дальше. «Ни на секунду не успокаиваться на достигнутом...» — учил Серго Орджоникидзе. Да, не сумеешь удержать себя от излишних восторгов — сломаешься, зазнаешься, забуксуешь на месте. Не только неудачи надо трезво анализировать, но и победы. Без этого нет движения вперед. Впрочем, нам некогда было уливаться восторгами — нас манила Западная Башкирия, месторождение Туймазы. Нефть там бралась в верхних, каменноугольных слоях — на глубине 1200 метров. Мы же предлагали бурить глубже, идти на девонские слои. Для многих эта идея казалась безумием. Нам говорили: обстановка в стране сложная, идет война — к чему сомнительные эксперименты?

Нет, мы не отказались от своих замыслов, отстаивали их перед самым

высоким начальством. Конечно же, знали, что нас ждет в случае неудачи. Но мы верили в свои знания, верили в науку и не ошиблись в расчетах. Первая же глубокая скважина дала больше нефти, чем весь промысел на Туймазах. Так родилось «Второе Баку». Открытие девонской нефти позволило не только бесперебойно снабжать фронт, но и резко увеличить в стране добычу нефти и газа в послевоенные годы.

— Андрей Алексеевич, с 1957 года ваша жизнь, научная деятельность связаны с Сибирью, Сибирским отделением АН СССР. От ваших коллег знаю, что вас неоднократно приглашали в Москву, предлагали высокие, солидные должности, но тем не менее вы не поддались соблазну, хотя работать в Сибири вам было, вероятно, нелегко.

— Как я оставлю Сибирь?.. Привлекает не только возможность познания, изучения недр этого края, но и использование их в народном хозяйстве. Привлекают серьезность, масштабность, историчность работ, если хотите. Ведь именно с развитием Сибири связывался и связывается дальнейший прогресс нашей страны.

Кстати, Сибирское отделение было сформировано в кратчайшие сроки — за один год — и вопреки всевозможным прогнозам не только устояло, но и весьма скоро во многом стало задавать тон. В этом немалая заслуга академика М. А. Лаврентьева — главного организатора сибирской науки. Человек, безусловно, глубоко одержимый: он создал в нашей научной среде деловую, творческую атмосферу. Каждый крупный ученый имел не только самостоятельность, но и возможность реализовать свою программу.

Меня же по-прежнему увлекала нефть. Основоположник советской нефтяной геологии академик Н. М. Губкин еще в начале 30-х годов обосновал возможность открытия в Западной Сибири промышленного нефтегазового бассейна. Однако не все авторитеты были согласны с ним, считая, что запасы нефти и газа в Западной Сибири невелики, местного, стало быть, значения. Долгое время господствовала именно эта точка зрения. Вот мы тогда и решили разобраться в этом до конца. И оказалось, что прав был Губкин — мой учитель. Мы обосновали перспективы сырья Западной Сибири и стали доказывать, что этот регион в ближайшие годы должен стать новой — причем главной — газонефтедобывающей базой страны, определили стратегические направления поисков нефти и газа, предсказали объемы потенциальных запасов... И тем не менее скептиков, всяких сомневающихся хватало.

Сейчас в Западной Сибири — более двухсот месторождений. Из них около ста действующих, которые дают более половины всей добываемой в стране нефти. Только в Тюменской области с начала двенадцатой пятилетки вступили в строй 36 новых месторождений. За счет этого нефтяники страны погасили свою задолженность государству.

Углеводороды занимают особое место в государственной программе «Сибирь», которая, кстати, берет свое начало от ленинского плана ГОЭЛРО,

Андрей ТРОФИМУК

ОДЕРЖИМО

продолжает и развивает его. За последние годы удалось научно пересмотреть реальные запасы нефти и газа в Западной Сибири. Нефти оказалось в два, а газа в три раза больше, чем считали раньше. Только в пределах Западной Сибири ресурсы нефти и природного газа превышают ресурсы США.

Предназначение науки — смотреть вперед, видеть перспективу. Мы говорим: территория Западной Сибири исследована недостаточно полно. Дело в том, что до настоящего времени все месторождения здесь были найдены в меловых отложениях, образованных 90—100 миллионов лет назад. Но давайте спустимся вниз, к более древним отложениям, на «этаж» ниже — и там оказывается нефть!

Перед коллективом Сибирского отделения стоят серьезные задачи: к концу века в Сибири должно добываться 70 процентов нефти и газа, более 50 процентов угля, вырабатываться не менее 18—20 процентов электроэнергии.

Проблема углеводородов — проблема исключительная. Напомним, что углеводороды — пока самое экономичное энергетическое сырье. Уровень и качество использования этого сырья есть показатель уровня и качества развития страны в целом! Тут нет натяжки, преувеличения. Поэтому именно углеводороды — приоритетное направление в нашем институте. Конечно же, нам была известна теория об ограниченности запасов нефти и газа. Думаю, что сибирские ученые, сделав важное научное открытие, успокоили многих скептиков и паникеров. Была установлена способность углеводородов образовывать с водой твердые соединения в вечномёрзлых породах — газогидраты. Иначе говоря, твердый газ. Эти уникальные залежи обнаружены во многих местах. Твердый газ существенно увеличивает энергетический потенциал не только Сибири и СССР, но и всей планеты в целом.

— Андрей Алексеевич, вы еще в 1960 году выдвинули гипотезу о том, что второй нефтедобывающей базой страны станет территория Восточной Сибири и Западной Якутии между Енисеем и Леной. Подтвердились ли ваши прогнозы?..

— Мне с моими учениками и сподвижниками пришлось отстаивать эту точку зрения на протяжении многих лет. И только в прошлой пятилетке удалось доказать нашу правоту. Но боюсь, еще не все поверили нам до конца. И все же мы уже сейчас должны начать формировать новые предприятия нефтяной и газовой промышленности в районах Восточной Сибири.

Безусловно, добыча углеводородов еще более возрастет за счет Восточной Сибири. Такое сравнение: если в Западной Сибири суммарная нефтегазоносная площадь — около двух миллионов квадратных километров, то в Восточной — более трех миллионов!

В Восточной Сибири добыча полезных ископаемых сложнее, чем в Западной. Значит, тут не обойтись без новой буровой техники. Но особая проблема — транспортная. Скажем, в Западной Сибири транспортные затраты и издержки доходят до 50 процентов. Кроме железной дороги, должен быть экономичный трубопроводный транспорт нефти, природного газа... Практика показывает: нужны конструкции вездеходов разных типов, в том числе и на воздушной подушке, нужен большегрузный транспорт типа вертолетов (гибрид дирижабля и вертолета) и экранолетов. Решение транспортных проблем — вопрос ресурсосбережения. А это — главная тенденция нашей инвестиционной политики, которая корнями уходит в Октябрь.

Уж коль мы заговорили про экономику, то вот еще некоторые цифры для размышления: отдача от работ по программе «Сибирь» сейчас составляет около 2,5 рубля на рубль затрат. Да, сравнительно неплохо. Но это в семь раз (!) меньше, чем можно было бы получить. Каждый рубль, вложенный в геологические изыскания, оборачивается потенциальными ценностями на сумму 40—50 рублей. И это не предел.

Яснее ясного: мы должны повышать коэффициент использования природных богатств, а затраты на их добычу уменьшать. Но это, надо признать, еще нередко остается лишь теорией. Так, прежде чем приступить к бурению скважин, необходимо выполнить различные подготовительные работы. Они отнимают 2—3 года. Представьте, у вас есть все, что требуют инструкции. Как идет освоение? Пробурив, допустим, десять скважин, мы четко видим: под нами — триллионы кубометров газа. Казалось бы, бери и осваивай. Ведь какой спрос на сырье! Но не тут-то было. Чиновник из комиссии по запасам изрекает: пока не пробурите 100 скважин, которые предусмотрены, не приходите! А на это, замечу, потребуется 5—10 лет и плюс затраты. Таковы издержки ведомственной разобщенности. Спрашивается: как же это увязывать с государственными интересами? В военное время такие вопросы решались за несколько месяцев.

А чем измеряется эффективность работы буровиков? Все тот же пресловутый вал живет и ныне. Не важно, какие запасы нефти ты открыл, не важно, какого она качества. В героях ходит тот, кто дал большее количество пробуренных метров. Уму непостижимо!

Весь мир ищет нефть и газ по косвенным признакам — геологическим, геохимическим, геофизическим. В лучшем случае только треть из ста скважин попадает в месторождения. Заметьте: одна скважина стоит 2—3 миллиона рублей. Такое расточительство терпеть больше нельзя. Наука должна и может значительно снизить эти потери. Есть революционные методы поиска — сейсморазведка, электронная разведка, космическая... Что же нам мешает все это внедрить? Низкие технические средства и отсутствие заинтересованности ведомств в улучшении качества работы, в ее конечных результатах.

Если наука решительно поворачивается к нуждам общественного производства, то производство должно ак-

тивно воплощать идеи науки. Мы должны стремиться к «монокристаллу» науки и производства, о необходимости которого говорил В. И. Ленин. Таков курс и перестройки.

Если мы действительно ратуем за научно-технический прогресс, то, наверно, надо учитывать и уровень производства развитых стран. То есть ориентироваться на разработку такой техники и таких технологий, которые заведомо совершеннее используемых за рубежом. Это относится к любой отрасли народного хозяйства.

К сожалению, промышленность еще не очень-то интересуется новейшими, а особенно революционизирующими разработками; не везде изжит ведомственный инстинкт. Но, думается, дела поправятся с переходом на полный хозрасчет на основе самофинансирования предприятий.

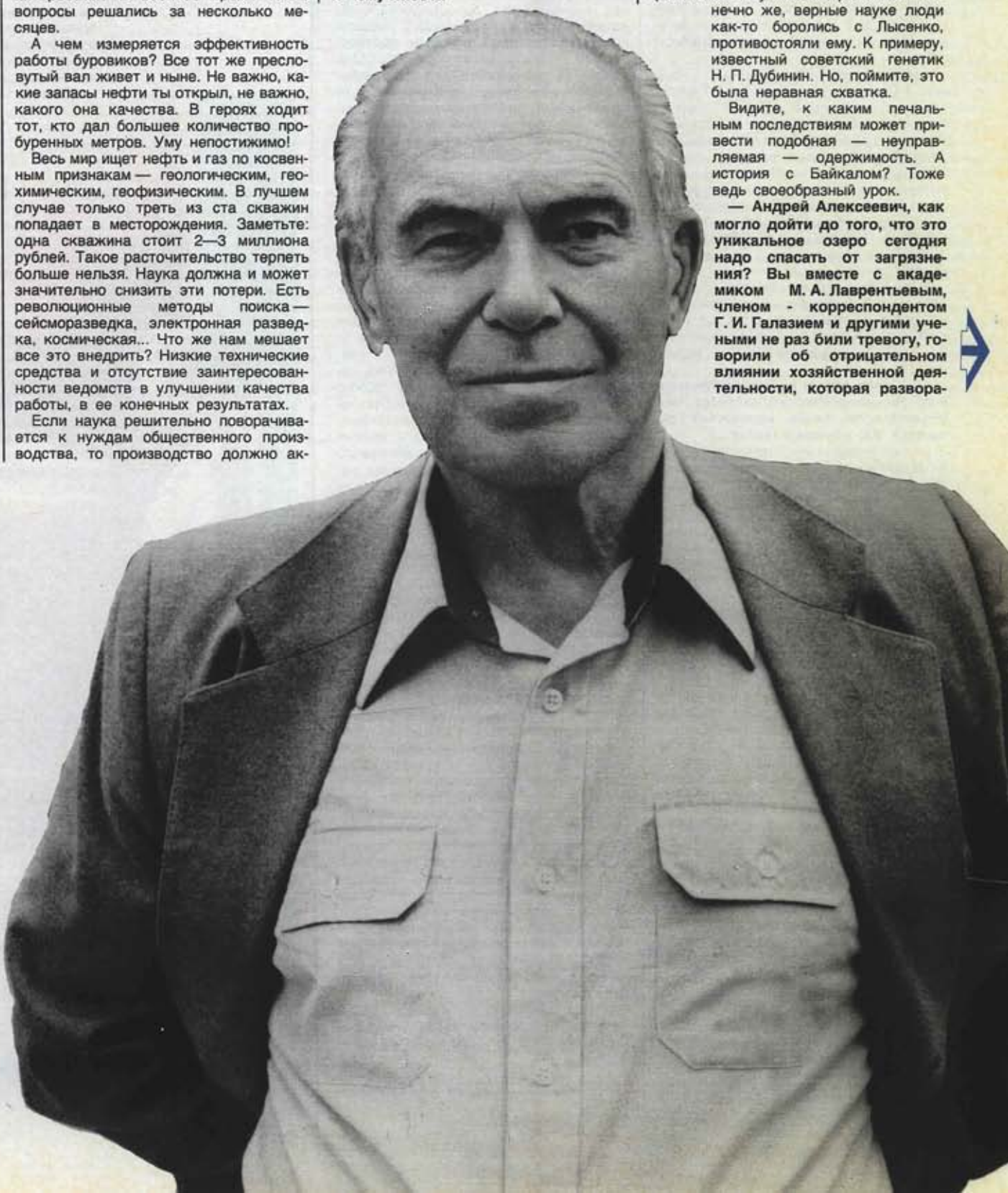
— Вас, Андрей Алексеевич, справедливо считают человеком огромной целеустремленности, большевистской принципиальности и мужества, поистине одержимым человеком. Одержимость, вероятно, ценнейшее человеческое качество, которое способно сокрушать преграды, будоражить умы, пробуждать энергию, увлекать... А вот самого человека обязывает ли одержимость к чему-либо?..

— Безусловно. Одержимость, как я понимаю, неотделима от нравственности. Одержимость — это особое состояние внутреннего мира личности, стихия души, если хотите. Но тут надо крепко стоять на ногах, дабы не потерять голову. Ведь можно увлечься так, что окажешься в плену иллюзий. От ошибок, конечно, никто не застрахован, но надо иметь мужество вовремя остановиться, не поддаваться сиюминутным интересам.

Когда же верх берет не долг, а эгоистические желания, когда во внутреннем мире личности господствуют внешние стимулы — карьеризм, власть, обогащение, когда потеряна нравственная ориентация, то тут одержимость уже другого качества. Человек, побуждаемый благороднейшими целями, идет к ним бескорыстно, нередко терпя нужду и лишения. А человек, одержимый эгоистическими потребностями, может стать социально несостоявшейся личностью. Взять хотя бы такую личность, как Т. Д. Лысенко, который на протяжении многих лет, не считаясь ни с кем и ни с чем, шел напролом, внедряя свои антинаучные концепции. Эта деятельность уже носила преступный характер. Ведь одержимый лжеученый погубил почти весь цвет советской биологии, заморозил многие прогрессивные научные направления. Конечно же, верные науке люди как-то боролись с Лысенко, противостояли ему. К примеру, известный советский генетик Н. П. Дубинин. Но, поймите, это была неравная схватка.

Видите, к каким печальным последствиям может привести подобная — неуправляемая — одержимость. А история с Байкалом? Тоже ведь своеобразный урок.

— Андрей Алексеевич, как могло дойти до того, что это уникальное озеро сегодня надо спасать от загрязнения? Вы вместе с академиком М. А. Лаврентьевым, членом - корреспондентом Г. И. Галазием и другими учеными не раз били тревогу, говорили об отрицательном влиянии хозяйственной деятельности, которая развора-

живалась в бассейне Байкала. Говорили, доказывали, убеждали... и все же...

— Попробую пояснить. Еще в 1958 году, когда возник нелепейший вопрос о строительстве на Байкале целлюлозно-бумажного комбината, сибирские ученые твердо высказались против этого авантюрного проекта.

Почему авантюрного? Потому что знали: как бы заводские стоки ни обрабатывались, они все равно занесут в озеро губительные для его фауны компоненты.

Нас, сибирских ученых, успокаивали, уговаривали, призывали, чтобы дали «добро» на «конвейер смерти», как мы тогда окрестили промышленные стоки. А затем сработал рычаг волевого решения.

Спрашивается: на чем это было основано? Что, на всей территории СССР так и не нашлось другого места для комбината? Тщетно, нас уже не слушали. А тут еще, к сожалению, в академии проявились откровенно одержимые карьеризмом люди, которые, позабыв о гражданской и научной чести, стали во главе с академиком Н. М. Жаворонковым «доказывать» безопасность целлюлозно-бумажного производства для экосистемы озера Байкал.

Академик Жаворонков мыслил с размахом — не один комбинат, а как минимум 2—3 можно ставить! Дескать, Байкал большой, загрязнить его — дело немислимое... Какая дикая безграмотность...

Хорошо, соорудили комбинат. Ради чего? Где его чудо-продукция? Где его кордная целлюлоза класса «супер-супер» для производства шин? Ведь комбинат не дал ни грамма обещанной целлюлозы. Это наглый обман, и весьма печально, что на него поддались. Печально, что в байкальской истории далеко не до конца принципиальными оказались тогдашние президенты АН СССР М. В. Келдыш и А. П. Александров. Я не хочу сказать, что все наши усилия свелись на нет.

Худо-бедно стали выделять какие-то деньги на охрану озера, было привлечено внимание общественности, да и ретивые хозяйственники не так вольготно себя чувствовали вокруг Байкала.

— В свое время вы хотели возглавить Лимнологический институт. Чем объяснялось столь необычное решение? Вы все-таки геолог...

— Партийность — прежде всего и раньше всего... Дело в том, что директор Лимнологического института членкорреспондент Г. И. Галазий — человек убежденный, принципиальный. Он как мог противился развитию промышленности в бассейне озера. Не всех эта позиция устраивала. Вот и была создана специальная комиссия. На Галазия началось давление. Его уговаривали, чтобы он отступился, признал свои ошибки (!), успокоился, наконец... Галазий отказался от сделки, и в результате — решение об «укреплении руководства». Кому не известно, что оно означает? Чтобы институт не оказался в руках человека, которому были бы чужды интересы Байкала, я и обратился с просьбой о назначении меня директором Лимнологического института. Вероятно, моя решимость заставила задуматься некоторых ответственных работников. Галазия оставили на прежнем месте, но ему и сегодня не дают спокойно работать. Ведь опять была комиссия, и среди прочих ее решений есть решение и об «укреплении руководства института...». Выступая в Иркутске, писатель Валентин Распутин с возмущением говорил: «Что это — месть? И это за его старания спасти Байкал?!» Так ли нам Ленин завещал обращаться с кадрами?

То, что нам завещано Октябрем, еще надо отстаивать и отстаивать. Мы не имеем права пятиться назад, отступать от большевистских принципов, а тем более сейчас, в эпоху перестройки.

— Андрей Алексеевич, а вам не

приходилось сталкиваться с такими рассуждениями: мол, тогда, в 20—40-е годы, все было гораздо проще, было ясно, против кого и как бороться. А сейчас? Ведь время совсем иное. Против кого же бороться, от кого защищать идеалы Октября?

— Революция продолжается в борьбе с застоём, с механизмами торможения, она продолжается в трудной борьбе с конкретными социальными противниками перестройки. Наивно полагать, что они канули в Лету. Противники есть. Среди них — иждивенцы, обыватели, люди с мелкобуржуазной психологией — потребители... Им все равно, какие идеи восторжествуют, их все устраивает на белом свете, все, кроме потери питательной для них почвы. Но главный противник — бюрократ. «Партия, — говорилось на XXVII съезде, — должна объявить решительную и беспощадную войну бюрократизму. Владимир Ильич Ленин считал особенно важной борьбу с ним в переломные моменты, во время перехода от одной системы управления к другой, когда требуется максимум деловитости, быстроты и энергии».

Но бюрократы ведь тоже перестраиваются, меняют свою личину: наловчились говорить правильные слова, ратуют за преобразования, словом, как могут, подыгрывают перестройке. А вы присмотритесь к ним в жизни и увидите, как в столкновении с новым, прогрессивным обнажается их сущность. Они уходят от принципиального, творческого разговора, ловчат, прикрываясь всевозможными инструкциями, циркулярами, всю свою энергию направляют на сохранение своих административных позиций, на сохранение своего кресла... Да, с бюрократом бороться непросто. Вот тут-то и должны проявиться наши убеждения, бойцовские качества. Бюрократизм надо изобличать, предавать гласности. Бывает трудно и больно. Но истинные революционеры не гнутся. Лишения, препоны, гонения только закаляют бойцов, увеличивают их энергию, возбуждают силы, с которыми крепнут и мускулы. Успех не приходит без боя. А тылы у нас надежные — развивающаяся демократия, гласность. За молодежь — инициатива, самостоятельность. Сейчас себя можно проявить в любой сфере. Перестройка обязательно высветит талантливых, способных, думающих людей и выдвинет на авансцену социально активную личность, которая обладает всеми необходимыми качествами для решения самых серьезных задач нашего времени.

У нас нет основания драматизировать положение. Перестройка утверждается, мужает, и мы все больше убеждаемся в том, что встали на верный путь. Перестройка, начатая партией, — это второе дыхание нашей жизни. Перестройка — гимн человеку! Она дает возможность творить, возвыситься над собой, дает понять, что ты не винтик, не робот, слепо исполняющий чужую волю, а творец, создатель. Люди пробуждаются, раскрываются их таланты и способности, общественный интерес становится интересом индивида — создаются предпосылки для формирования всесторонне развитой личности. Все принятые законодательные акты как раз и направлены на это. Вчитайтесь в Закон о социалистическом предприятии. Ведь это поэма о творческом труде. Закон глубоко нравственный, он как бы ненавязчиво подводит нас к мысли, что человек должен стесняться работать плохо, когда ему предоставляются все возможности для самовыражения. И мы должны учиться творить. В этом залог, гарантия успеха перестройки. Творческий труд — двигатель прогресса.

Жить надо так, чтобы и по нам потомки сверяли время. В этом суть одержимости — революционной одержимости.

Беседу вел
Сергей КАЛЕНИКИН.

СМЕНА

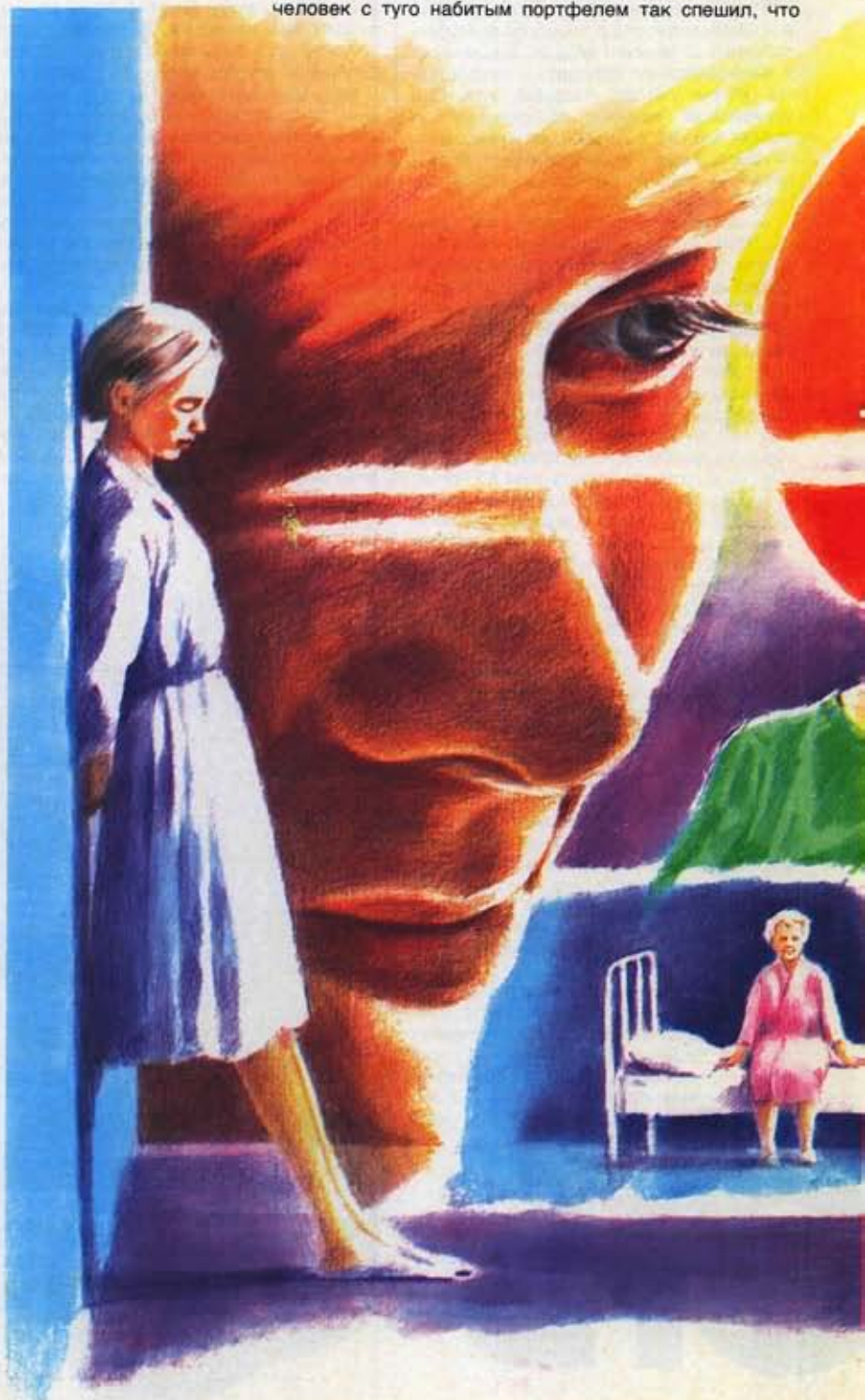
ПОСТУ

Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

Н

е видывала такого солнца, как в это утро. Правда, захватила я самые первые мгновения. Оно только выкатилось за черту горизонта и стояло огромное, багрово-красное, стреляя в небо короткими огненными стрелами.

Я рассказывала знакомым, как устрашающе красный шар слал в небо стрелы. Мне не верили, смеялись: галлюцинация, начиталась детективов. Может, галлюцинация, но я видела. Это продолжалось очень недолго. Солнце, поднявшись чуть выше, побледнело и стало обычным. Тихо безоблачное утро, стайки воробьев беспечно перелетают на дорожках чахлого скверика возле нашего дома. Потоки пол-летнему нарядных служащих спешат к метро, а я, намереваясь провести этот день в свое удовольствие, направляюсь в Литературный музей Пушкина, что на Кропоткинской улице, когда кто-то, обгоняя, толкнул меня, и я упала. Молодой человек с туго набитым портфелем так спешил, что

ПЛОК

даже не оглянулся, сбив меня с ног. Две сердобольные женщины помогли мне подняться. Я не сильно ушиблась, но содрала довольно большой клочок кожи с ноги. Хлынула кровь. Проезжавшая мимо милицмейская машина подхватила и доставила меня в травматологический пункт, там врачи наложили на рану швы, предупредив: история затяжная. Так и получилось: больше месяца я пролежала в хирургическом отделении больницы. Длинный коридор разделялся просторным холлом на мужскую и женскую половины. Мне повезло: одна из одноконных палат освободилась, и меня в нее поместили. Небольшая квадратная комнатка, высокое окно, выходящее в сад, где ярко-зеленые газоны, пестрые клумбы и умело распланированные хорыводы стройных березок радовали глаз. Кстати, больница не для привилегированных пациентов, вполне рядовая и, как после я разглядела, подобно другим медицинским учреждениям, изрядно отягощенная недостатками, но и достоинства бесспорны.

Главное — внимательны врачи, а для меня, кроме того, поистине благо — отдельная палата. Боли не мучили, потому между перевязками и различными процедурами я уйму читала, немного даже работала, временами выходила в коридор пошегать для мощиона и однажды увидела новенькую. Юная девушка, очевидно, тоже нелегкая больная, пригорюнившись, сидела на табурете возле окошка. Летний дождик брызгал в оконное стекло, сбегая резвыми струйками на карниз. Девушка понуро сутулила плечи.

— Неуютно с непривычки в больнице? — участливо обратилась я к ней.

Она не ответила.

— Ничего, привыкнете. Врачи здесь хорошие, вылечат, — продолжала я ободрять. Она поднялась и молча ушла.

И тут я с испугом увидела ее ноги. Две тонкие палки, без малейшего намека на округлости икр, две прямые тонкие палки, каждую обхватишь ладонью.

Она оглянулась, угадала мой испуг и, как кипятком, облила презрительным взглядом. У меня сердце упало.

Видимо, нередко приходится ей сносить казнь унижающей жалости. «Жалельщики», до жестокости открыто сочувствующие, вызывают в ней гнев. И, может быть, — почему может быть? — наверняка горькую зависть. Иной, недосыгаемый мир! Там красиво, беззаботно живут, интересно мечтают, без боязни встречаются завтрашний день, там... танцуют.

Грусть навеяла на меня эта встреча.

В тот же вечер я вышла из палаты. Вечерами в холле горят сильные лампы. Во всю стену на окне тюлевые занавески, зимние цветы в керамических вазах; светло, почти уютно.

На узеньком деревянном диванчике вижу мою утреннюю незнакомку. Рядом расположилась новая больная, принятая, очевидно, в течение дня. Плотненькая, ладно сложенная блондинка. Легкий румянец на округлых щеках. Черные, вероятно, искусно подведенные брови, правильные, будто циркулем выверенные черты лица, которое можно бы счесть красивым, если бы... Нет той особенки, что нарушает симметрию — нос, что ли, чуть толстоват или еще что-то не так, а притянет, не отпустит такая пусть «некрасавица».

Но что с моей утренней знакомой незнакомкой? Преобразилась, будто даже расцвела. Говорит, говорит взахлеб, не смолкая.

— Тебя привез в больницу отец на «Жигуленке», я видела. Синенький «Жигуленок», чистенький, как вылизанный. Ты водишь? Нет?! Эх, ты! Меня не отогнать бы от руля! Отец инженер? Начальник? Большой начальник?

В ответ небрежный смехок:

— Большие начальники в черных «Волгах» ездят. Мой папа — наладчик на станкоинструментальном заводе.

Она медленным жестом отвела за ухо падающие по нынешней молодежной моде до плеч прямые белокурые волосы.

— На-лад-чик? Стало быть, рабочий? По виду скажешь, на сто процентов интеллигент. И костюм...

— ...Импортный, — с тем же небрежно высокомерным смешком подсказала блондинка. — Отец бывал за границей.

— И-их, ты! Нынче время такое: не одним начальникам, и рабочим уважение. А с чем тебя положили?

— Абсцесс на спине. Несмертельно. Обещали, через неделю выпишут.

— И у меня абсцесс, только на плече, тоже несмертельно, хи-хи!

— Чему же смеяться? — благодушно удивилась блондинка. — Тебя как зовут?

— Я редко смеюсь, а засмеюсь, никак не остановлюсь. Мама скажет, бывало: смешинка попала в рот. Верно, смешинка. Меня Искрой зовут.

— Ка-ак? Непривычное имя. Не встречала...

Блондинка заученным жестом отвела за ухо падающие до плеч бесцветные белые волосы.

— Мама придумала, — восторженно делилась Искра. — В книжке вычитала. Мама моя такая была: часок свободный выпадет, сразу за книгу. Ей бы учительницей быть, а она гардеробщица в министерстве. Восемьдесят рубликов в месяц, не разгуляешься. Мужа нет. Я безотцовская. Раньше прочерк в метриках ставили, если зарегистрированного отца нет. Срам! Нынче полегчало. А все равно без отца... Э-э, да что говорить! А тебя как зовут?

— Маша.

— Хорошо-то как! — восхитилась Искра. — Пьеса есть «Машенька»! И книги я про Машу читала. Как Маша, так положительная героиня, заметила? И у Чехова есть Маша, заметила? У тебя кто любимый писатель?

— Ты будто школьная училка спрашиваешь. Надоели поучительные вопросы и лекции, — осуждающе кивнула блондинка. — Почему ты говоришь про маму: была?

— Догадаться можно. Значит, нет ее, схоронили, — нахмурилась Искра. Но через мгновение ее худенькое, скуластое лицо опять посветлело. — Я рада, что хоть тебя, молодую, здесь встретила. В палате старухи. У тебя тоже? Кошмар! Одна не совсем пожилая, без ноги, отрезали под самое бедро. Жалко, конечно. А со старухами тощица! Все-то охают, жалуются. Особенно одна, Астафьева. Притомится зятьев да невесток перебирать. Никто ей не мил. Отчего, Маш, я тебе обрадовалась? Хоть поговорить есть с кем. Хочется все открыть...

— Чего открывать-то? — уклонила блондинка.

Искра не поняла.

— Да все. Про жизнь, будущее. Ты где работаешь, Маш?

— Пока учусь. На стенографистку.

— О-о! А я на гардеробе в министерстве, где раньше мама работала. Она и устроила, когда почувяла, что срок ее истекает.

— Нынче сфера обслуживания в почете, — промолвила Маша. — В газетах твердят. Вот только воров и воришек в вашей сфере чересчур развелось.

— У нас нет. У нас чисто.

— Воровать нечего, потому и чисто. Но ты... Ты вообще воровать не способна. На лице написано.

— Да? Да? — засветилась Искра. — У тебя тоже на лице написано: гордая. Гордые не воруют. Знаешь, почему я пошла гардеробщицей работать?

Но тут в коридоре появился дежурный врач в сопровождении медицинской сестры. Вчерашний студент, оттого преувеличенно строгий, с аккуратно подстриженными рыжеватыми усиками, в темных очках, он быстро нас миновал, на ходу повелительно бросив:

— Пора спать, не время беседовать, расходитесь по палатам.

Мы разошлись.

— До утра! — простилась ликующим голосом Искра. Она на цыпочках вошла в спальную палату. Вдоль стен расположились шесть коек, изголовьями к стене, возле каждой — тумбочка, где хранятся разные личные мелочи.

Мирное посапывание, всхрапы, сонное бормотание слегка тревожили тишину палаты. Искра сбросила сатиновый, стиранный-перестиранный казенный халатик. Легла, кинула руки поверх одеяла и погрузилась в блаженный покой. Не спалось. Наверное, во всю ночь не уснет. Думать, думать... О том, что не успела сказать Маше. Завтра доскажу. Знаешь, почему я пошла гардеробщицей в министерство? Мама устроила. Ее там жалели. Безответная она, услужливая, из доброты, не из чего-нибудь. И меня из-за нее без звука приняли, без каких там анкет. А секретное министерство, не угадаешь, что они изучают. Мне зачем? У меня свой интерес. Читать люблю. Конечно, гардеробщица — звание невидное. Могла бы и в другое место определиться, в цветочном магазине покрасивей работать или в газетном киоске. Я грамотная, восемь классов прошла, сумела бы...

— Пи-и-ить, — прошелестело на соседней койке, там лежала недавно доставленная из реанимации женщина лет сорока пяти, с ампутированной ногой.

Искра приподнялась.

— Пи-и-ить.

Весь день возле больной, переведенной из реанимации, дежурил муж. Плотный, плечистый, с широким простоватым лицом, щетиной небритой бороды, всклокоченными волосами, он поминутно поправлял на жене одеяло, щурил глаза, у правого виска крупно билась синяя жилка.

— Ничо, ничо, — твердил он, вытирая клетчатый платком вислый нос. — Ничо, Дарьюшка, жива осталась и спасибо!

Искра дала Дарьюшке выпить боржоми и вернулась на свою койку, впотмах задев локтем тумбочку.

— Ни днем, ни ночью покою нету, — долетело брюзгливо из дальнего угла палаты. — Шапаят, топая

Рисунок
Игоря
Гончарука

Михаил Дудин

ирина дьячкова

из одной клетки

И пред самой кончиной мира
Будут жаворонки звенеть.

Осип Манделштам

Всем и самому себе

Земле от человека тяжело,
Ее материкам и океанам.
Судьбу земли загадочным обманом
К безумной катастрофе повело.
Самой земли прекрасное чело
Погибельным туманится туманом.
Прислушивается

к своим смертельным ранам
Все то, что ликовало и цвело.
Еще не испытал себя в раю,
Достойный рая беспощадный разум
Уже стоит у бездны на краю.
И собственного знания приказом,
И мужеством, испытанным в бою,
Свою гибель всюду видит разом.

Власть претерждающим

Времен и судеб спуталась родня.
Что было справа, оказалось слева.
Нам не уйти от бешеного гнева
Украденного некогда огня.
Ответственности завтрашнего дня
Своих детей не научила Ева.
Нас изловила в сердцеvine Древа
Познания лихая западня.
Над скоростью мы получили власть,
И с глупой

безответственностью власти
Над скоростью
явилась к нам напасть
Противоречий разума и страсти
И превратила сущность нашу —
в часть
Гармонии, разорванной на части.

После грозы

Над мокрым лугом молния двоится,
И в стороны расходится гроза.
Саму себя через мои глаза
Природа видит и собой дивится.
Вне времени очарование длится.
Отряхивается прибрежная лоза.
И чистая, как совесть, бирюза
В просветы между облаков

струится.
И день цветет, и мир поет уже
Гармонией вселенского оркестра,
И вечность засыпает в шалаше,
Как на руке у мужества невеста.
...И только в человеческой душе
Есть место красоте.
Ей нет иного места.

Елене Келлдикотт,
автору книги
«Ядерное безумие»

В наш странный век
запутанных властей,
Пророков водорода и тротила,
Чьи судьбы завела и раскрутила
Механика глобальных новостей,

В наш дикий век
разнузданных страстей,—
Откуда в вас взялась такая сила,
Которая разумно погасила
Безумие смертельных скоростей?
Где вы набрались этого? Откуда
Такой порыв прозренья жизни дан
Для просвещения всего

земного люда,
Для всех народов
всех земель и стран
И для меня?.. Синица знает чудо,
Как погасить горящий океан.

Надпись на водородной бомбе

Я — гибели глобальной образца.
Я — хаос и вселенская разруха.
Я — откровенье творческого слуха
И утешенье страждущих сердец.
Я — изуверства дикого венец
В развитии материи и духа.
Я — пустота, где все темно и глухо.
Я — не защита жизни, а конец!
Нет от меня спасенья никому —
Ни дураку, ни гению, ни богу,
Ни памяти, ни сердцу, ни уму,
Ни мне, и ни тебе, и ни тому,
Кто прикоснется к телу моему
И в импульс действий
превратит тревогу.

Воспоминание на завтра

Наш мир прекрасен! Мы боготворим
Самих себя на празднике природы
И наши безграничные свободы
Во благо нас распорядиться им.
А этот мир и хрупок, и раним,
И мы ему в свои владычеств годы
Таких размеров нанесли невзгоды,
Чей в будущем урон необратим.
В бессоннице трагических ночей
Все горизонты закрывает точка.
Дверь заперта! Идет подбор ключей.
Грядущему неведома отсрочка.
...А ультрафиолетовых лучей
Озонная не держит оболочка.

Оглядка после полета

«Прекратите полеты, пилоты,—
В атмосфере пропал кислород».
Недалек и такой оборот
От такой беспощадной работы.
Неизбежно наступают расчеты
За крутые ступени вперед.
Вы — серьезный и трезвый народ,
Вам и эти знакомы заботы.
Надо все в этом мире беречь
На тревожном пути человека:
И трагический опыт предтеч,
И историей проклятый меч,
Чтобы голую гибель отсечь
От надежды грядущего века.

Воспоминание вечером

Всегда со мной моя беда
И счастье радости щемящей

Души над вещей песней, мнящей
О смысле слова и труда.
Бегут года. Летят года.
И я задумываюсь чаще
Об этой жизни уходящей
И невозвратной никогда.
Земля горела. Пушки били.
Кипела мертвая вода.
Что из того! Ведь были в были
Те, что тогда меня любили,
И душу мне разбередили,
И в ней остались навсегда.

Абдижамилу Нурпеисову

Песок пустынь заносит корабли,
И, задыхаясь, умирает море.
Жарынь-жара!
С песчаной бурей в споре
Рай миража колеблется вдали.
И рыба засыпает на мели
В густом перенасыщенном растворе.
И соль, как человеческое горе,
Блестит на этом кладбище земли.
Мир умирает медленно во власти
Подземных взрывов и небесных
снов,
Забитой правды, и продажной
страсти,
И болтовни заслуженных ослов.
Он разрывает душу мне на части
И потрясает землю до основ.

Взгляд в воду

Вода на всей земле едина,
Вода на всей земле одна,
Равно открыта и видна
Для гения и для кретина.
И мне мерещится картина,
Как поднимается со дна
Глубин, беспомощно бедна,
Трагедий будущих причина.
Туманны тьмы тысячелетий
Эпох прозренья естества.
А за грядущий мир на свете
Законы опыта в ответе
И мы, испорченные дети
Судьбы всеобщего родства.

В минуты радости земной

У вас не взгляд, а облученье!
И радиация в крови!
Восторг отчаянья! Лови
Неповторимое мгновенье!
И появляется свеченье
В душе на полюсе любви,
И голубые соловьи
На ветке млечного теченья.
Пред вами тысяча дорог.
Три радуги над вами.
Мне всех печалей и тревог
Не высказать словами,
Хоть я когда-то тоже мог
Равняться с соловьями.

Вчера была буря

Земля оглохла от истерик,
От взрывов адского огня.

И для тебя, и для меня
Стал неудобным жизни берег.
Для тех, кто жизнь
грядущим мерит,—
Все человечество — родня!
Но в праздник завтрашнего дня
Сам надежда слабо верит.
Не в дальних даях
звездной сферы,—
Ищи в самом себе примеры
Единства действия и веры,
Родства детей земли — людей
И строй мосты, а не барьеры.
Будь верен жизни! Только ей!

Невернувшейся иволге

Я иволги не слышал в этот год.
Она в мои края не прилетала.
Ей, очевидно, места стало мало
В кругу моих печалей и забот.
В фундаментах строительных работ
И в грохотах тротила и металла
Она, как сказка, здесь отликовала
И не вернулась
в край своих невзгод.
Я жду ее. Листают воду плицы
На мельнице событий. Жернова
Размалывают медленно страницы
И превращают в отруби слова.
...Но чудо-флейта
золотой жар-птицы
В моей оглохшей памяти жива.

Слово славы мастеру

Прекрасен мир. История — стара.
И на глазах истории веками
Не знающими устали руками
Все в мире создавали мастера.
Сказать спасибо мастеру пора.
Он мыслью не витал за облаками,
А шел за мыслью,
клат на камень камень
и строил мир, надежный,
как гора.
Он был весьма искусен и силен,
И опытом предчувствия умен,
И чувством совершенства наделен,
И красотой гармонии отмечен.
Он нужен всем. Он общечеловечен
Для всех эпох, формаций и времен.

Сонет, написанный на рассвете

Всему свое положено на свете,
И совесть — всем законам господин.
И мир — многообразен и един,
С былым — в родстве
и с будущим — в совете.
И к человеку постулаты эти,
Через времен жестокий карантин,
Идут из исторических глубин.
Ты — человек!

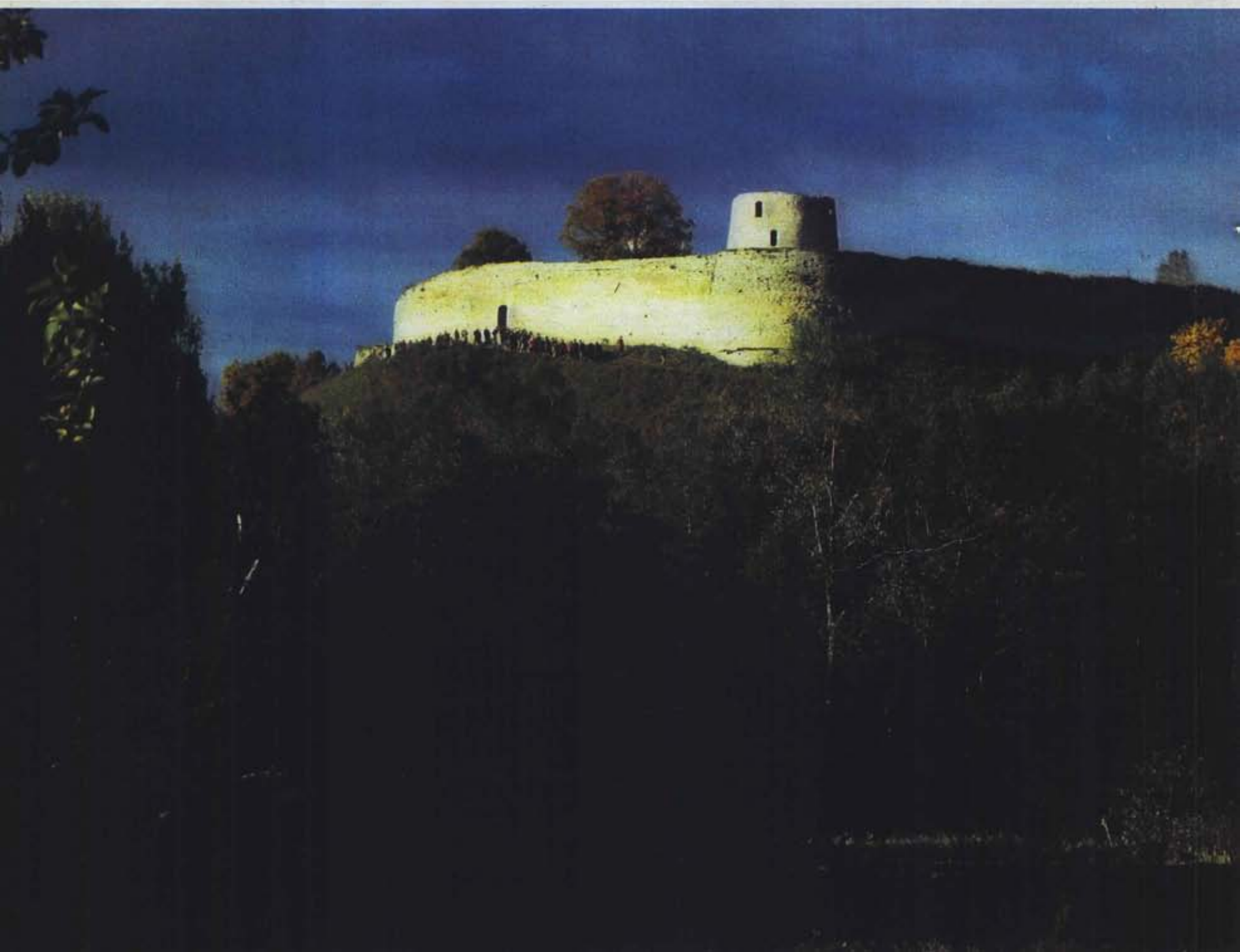
И ты — за все в ответе!
Великой жизни вечные круги:
Земные недра, небеса и воду,
Пока еще цветущую природу,
Свободу мира и свою свободу
Во имя жизни и себе в угоду
От самого себя убереги!

СЛОВЕНСКИЕ КЛЮЧИ

Святослав КОТЕНКО.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

...ХОЧЕТСЯ КАК-ТО СРАЗУ
ЖИТЬ В ГОРОДЕ И В СЕЛЕ.

Н. Рубцов

П

од сенью мелкоколосья тянется отвесная природная стена, сложенная слоистым камнем. А промеж слоев бьет дюжина ключей, упругие струи, ниспадая, соединяются в поток.

Словенские ключи. Их прозрачная вода творит под этой самою стенкой при содействии речушки Смолки зеркало Городищенского озера. Словенская ключевая — поток, морозу не поддающийся, оттого и озеро незамерзающее, оттого и лебеди на нем зимуют. А над озером висится крутая горка, холм с обрывистыми склонами, это и есть Городище. И от озера, и с холмного Городища распахиваются виды райской красоты. Тут бы щегольнуть словесами, но здраво сдерживаю себя — природа выше речений, и вот она предельна в Изборской котловине; эта долина лежит циклопическим лотком, тянущимся вдаль сколько взор хватает, с лобастыми краями, по оси лежат Смолка, озеро Городищенское, речка Сходница, Мальское озеро с прибрежным монастырьком, а дальше можно двигаться рекою Обдеж в Псковское озеро, из него в Чудское, по Нарве на Балтику...

Мы туда не пойдём, я это к тому говорю, что не только ради красы, но и выбравши место на оживленном пути, поселились не позже как тысячелетие с третью назад кривичи именно на городищенском пятачке. А стало тесно, на полверсты вверх

по котловине переехал их город в 1303 году — «Изборск поставлен бысть на новом месте, на горе на Жеравьи (Журавлиной), в 1330 году стену учиниша каменну и ровы изрыша под градом». Тогда это был оплот не для себя самих только, но и для обороны Пскова. Восемь осад выдержала крепость близ Словенских ключей. Служила по XVII век, а после потеряла пограничное, заставное свое назначение. Если сопоставить рисунки последующих времен, видна разная степень разрушенности, но крепость тем не менее и сегодня смотрится величаво, воистину богатырски, являет вершинный образ русского оборонного зодчества. Так что Изборск не может пожаловаться на неизвестность. Но кто думает, что здесь поныне город, те, в том числе проезжие туристы, извините, ошибаются... В наше время тут располагается село в 335 дворов, колхоз «Красный Изборск». Сохранились и выдающегося национального значения историко-культурные памятники. Но не на экскурсию приглашаю я вас, а к повествованию, как село сохраняет достоинство города, держа верность истории и культуре.

Объяснение тому — не только в подобранных рядом людях, отмеченных благодатью щедрого интеллекта и сердца, но и в истории, в превратностях былого. На сей раз в виду имеется не давность осад и сеч, а наш век, пускай и не позабывающий предьсторию, но творящий-таки новые превратности и одоле-

ния. Так вот, местного значения сюжет гражданской войны привел к тому, что тутошняя полоса кривичской земли оказалась с 1920 года за границей, в Эстонии. Факт достаточно опубликованный, чтоб его стесняться, однако новейшую изборскую историю не истолкуешь, его не осмыслив. Близлежащие Печоры, православный центр, за те десятилетия обрели весомые балтийские черты в застройке (это рядом-то с чудом целой избой стрельца, по сю пору жилой, которой под триста лет!), а Изборск стоял себе на своем, держась русской своей определенности. Вопрос в том, кто держал. И все расспросы да разыскания ведут к убеждению, что ключевой личностью стал для села Александр Иванович Макаровский.

Сложно было директору вести нацменскую школу, особенно если должна она оставаться русской. Я читал учебники, прилично изданные, учебники истории, автор которых — Макаровский. Вот оттуда посылочная цитата: «Когда нас интересует прошлая жизнь наших родителей и других родственников, то этот интерес понятен, потому что это близкие нам, родные люди. Место нашего жительства становится для нас тоже родным, своим, близким. Такой же родной, а потому и интересной должна быть для нас древняя жизнь нашего народа». Сельский учитель умно учитывал политическую ситуацию, излагал и процессы прибалтийской старины, но родным,

...И камни помнят о былом

Главный мост

Я в детстве задавать любил вопрос:
«Неужто трудно подружиться странам?»
И вот уже создали телемост —
Огромный мост над Тихим океаном.

Еще он очень хрупкий, этот мост,
И где подставить свай,
мы не знаем.
Но крепнет он, когда,
поднявшись в рост,
Мы — в ногу — дружно

по нему шагаем.
Плечом к плечу идет за рядом ряд,
Прокладывая светлую дорогу...
Нет, все-таки напрасно говорят,
Что по мостам шагать опасно в ногу.
Я верю в братство
всех мостов земли,

Построенных умелыми руками.
Водою реки соединены,
Мосты же соединены мостами.

И связаны, как проволока в трос,
И скреплены, как пластырями рана:
Мост Бруклинский,
московский Крымский мост
И мостик на картине Левитана...
Мосты всегда нам создают уют,
И люди их веками укрепляют,
На них картошку летом продают,
И пойманных разведчиков меняют.

Истории закон для всех суров,
Его в своей мы памяти лелеем.
Как много нужных мы сожгли
мостов,
Ни капельки об этом не жалея!

И жгу я, может, мост в самом себе,
К хорошему
(при этом не без риску),

Пытаясь очень в городе Москве
Залучить

ненужную прописку.
Но выше всех изысканных речей
Я с детства знаю —
это крик грачей,
Свист рябчика,
во рту рябины веточка.
А чтоб вернуться в Томск
через ручей,
Найдется ли припрятанная
жердочка?

Костяника

Есть места, где весело и дико,
Там танцует в зарослях река.
И стоит стеною костяника,
Словно регулярные войска.
Там под осень
будет все забавней:
Небо глубже,
воздух мил и крут.

Там бидон с аптечной белой марлей
Мне под эту ягоду дадут.
Есть места. Они чудны и в слякоть.
Вот откуда этот мир велик.
Костяника: косточки да мякоть —
Жизни не отмеченный тайник.

Минута есть у нас такая:
Когда на поле гладь и тишь,
Раскинув руки, замирая,
Вдруг в небо мысленно летишь.
Взлетаешь вверх — просторно,
вольно!
И в грудь пространство давит больно.
Летишь! И в мире все понятно.
Пересекает птица путь.
...Когда спускаешься обратно,
Еще сильнее давит грудь.

Прыгунья

Свое тренировала тело.
И дерзко прыгала в длину.

своим, близким старался сделать де-
тям отечественную, отчинную основу;
ввел — по конкретности верно, по ре-
троспекции едва ль — понятие «Печор-
ский край». И к краеведению призывал.
И работу воспитательную школьниками
не ограничивал.

В селе расцвело под началом Алек-
сандра Ивановича культурно-просвети-
тельное общество, в котором историче-
ский кружок соседствовал с народным
русским оркестром в тридцать с лиш-
ним музыкантов, с русским хором,
с драмколлективом... А дворов, не за-
будем, триста с чем-то, но в стороне от
патриотической жизни никого не хоте-
лось оставлять. А положение с нацио-
нальным самосознанием непростое,
а строй буржуазный, на культурпросвет-
фонды не падают... Конечно, воспитыва-
ла, кроме людских стараний, сама
древняя архитектура. Власть, спра-
ведливо отметить; не отрицали ее, чему
свидетельство — увы, некто похитил
его с городищенского верха в недавние
годы — чугунная плита на сохраняв-
шемся постаменте, на плите помеща-
лись достопримечательности всей
Эстонии, включая изборские. Двадцать
лет шли в такой вот ситуации, потом —
вхождение в СССР, поиски иных ста-
бильностей, вскорости взрезанных вой-
ной, под самый конец которой состо-
ялось воссоединение Изборска и всего
«края» с Россией.

Отлаживать заново жизнь в те соро-
ковые послевоенные было нелегко.
И Александру Ивановичу в особенно-
сти. Как полагают земляки, направлен-
ному сюда руководить малообразован-
ному товарищу приглянулся дом Мака-
ровских; однако засадить хозяина не
удалось (родня до сих пор не езжает
в свое обиталище), но вот обидеть выш-
ло, и руководитель школы и культуры
уехал в Ленинград. А ученики остались!
Василий Васильевич Воронков из армии
вернулся без руки, но изборянин — это
изборянин, его заботой стало собира-
тельство сельской библиотеки взамен
исчезнувшей в военное лихолетье, сам
добывал, по соседям собирал, своей
рукой построил могучие, прямо-таки
крепостной доброты полки — они по-
сейчас служат библиотеке. Василий Ва-
сильевич писал стихи в уважении к ро-
дным местам (и в прессе после печатал),
и не он один — Алексей Александрович
Башкевич тоже о родном писал и на
музыку полагал, и хор до сей поры те
песни поет, оркестр ту музыку играет.
И рисунки от Башкевича остались.
Хотя главным изборским художником
все почитали Павла Дмитриевича

Мельникова. Талант рисовальный под-
метили за ним еще Макаровские (брат
управляющего школой преподавал ри-
сование), но за трудностью и бедностью
дальнейшее совершенствование не осу-
ществилось, ушел Мельников в рабо-
чие, война оставила ему инвалидность,
вот и вернулся он к пенатам и взялся
за кисть. Ныне его живопись хранится
частью по музеям, она вправду значи-
тельна своей просветленной открыто-
стью и лирическим серьезом, ну да это
искусствоведение, а для одностельчан
он был носитель образа Изборска. Ре-
шусь сказать, что во взаимодействии
художника с окружением сложились ка-
нонические, ровно иконы, изображения
местной крепости, лишь из этих вариан-
тов просили себе картину соседи, брали
как непрременность отъезжавшие
к иным местам жительства, желая не
отрываться от привычного строя ба-
шен. Я познакомился с Павлом Дми-
триевичем в последние его годы, осо-
бенно нелегкие, но сквозь жалобы на
слабость и старость, на нехватку вооду-
шевления прорывалась у него добрей-
шая и возвышенная душа, именно
просветленная искусством, разору-
жающе просветленным был и не под-
дающийся грузу возраста взгляд.
Вдохновенная душа, вправду чудотво-
рец. Умер Мельников этой весной, все
село хоронило, только он по скромно-
сти просил оркестр не приводить... Кар-
тины остаются.

И люди правильные действуют. Соб-
ственно, очерк об Изборске можно б на-
писать как очерк о Валентине Дмитри-
евне Розовой, и никто бы в обиде не
был, в культе личности не упрекнул бы,
потому что ее занятия и заботы все
как раз о людях, все как раз на нашу
тему. Среди выучеников Макаровского
она оказалась из младших и ключевое,
непререкаемое значение в жизни села
приобретала исподволь. И в библиоте-
ке возрожденной, и в собраниях
послевоенного историко-краеведческо-
го кружка привыкала к своей роли х-
ранительницы, хранительницы памяти
и совести. И когда решено было не
терпеть далее бесхозность крепости
и вообще небрежение своим прошлым,
организовать народный музей, то его
директором закономерно стала Вален-
тина Дмитриевна.

В самый раз в середине шестидеся-
тих годов вынырнула на свет божий
любопытство к памятникам старины
и соответственной туристике. Само-
деятельный музей оказался ко двору,
залетные экскурсанты получали удов-

летворяющие сведения о местных до-
стопримечательностях, а не только по-
купали здешние яблоки на примузей-
ном торжке... Впрочем, яблоки тоже
хороши. А после пяти лет самодее-
тельности музей, поддерживаемый уже
тогда многими жителями села, получил
государственный статус. Правда, огра-
ниченный: будучи филиалом Псковско-
го историко-художественного и архи-
тектурного музея-заповедника, должен
был отображать тему оборонного зод-
чества, и не более того. Однако Вален-
тина Дмитриевна и не подумала сми-
ряться с таковой регламентацией: наш
музей и вся история наша, нужно все
собрать о прошлом округа, о том, ко-
нечно, что и Пушкин, и Рерих тут быва-
ли, и Ленин, по молве, заезжал весною
1900 года, в основном же чем и как тут
люди жили, предыдущие поколения.
Без подобного краеведения и крепость
покажется мертвенным сколком чего-
то безвозвратного, а не вехой в пла-
стичном, хоть не плавном, бытии иско-
ных кривичей. И вот, глядишь, приез-
жают сегодня юные мастерицы из
Пскова копировать узор тутошних вы-
шивок, которые хранит музей.

Ему, конечно, повезло, хотя везение
замешено на закономерности, на пре-
дыстории. Музей оказался ныне и об-
разцовым археологическим, поскольку
лет пятнадцать назад Городище начал
раскапывать Валентин Васильевич Се-
дов. За эти годы и стал он ведущим
знатоком восточного славянства; не
скажу, что копание изборской земли
породило его труды, включая госпре-
мированный, но одного без другого мо-
гло и не быть. Ну, а музею достаются
в итоге все находки от прошлого тыся-
челетия и первых веков завершающего-
ся. В том уникальность состоявшихся и
продолжающихся исследований, что
вскрыты слои за слоем, век за веком
именно полные городские территории,
отчего на каждый срок доступно рекон-
струировать быт поселения в его цель-
ности. Оставим Седову публикацию ре-
зультатов, их изложение не уместить
в наши заметки, которые к тому же
ориентированы на иной исторический
слой. И все-таки из череды открытий
одно хочется упомянуть: обнаружена
каменная стена IX столетия, а прежде
считалось, будто восточные славяне,
тем более окраинные, в ту пору знать
не знали каменного строительства.
Ясно ж, подобная весть ласкает гор-
дость изборян.

Они уж тоже археологи. Сперва
мальчишками смотрели на чужую рабо-
ту, по малости помогали экспедиции,

а нынче Борис Харлашов — археолог
в Пскове, Александр Артемьев — аспи-
рант Института археологии АН СССР,
и уже ему достается поручение Вален-
тина Васильевича провести столь же
сквозное, как на Городище, обследо-
вание города Изборска в границах ныне
стоящей крепости. В череде лет можно
предвидеть незаурядные находки, ка-
питальные пополнения местному му-
зею.

Валентина Дмитриевна по-прежнему
в центре музейных хлопот. Кстати, не
подумайте, что перед вами некий тип
сельской чудачки с колоритной диалек-
тальной речью, с нутряным даром на
доброедеяние. Нет, это интеллигентней-
шая дама, весь склад и уклад таков, не
случайно ж при ее доме и забора нет,
хоть другие изборяне увлекаются ка-
менными оградями в стиле крепости,
благо стройматериал ломают тут же; но
у Валентины Дмитриевны живности нет,
кроме прибывшей собачки да подки-
нутого котенка, чего ж не стоять дому
открыто?.. Под стать характеру хозяй-
ки. Открыто говорим мы с ней и о все
зреющей, пухнущей проблеме, возвра-
щаемся за последние годы несколько
раз к тому. Суть проблемы: Розова уж
не директорствует в музее, а с перехо-
дом на пенсию числится в нем — под
гнетом одной из ограничительных ин-
струкций — на другой должности; впро-
чем, ее роль, всекасающаяся, никаки-
ми предписаниями и не может быть
прогнозирована. А уходила она с начпо-
ста ради того, чтобы дать дорогу моло-
дежи, воспитать смену. И промах сде-
лала. И последняя в последнюю нашу
встречу стала помаленьку со-
глашаться, что промахнулась.

Премник увлекал молодостью
и энергией, да местный, не из варягов
же искать... но есть люди и люди, и пе-
ремет из руководителя оркестра в ди-
ректора музея не область автоматиз-
ма. Деятелен — да, и музыкант, и лю-
битель петь и преподавать пение, и ор-
ганизатор под сенью музейного корпуса
солидно оснащенной кинофотостудии
«Славянка», увлекающей многих избор-
ян, — еще бы, только что институт
культуры по кинолюбительской специа-
лизации окончил, и активист ГАИ рай-
онной, и охотник, и домовод. Вот толь-
ко на первом ли месте для него дело
музейное? Но не за хозяйственные не-
доделки я тревожусь. Превыше — со-
держательная наполненность; одну
археологическую коллекцию — не кол-
хозного, не областного, а все-
славянского веса — осмысливать и то
какая высота!..

ВЕРЮ В БРАТСТВО

Но восхищаться не умела
Тем, что в малину солнце село
И лист пронзает тишину.
Но я люблю твой глупый бег
И то, что после тренировок
Ты, хохоча, бежишь до бровки
И прыгаешь с дороги в снег.

Закат здесь бывает такой,
Что кажется — крыши из меди...
Счастливый малец городской
Приедет сюда на мопеде...
Заглянет он в сельский ларек,
Где выцвели шторы из ситца.
Цветных карамелек в кулек
Насыплет ему продавщица.
И жадно он будет смотреть,
Сандалями тыча в дорожку,
На избы, где крыши, как медь,
На небо, на нас и картошку.
И он никогда не поймет,
С конфеток бумажки роняя,

О чем так девчонка поет,
Коров по селу прогоняя...

Плывет наш катер налегке
В объездах утреннего рая,
Туман
Напополам в реке
Тугою мачтой разрезая.
Плывем с тобой на Усть-Юму.
Там жизнь трудней
И сосны тоньше.
Твой лоб
В тумане и дыму.
И нет пока

что счастья больше.

Кедровник начисто срубили.
Потом спалили шалаши.
Когда рублили, говорили,
Что рубят на карандаши.

Дымят растрепанные гари.
Ворчит разбуженная гать.
...Карандашей-то настрогали,
А что же ими рисовать?

В заготпункт,
где с утра много крику,
Где берут чебаков по рублю,
Сдам орехи, грибы и бруснику
И билет до столицы куплю.
Там ночами собаки не лают,
Варят фабрики яблочный джем,
Там меня очень сильно ругают,
Что я жизни не знаю совсем.
Наварю два бочонка варенья,
Привезу в заготпункт на коне,
Чтоб на душу всего населения
Было много варенья в стране.
И махну до столицы под осень,
Окунусь в ее жизнь с головой.
Если будут к приезжым не очень...
То в стогу стану спать под Москвой.

Будет петь возле стога синичка.
Будет солнце восходить из ветвей.
О любви мне расскажет москвичка
И в какой-нибудь сводит музей.
...А когда вмерзнут в заводи лодки,
Я вернусь

под кедровый свой кров
И пошлю ей в красивой коробке
Золотых-золотых чебаков.

Из дневника

Манят нас журавли в высоту.
Ну а мы по реке
На плоту
Все плывем.
Поворот. Перекат.
Ты молчишь
Или вдруг невпопад
Мне промолвишь
С печалью в глазах:
— Журавлей в небе меньше
Летит,
чем в стихах.

Поверьте, мне самому нелегко даются эти вот строки о промахе с директором. С одной стороны, по всей стране знакомо подобное — попадет в начальство кто-то неподходящий, все видят, и все согласны, но чрезвычайных безобразий не увидишь, стерпится, а значит, на пониженном уровне дело катится, все кругом по мере сил стараются ликвидировать или смягчить постоянно наносимый урон, а для замены персонажа руки коротки или не доходят, и нехватишь; в городских условиях это все растворяется в многолюдном мельтешении, а вот в селе Изборске уж очень на виду, пронзительно. Да еще при образцовых здешних интеллигентах. Своего рачения. Вот ведь и Валентина Дмитриевна за всю жизнь отсюда лишь по военной беде в Сибирь эвакуировалась и с восторгом девичьим назад возвращалась, а Тартуский университет заочно уже в зрелом возрасте окончила. Дочь ее — ученый секретарь всего большого Псковского музея, и нечего тут сокрушаться, что молодежь в город бежит — село испокон давало, если выражаться по-нынешнему, кадры для руководства губернией и страной, пусть и далее так будет. Интеллигенция изборская существует и воспроизводится, пускай и не копируя Мельникова, тем более Макаровского, но сохраняя личностную определенность и скромностную открытость. Такой показалась мне Лариса Смирная, которая после института успела год проагрономить и стала комсомольским секретарем; способ существования она избрала неброский и для людей. В колхозе интеллигенции много по сути, по стилю изборскому. Ей раскрываться и раскрываться. Колхоз почти вполне укомплектован специалистами, чуть не сплошь молодыми, поджидают с учения еще нескольких, но духовная состоятельность ни с каким дипломом не выдается; а достигается собственным прозрением, причем не рывком, неустанно. И тогда твое воздействие на других очевидно, наглядно. И может радовать тебя этим, и возвышать постоянной причастностью к жизни односельчан.

По ней тоскуют, по-моему, отселенцы. Иначе отчего ж так дружно съезжаются убывшие в иные места, когда проходит ежегодный изборский праздник. Установлен ему срок — определенное воскресенье июля. Утверждался, однако, этот праздник не без ухабов, власти надстоящие не хотели приветствовать торжество посреди сельхозлета, приходилось переупрямливаться, чтоб

держат традицию, а история своя столь богата, что какую-то полукруглую хотя бы дату всегда съешь, в сем году слет был объявлен в честь 1125-летия первого летописного упоминания Изборска. И вновь, как повелось, собрались сотни людей отовсюду, кто в судьбе своей с этим местом Отечества связан. Праздник заполнил природный амфитеатр против самой могучей — северной — стороны родимой крепости, где стена будто вырастает из скального основания обрывистого, обнажающего тот же слоистый камень, что и на Словенских ключах, поэтому стена и воспринимается высочайшей.

После праздника рискнул бы и на сельское кладбище вас сопроводить, сюда на упокой везут тоже со всей страны — коль ты изборянин, последнее твоё пристанище здесь, содержит оно с непривычным в нынешние времена и нравам тщанием, начинается древними, загадочной принадлежности, могучими крестами и плитами с таинственными знаками на них, дальше под сенью деревьев — поколения. Не по воле ли Макаровского, пожелавшего так вернуться в родной угол, не по авторитету ли народного учителя установилось современное правило?..

Однако Изборску нужно-то, чтоб и живые еще возвращались, чтоб приезжали не на фестивале, а на прочное жительство. И едут. Года два назад познакомился я с семейством Скобелевых. Таня, внучка Башкевича, уехала было после школы во Псков, на заводе работала. А Саша, шофер, уже почитал себя вполне псковичем: село сменили на облцентр его родители, дома лишь бабушки и дедушки пребывали... Их-то навещая, в один из приездов и познакомился с Таней. Танина мать подарила им на свадьбу картину Мельникова, именно каноническую. И вернулась картина вместе с молодой парой в Изборск. Колхоз своему шоферу дом дал. Родили тут Алешу. А нынче уж собственный дом подняли, оседают так оседать. А в колхозный вселилась с мужем другая Таня — два года назад свадьбу сыграли, теперь же выходит из декрета на прежнюю работу в библиотеке. Желает оставить Псков во имя зова предков и Светлана Крутина, будет худруком народного оркестра. Это все, как видите, возвращенцы. Но вот была во главе оркестра какое-то время Ира Макеева, далее в институт поступила, и родители у нее в Ленинграде, а вот наезжает, отпуск даже тратит, чтоб от местного Дома культуры не отбиться начело... Что таяет? На такой

вопрос затрудняется ответить по полочкам и Гена Колбанов. Отслужив в Афганистане, куда послан был из Уральска, добрался в Изборск, где незадолго до того поселился старший брат, и Гене здесь понравилось тоже, отправился он в Уральск за невестой, а теперь второе дитя заводят на почве Словенских ключей. Вот и получается, что при всех осложнениях целую улицу Молодежную колхоз выстроил, а теперь взяли новую протягивать — Юбилейную, все для новых семей.

Но не все однолинейно. Скажем, Саша Соловьевский тоже из Афганистана вернулся, тоже там шофером был и в колхозе им же стал, работает вполне усердно, хоть здесь грузовик ему достался трепаный, ежедневной кропотливой возни требующий; да гложет непокой, та самая охота к переменам мест — в строители бы податься... В местные? Нет, в городские какие-нибудь. Впрочем, хотя Саша местный, он, строго говоря, не изборский, а мальский, что для сознания вовсе не одно и то же; Малы рядом совсем, а при собственном авто- и мототранспорте разница пустынная, однако ж деревня не село. Изборскому сельсовету подопечны полста деревень, и положение в них с людностью и со средним возрастом жителей чуть ли не противоположно тому, что мы описываем. Значит, не в одном местоположении на большой автомагистрали в тридцати верстах от Пскова секрет притягательности самого Изборска.

Отчего ж притягательность берется? В помощники себе привлечем выпущенную недавно книгу М. М. Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.». Книга при появлении этой зимой произвела на меня сильное впечатление, до сих пор остающееся, а когда стал я рекомендовать ее другим неравнодушным, так их впечатления, восторженные и удивленные, были куда еще сильнее моего. А перед нами просто этнографический труд, систематизирующий и осмысливающий краеведческие материалы. Но когда задумываешься, как глубоко было разработано и внедрено в сознание все касающееся жизни села, — будь то соседское взаимодействие — разные способы помочей или распорядок праздников, роль и место каждого в обрядовом цикле иль просто в разных формах молодежного досуга, начиная с посиделок, иль такое душевное заведение, как побратимство и кумление, а в конце-то концов весомость общественного мнения, установившейся

слава-репутация, равновесие между традицией и самовыражением, вспоминаешь тогда, что живейшие российские умы, в их числе и революционные демократы, обращали надежды свои на скрытые, способные вскрыться силы общинного уклада. Что, упования эти от глупости шли, от наивного заблуждения? Да нет, они противостояли угрозе духовного выстуживания, засилья плоской выгоды чистоганной.

В межвоенный период экстремальные условия Изборска вызвали к жизни социологический эксперимент, можно сказать. И, можно сказать, что он показал запас живительных сил в сельском самоуправлении, если его укрепить и культурой на современном уровне, и грамотным патриотизмом, и вообще заботой о дружном выживании поколений. Тем злободневней и обнадеживающе воспринимаешь это сейчас, с приростом самостоятельности сельских хозяев, когда за каждым колхозным специалистом уж не шествует, держа его за хлястик, непремный надзиратель, малоосведомленный уполномоченный; не след ли приглядываться к общинным навыкам? В разъяснение напишу для вас с сочувствием несколько выводов из книги Громыко: «Непосредственное воздействие коллектива на отдельного человека при крестьянском образе жизни усиливалось из-за относительно малых размеров сельских поселений, а также некоторых особенностей крестьянской культуры, прежде всего ее активного характера... В массовой крестьянской культуре практически все было исполнителями, не было пассивных, созерцательных потребителей... Исследование народной этики позволяет выделить некоторые ее аспекты, практическое обращение к которым актуально в современных условиях. Основанные на непреходящих нравственных ценностях, освоенных длительным коллективным духовным опытом, они были приспособлены к трудовому образу жизни крестьянства. Заслуживают внимания с этой точки зрения также формы общения, в которых органично соединялись хозяйственные занятия с многообразными видами развлечений, в том числе творческого характера... Главное в прикладном применении данного историко-этнографического материала — участие его в создании такой системы ценностей, в которой сельскохозяйственные занятия

считались бы престижными. Уважение к местным трудовым традициям, в том числе к их этическим аспектам, знание их, последовательное приобщение к ним, представление о преемственности поколений — эти элементы общественного сознания должны занять существенное место в создании такой системы ценностей».

Ей-богу, в самом нынешнем укладе есть корешки такой системы. Дом культуры вкупе с музейными и библиотечными работниками может сплотить людей именно в универсальном общении, эстетическом и этическом. И в том особенность сельской действительности, что директор того дома Татьяна Павловна Яска сознает, это по прямой причине — у нее трое сыновей тут выросли, и, чтоб жилось им содержательно и чтоб бежать куда не искусились, в родном селе надобно их вкус к праздничности насытить, дабы русскими себя ощущали.

Будущего нет без прошлого. Не об этом ли ведет разговор с юными изборянами их учительница Екатерина Бутузова?

Тут ведь даже как: единственный сельский ансамбль тарифицируется наравне с профессионалами областными, а играют на электрогитарах грамотно потому, что прошли школу народного оркестра. И детей бы тридцать пять записали б изборяне в музыкальную школу, коли ее открыть (в 1922 году существовала); и в изобразительную студию тоже желающих десятки, и даже нашелся пскович-художник, влюбившийся в местные красоты и согласный студию эту вести за символическую сороковку в месяц, да вот денег не обнаруживается. Чего ж колхоз не поддержит Дом культуры, равно как и библиотеку, из своих доходов? Раз народу прибывает, дело хозяйственное идет, так и процветание по части доходной должно бы иметься.

И вновь вопрос о связи общинности и самостоятельности. «Красный Изборск» победил. Причина? В конце 70-х годов затеяли на изборских угодьях воздвижение межколхозного откормочного комплекса на две тысячи голов. Пока строили, приставка «меж» затерялась где-то, и скотогород повис над одиночным хозяйством. В колхозе четыре сотни коров, которые не вызвали еще свиноматок на соревнование, так что откормочные линии заполнять поголовьем — задачка ничего себе. Плюс

к тому проектировали так мудро, что в целости остались лишь крыша да стены корпусов, а внутри все — и полки, и кормилки, и подстилки, и всю планировку — до сих пор меняют да переделывают на употребимый манер. Денежек стоит? То-то. Допускаю, что хозяйственники тутешние слегка притом лукавят, вот так растянув на годы и годы реконструкцию. — окажись все две тысячи откормочных мест налицо, так где откормочные единицы выкопать? Тогда бы надо все земли изборские на это ориентировать, а кто все прочие планы поставок отменит? Вот и возят в начале лета грузовик за грузовиком свежескошеную траву не в сушилку, а в кормушки напрямик. Что-то зимой будет? Людям, во всяком случае, неуютно. Потому хотя бы, что использовать столовую, гостиную (красный то есть уголок), душевые и прочие удобства целого корпуса затруднительно: вслед за созданием котельной поступил запрет на дизельное топливо, и батареи стоят равномерно холодные, кое-как налажен электрообогрев.

За всей этой катавасией естественно следует и еще другое выходящее боком: комплекс уместили прямо над Изборской котловиной, близ той самой деревни Малы, новые коттеджи в которой сегодня не все заселе-

ны, а сотни бычков активно по молодости лет месят навоз, спихивая его копытами из стойла, и слоистый камень вместо ключевых, родниковых выбросов дает иные ингредиенты расположенному точно внизу кристальному Мальскому озеру. А с противоположной стороны Изборск, этот официальный памятник природы, обрабатывается асфальтовым производством; к счастью, зимой оно на простое и снег кругом бел, а уж в прочие сезоны чаду прибывает, дымили сначала в одну трубу, нынче в четыре; еще грустнее, что асфальту не допросишься. Одна надежда, что самостоятельность разумная впереди. Есть здесь люди, культура которых достаточно основательна, дабы и экономику, и этику, и эстетику умыть.

С веселой гордостью говорит мне изборский партсекретарь Николай Петрович Никифоров:

— Такого не бывало у нас: у меня в организации сразу шестеро в декретном отпуске. Будут изборяне, будут!

Пусть будут. Изборянами. Пусть будут вспоены Словенскими ключами. По-моему, Изборск звался когда-то Изворск, от «извор» — «ключ, родник, источник». От этого извора и всем нам испить не вред.

На своем пути к прогрессу человечество сначала приобретало многие добродетели и в их числе — целомудрие, но затем немало растеряло. И все-таки интимные отношения еще долго останутся за закрытыми дверями. Там не менее говорить о них надо. Ибо молчание и запрет рождают повышенный, нездоровый интерес, а незнание приводит к ошибкам, порой неисправимым.

Пишу эти строки, только что посмотрев одну из телепередач «Фил Донахью в Советском Союзе». Седой мужчина в годах бесцеремонно общается с женской аудиторией с вопросом: «Хотели бы вы, чтобы ваша дочь до брака оставалась девственницей?» и т. д., и т. п. И наши женщины, мгновенно просчитав в уме и свою жизнь, а возможно, и жизнь своих дочерей, растерянно и стыдливо молчат.

И я рад за них, ибо их жизнь, независимо от того, какая она, все-таки принадлежит им и не может стать достоянием всей телеаудитории. И мне, сидящему перед экраном, хочется крикнуть: «Фил, начини с другого конца и сначала скажи о себе, о своей семье!» Например: «Я, Фил Донахью, счастлив знать, что моя дочь до окончания школы имела пять любовников, а внучка, которая сейчас учится в седьмом классе, так и не воспользовалась противозачаточными средствами, каких полно в наших аптеках, и теперь ходит беременная. Так вот, хочу спросить вас, советские люди, а как дела у вас обстоят с этим вопросом?»

Но я нахожусь по эту сторону экрана и могу только видеть и слышать своих смущенных соотечественниц, искренне переживая за каждое их слово, словно меня самого видят и слушают все телезрители СССР и США.

Да, мы не привыкли публично обсуждать подобные вопросы. Но нужно ли это?

Мы сетуем на недостатки полового воспитания, вносим новый предмет в учебные программы, но Главный Учитель — Жизнь — миллионы лет разумно управляет нами, воссоздавая род людской помимо того, хотим мы этого или нет, оберегаемса или нет, знаем теорию или сразу приступаем к практике. Только разговор наш вначале пойдет не о том...

Не о любви и продолжении рода, а о худшем, что может быть во взаимоотношениях полов, — о сексуальном разгуле. Когда попирается не святое, а естественное, аталтывается в грязь уже не личное достоинство, но здоровье многих.

Что это такое — сексуальный разгул? Нужно ли об этом думать, знать, размышлять, сознательно создавать свои принципы в противовес ему и принимать определенные решения?

И мужчины, и женщины удивительно разборчивы и крайне щепетильны в своих претензиях, когда речь заходит о первом (!) супружестве. Журнал наш молодежный, и смею думать, большая часть читателей находится в первом браке, в абсолютное большинство только собирается это сделать. Но тема не считается с этой оговоркой и вынуждает меня идти дальше. А что дальше? Дальше — так называемые условности.

Так уж почему-то сложилось, что условностей в жизни мужчин меньше, чем у женщин. Так, например, многие из мужчин до свадьбы гуляют всюю. Говорят, правда, что девушки теперь стараются не отстать.

«О времена, о нравы!» — воскликнул две тысячи лет назад римский оратор. Эти слова вполне применимы и к нашей теме. Не буду ли и я похож на этого оратора, выступая с осуждением нынешних нравов перед современными акселератами, которым многое прощается?

В этой всепрощающей доброта мы зашли очень далеко. Дальше — некуда!

Мальчишкой я лежал в военном госпитале в палате с одним майором. Седой командир танкового батальона был молод и очень красив. Война только закончилась. Ему пытались сделать сложную операцию, взяв косточку из стопы и поставив у основания носа — там все прогнило и нос должен был провалиться. Он рассказывал мне об этом без стеснения, а я смотрел на фотокартонку, на которой майор был в парадном мундире, при всех орденах, и представлял, как это произойдет. Мне приходилось видеть такое: идет человек, а вместо носа у него — яма: он — сифилитик.

В Московском городском кожно-венерологическом диспансере мне сказали, что таких поздних форм сифилиса сейчас не регистрируют. Но венерических болезней не убавилось, больных много.

В наши дни венерология охватывает не пять классических заболеваний, а, по крайней мере, восемнадцать, передающихся при половых контактах.

Как утверждает статистика, перед началом войны сифилис был практически ликвидирован. Вал венерических болезней принесла в Европу фашистская армия. Последствия войны еще долго давали знать о себе. После значительного затишья произошли новые вспышки, и сейчас процент заболеваемости достаточно высок.

Исследования, проведенные в больших городах, определили некоторые тенденции.

В основном болеет молодежь в возрасте 20—29 лет.

Наибольшее распространение венерических болезней — в больших и портовых городах, где идет интенсивная миграция населения, где больше командированных, и среди них — люди,

не имеющие прочных семейных связей.

Наметилось увеличение случаев заболеваний среди несовершеннолетних подростков. Из всех заболевших к врачу обращаются процентов 25—30. Остальных «выискивают» при диспансеризации, выявлении источников и контактов.

Очень часто болеют водители такси и водители междугородных рейсов, имеющие «кровать на колесах». Эту категорию шоферов так и называют — контингент повышенного риска.

До 40 процентов больных заразились от незнакомых или малознакомых людей. («Я ехал в поезде, зашла она в куле, выигли мы, ну и...»)

Среди венерических больных встречаются работники детских учреждений (!) и работники общественного питания (!). Их легче выявить, ибо ежеквартально они проходят медосмотр.

Более трети заболевших — лица, состоящие в браке. (!)

У 80 процентов заболевших заражение происходит в нетрезвом состоянии.

Многие думают, что главные источники заражения — женщины легкого поведения, которых в народе называют привокзальными. Нет, самые страшные — respectable внешне, но крайне неяркие внутри, развращенные и надушенные проститутки. После общения с ними наивны и смелы оправдания мужчин, вынужденно заглянувших в диспансер. Только здесь они проявляют святое негодование: «Кто бы мог подумать?»

Большой А. Л., 21 год. В диспансере начали выяснять, кто источник заражения. Он привел жену. Она пришла с маленьким ребенком, к тому же еще беременна на восьмом месяце. Когда же врач сказал, что жену положат в закрытый стационар, изолируют ребенка, и показал анализы свидетельствующие, что жена здорова, только тогда под неоправданностью угни этот негодяй вынужден был сознаться в своей вине.

Говорят, из распущенных женщин получаются хорошие жены. Вполне возможно. Только мне не приходилось слышать ни от одного холостого молодого человека, что мечтает он жениться на такой женщине.

Говорят, из распущенных мужчин получаются хорошие мужья. Вполне возможно. Только мне не приходилось слышать даже от засидевшихся невест, что они мечтают выйти замуж за ловеласа.

Большая И. К., 19 лет. Она с профессиональной гордостью вспоминает всех, кого «наградила». «В том месяце у меня было пять, а за эти две недели — восемь. Разрешите, доктор, я пишу в книжечку, у меня крестиками обозначены только знакомые».

«А что делать врачам, если у нас были еще и знакомые?»

В задану врача-венеролога входит выявление так называемой эпидемиологии. Занятна далеко не из приятных, напоминающее копание в грязном белье.

Передо мной официальная бумага со штампами и грифом Управления внутренних дел: «В срочном порядке разыскивается женщина...» (К сожалению, ее портрет не публикуется, как это принято делать в отношении преступников.) Возраст 23 года. Приехала в Москву, общалась с бывшим заключенным, по знакомству пошла в общежитие автобусного парка. Теперь она во главе эпидемиологии из 18 человек... За ними — восемнадцать мужчин с крестиками именами, фамилиями, должностями, номерами паспортов, женами и маленькими детьми. Представьте этих детей, которых пелает от большой любви ненароком раздражает сифилисом со всеми вытекающими последствиями.

Итак, восемнадцать «кошек» одной цепочки раскатились в разные стороны, распространяя заразу дальше. Их надо найти, заставить лечиться, предупредить, что каждый разоскок будет наказан, если, зная о болезни, продолжает пребывать в отрывниках, как же мы так трогательно называем интимными... Для этого есть статья Уголовного кодекса РСФСР 115-1 «За уклонение от лечения и заражение венерической болезнью».

В одной из клиник пачкала особа, которая тоже ориентировалась только по записной книжке. И заразила более ста мужчин. Сколько же заразы разнесли они по стране? Когда врачи говорят, что практически их уже нельзя отыскать и вылечить, стоит задуматься над теми понятиями, которые мы с легкостью имеем условностями.

Не следует забывать мужчинам «чистоту» индикаторами, поскольку наличие заболевания у них определяется легче. Женщины же могут долго пребывать в неведении, одаривая болезнью всех желающих налево и направо... И очень трудно приходится оперативной группе врачей и фельдшеров, разыскивающих по городу источники и контакты. Работа не из романтических, хотя по кропотливости от уголовного розыска особо не отличается. Попробуйте найти, если больной говорит: «Да встретился с девушкой не помню, кажется, она говорила, что работает в магазине, то ли в секции гимнастики

или в секции танцевальных трюков, она беланкая...»

Чем объяснить высокий уровень венерических заболеваний, отмеченный в настоящее время?

Конечно же, аморальным образом жизни определенной части молодых людей. Только трагедия-то в том, что они не живут изолированно от общества. Их поведение позволяет и дальше увеличивать процент больных.

Как объяснить это высвобождение из ряда моральных ограничений, какие сдерживали половую разнузданность раньше? Что произошло? Раньше половое созревание, возможность легко делать аборт, крути не крути, но и без западной секспропаганды тут не обошлось. Журналистики, видеоролики, наборы фотографий и не слишком чистоплотные иностранцы, кому навстречу выходят наши женщины, которых мы все еще стыдимся называть проститутками во всеуслышание. Это ведь они щедро раздают «подарки» своим соответствующим.

Врачи лечат, сохраняют врачебную тайну и впрямь рассчитывать на такую же сознательность со стороны больного, это их долг. Но отношение здоровья к болезни должно быть однозначным: заразе — заслон, распространителям — наказание!

Когда у девочек двенадцати лет встречается половой путь заражения (в отличие от бытового, случайного), это повод, чтобы задуматься всем, кто их окружает.

Грустно становится от встречи с такими девочками. Еще грустнее оттого, что такими они становятся на наших глазах «благодаря» кому-то из взрослых.

Что делать, если в одной из школ гонорей обнаружена у детей, начиная с четвертого по девятый класс?

Все это относится к одной стороне медали — зараженно, есть и другая, связанная с лечением.

В диспансер приходит интеллигентный человек и, занявшись (на от страха за свое здоровье — за репутацию), задает твердый вопрос: «А мне на работу не позвонят?». Храбрый после выпивки и трусливый — похмелье, обнаружил следы порочного увлечения, он начинает трястись овечьей дрожью перед своим половником и родными. Заболев, не думает о болезни, а думает о позоре. В нем просыпается болезнь, которая почему-то не просыпалась раньше, когда он бросался в незнакомые объятия...

Сегодня врачи крайне обеспокоены. Определенный круг больных широко популяризирует мнение, что венерические заболевания легко излечиваются и для того есть широкий спектр антибиотиков. Слова: «Я сам делал себе инъекции» или «Я договорюсь с врачом» — общезвестны. В итоге врачи

получают запущенные формы хронических болезней, а до этого — полувыведенное бактериюносительство.

Лечение сифилиса для государства обходится 8—10 рублей за один койко-день. Раньше оно проводилось за 80—100 дней. Подведем итог: 1000 рублей плюс оплата больничного листа минус то, что должен был произвести на своем рабочем месте этот больной.

Сейчас благодаря совершенствованию лечения курс сократили до 25 дней, стоимость — 25 рублей. Но почему государство оплачивает кому-то его личную половую невоздержанность? Ведь ни у кого же не возникает сомнения, что к производственным травмам эти болячки не относятся. Хорошо живем!

Еще парадокс. Существуют закрытые стадионы, где лечатся больные венерического типа. Уходя из этого учреждения, они тоже получают больничный лист! За что? Кто-то сердобольный спросит: «А на что будет жить семья?» Но ведь есть же, например, решение, согласно которому травмы, полученные во время опьянения, не оплачиваются. Чем же это лучше? Тем более, что многие из тех, кто лечится самостоятельно, вгоняют в себя болезнь так глубоко, что врачам трудно ее найти; значит, невылеченная, пришедшая крайне опасная болезнь остается среди нас в вываленной вываленности с большим трудом.

Но коль есть категория лиц, которым приходится лечиться неоднократно, и они уверены, что государство поприжмет их чем-то обязано, то почему бы не поставить вопрос иначе: «А может, надо заставить лечиться за свой счет?». Анриминость сохраняется, эпидемиология выявляется обязательно, а за лечение — казначейства в классу. Эти деньги все равно детям не достаются. Эти деньги вряд ли будут обращены на благо цели, если не считать таковыми лечеб в ресторане с истинным будущим заражением. Особой прибыли эти деньги государству не принесут, но подтвердят мудрость старой поговорки: «Любись, кататься, любя и сеношкой возить».

Не исключено утверждение, что некоторые больные перестанут лечиться в диспансерах и опасаясь за репутацию, ищут венеролога в частном порядке. Это, кстати, делается повсеместно и должно быть пресечено решительным образом. Подпольные врачи наживаются на реальном страхе пациентов, и происходит самое страшное — не выявляется эпидемиология, она действует, заражая тех, кто вступает в интимные связи, и те х, кто ни в чем не повинен — жек, мужай, сохраняющих верность, детей. Лечение венерических болезней — обязанность государства. Только государственное здравоохранение может взять на себя

ответственность за выявление и пресечение заразы.

Как бы ни был вылечен больной, даже лабораторные анализы, показывающие стерильность организма, не гарантируют нарушение генетического кода, который врачам и ученым еще неподвластен. Возбудитель сифилиса — таинственная инфекция. Сегодня ни один ученый не может сказать, что вылеченный больной полностью здоров. Больные снимают с учета, но никто им не выдает гарантии о здоровье.

Человек должен испытывать страх перед возможностью заражения. Женщины болезни обрекает на бесплодие и серьезные заболевания. Для женщины сифилис — обрыв ниточки жизни и тяжелые последствия. Сифилис может проявиться и во внуках, когда за болезнь приходится расплачиваться не в чем не повинных детям.

Комментарий специалиста. Главный врач Московского городского кожно-венерологического диспансера Виктор Анатольевич ТИЦ. Венерические болезни (сифилис, гонорея и др.) являются серьезными заболеваниями, но оставлющими никакого иммунитета. Самолечение их антибиотиками только удлиняет сроки лечения. Самочинное применение антибиотиков для лечения гонореи значительно затягивает инкубационный период сифилиса и мешает его своевременному выявлению, если одновременно произошло заражение обоими заболеваниями. Неполноценное лечение приводит к осложнениям с серьезными последствиями. Нужно помнить: антибиотик, вводимый даже в больших дозах после подозрительного контакта, не может служить средством личной профилактики.

Обращались и молодежи при появлении признаков заболевания спешить к врачу! Сохранение врачебной тайны и успех лечения в стенах лечебного учреждения гарантированы.

В стране продолжается всеобщая диспансеризация. Идет проверка каждого из нас в интересах каждого и государства в целом. Возможно, Положение о всеобщей диспансеризации стоит дополнить и анализом на сифилис. Раньше кроме для этого брались из вены, сейчас просто — из пальца. Здорового человека этот анализ оскорблять не должен, зато с помощью анализа удастся выявить зараженного.

Наверное, следует подумать и о массовых тестах с использованием автоматического, электронного оборудования.

Человечество избавилось от чумы и холеры, натуральной оспы, Венерические заболевания, идущие от нечистоплотности отдельных особей, еще остаются пятном позора на теле человечества. Пятном, смыть которое в наших силах.

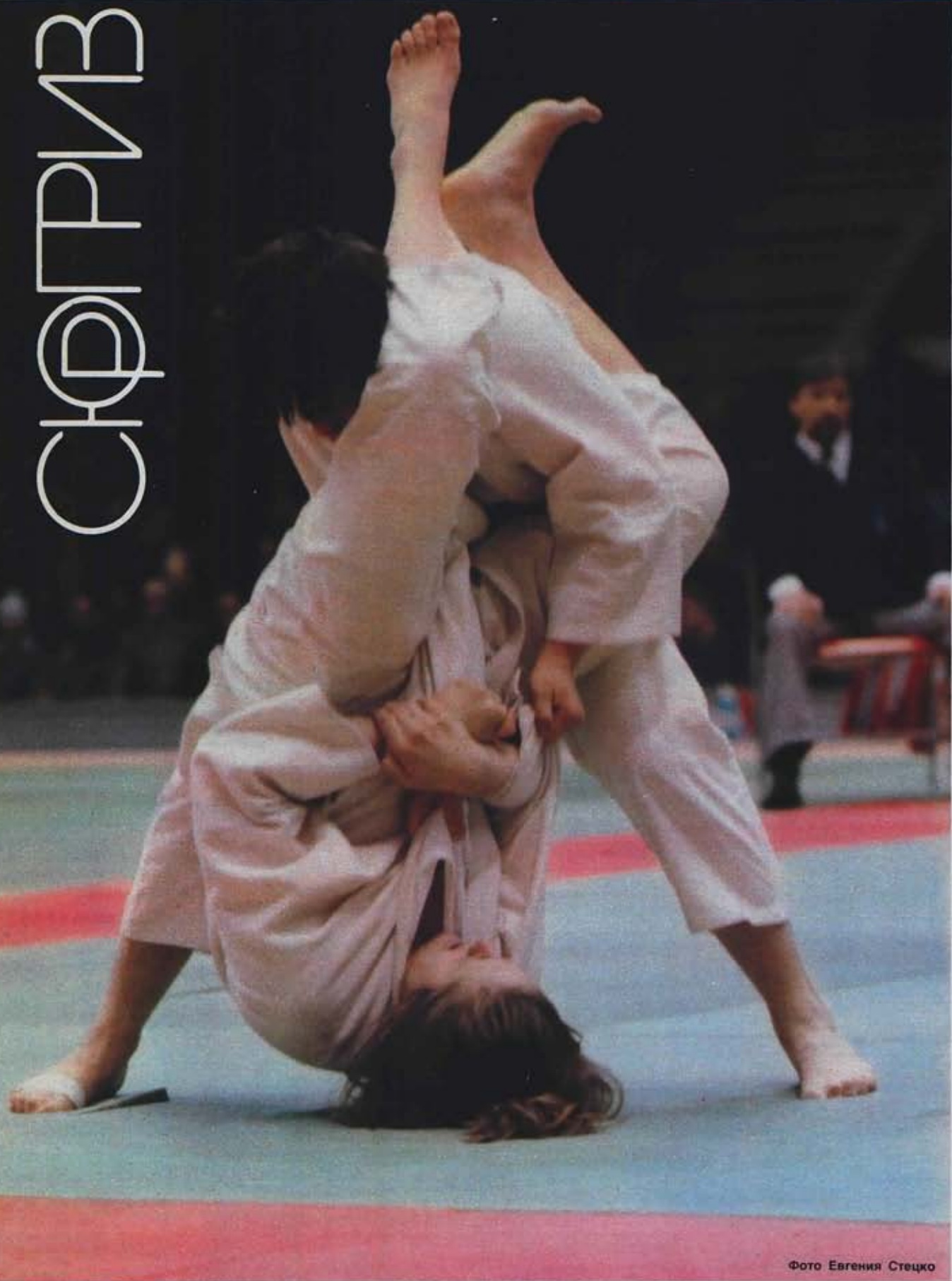
Синдром Растущей Распущенности

Александр БОЙКО,
кандидат педагогических наук

Оксана СУББОТИНА

НА ТАТАМИ

СЕРВИЗ

— Хаджиме! —

звучит команда. Обхватив друг друга, девушки сходятся в схватке. Подсечка, бросок, захват, еще бросок, победный крик — Юка! — и соперница лежит на татами... Такого не мог предположить даже основатель дзюдо японец Дзигаро Кано, а ведь именно в Стране восходящего солнца женское дзюдо впервые обрело признание. Впрочем, долгое время мнение многих было едино: не женское это дело! И преемницам японок — англичанкам — не один год пришлось тренироваться при закрытых дверях, чтобы, не дай бог, не увидели их разгневанные представители сильного пола.

В нашей стране женское самбо и дзюдо культивируются уже более полувека, но раньше эти виды борьбы имели лишь прикладное значение. Дзюдоистки-спортсменки появились в Эстонии, где в 1973 году была создана первая секция. И хотя отношение к женской борьбе было отнюдь не восторженное, желающих примерить кимоно оказались тысячи.

В апреле 1984 года Спорткомитет СССР издал приказ «О развитии борьбы дзюдо среди женщин». На сегодня в стране им официально занимается более 14 тысяч девушек. Прошло несколько всесоюзных и международных турниров, а в июле нынешнего года в Минске состоялся первый официальный чемпионат СССР. В нем участвовали спортсменки из всех союзных республик.

Чем же отличается женское дзюдо от мужского?

В правилах особых различий нет. Женщинам разрешены те же приемы, что и мужчинам. Продолжительность схватки 4 минуты. Другие лишь весовые категории: наилегчайший вес — до 48 кг, полулегкий — до 52, легкий — до 56, полусредний и средний вес — соответственно до 61 и 66 кг, полутяжелый — до 72 и тяжелый вес — свыше 72 кг. Есть разница в форме. Женщинам под кимоно разрешено надевать майки или гимнастические костюмы. Бижутерия удаляется. Зато нет никаких ограничений на прически. Борются можно и со стрижками, и с косами. И фигуру, кстати, дзюдо не портит. Наоборот — заставляет работать все группы мышц, развивает гибкость, грациозность, тренирует дыхание.

Девиз дзюдоистов «Сила — ничто, умение — все!» очень подходит к женским поединкам. Физические данные и мощь отходят на второй план перед красиво выполненными движениями, хитроумными ходами.

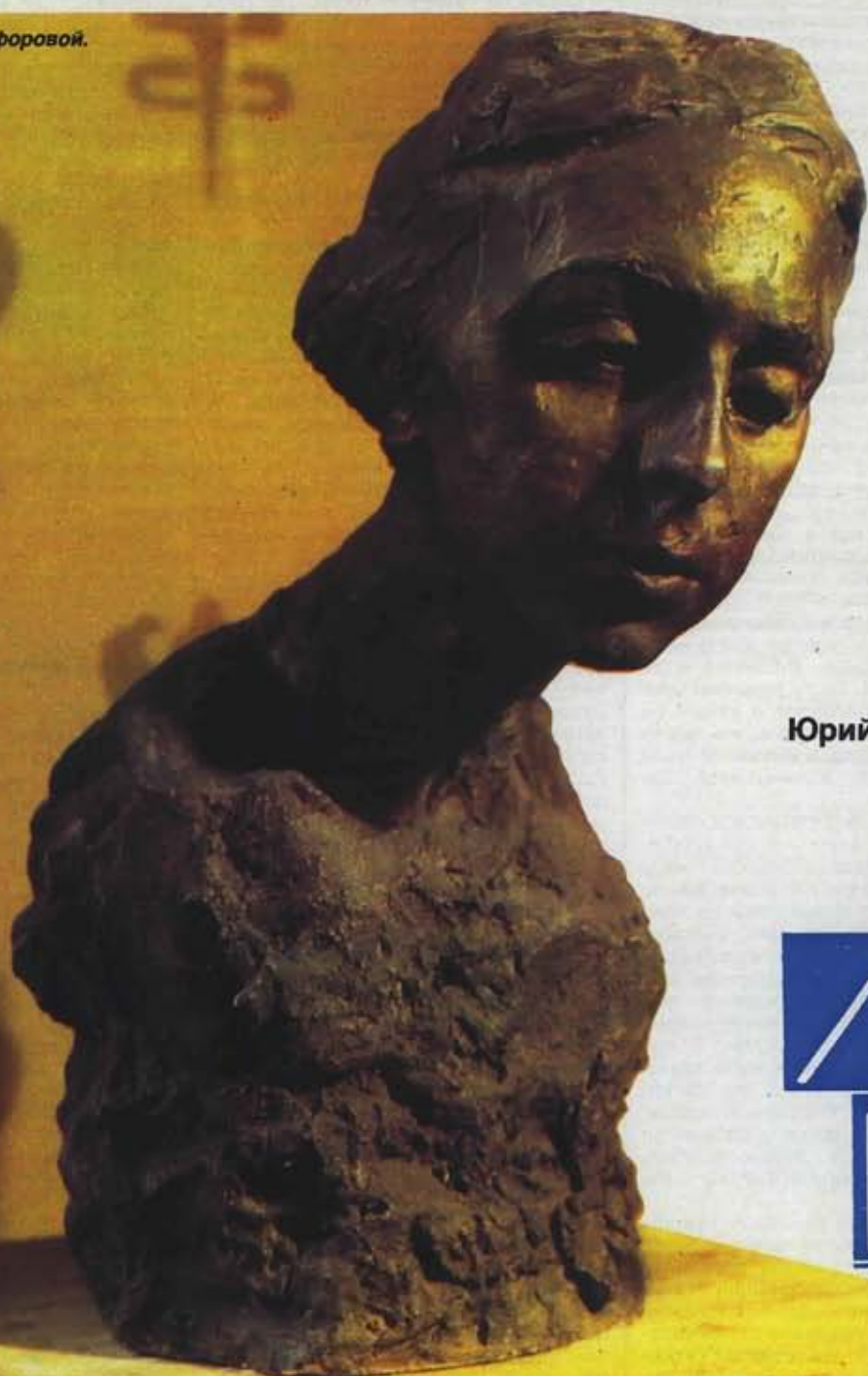
— Нашим дзюдоисткам пока не хватает опыта, но кимоно им явно по душе, они растут прямо на глазах, — говорит старший тренер сборной Евгений Кузнецов. — На чемпионате Европы-87 лучшая из наших спортсменок Татьяна Кувшинова из Дзержинска замкнула пятерку сильнейших.

В ноябре в Эссене (ФРГ) состоится пятый чемпионат мира, в котором впервые примут участие и мужчины и женщины. Определятся восемь сильнейших дзюдоисток, которые примут участие в показательных выступлениях на Олимпийских играх 1988 года.

Так что о женском дзюдо можно спорить и спорить, но оно было, есть и, видимо, будет. Более того, оно уже официально признано Международным олимпийским комитетом. Олимпиада-92, согласно его решению, готовится принять дебютанток.

Фото Евгения Стецко

Портрет Е. Д. Никифоровой.

Юрий НАГИБИН

Какое требовалось мужество, как надо было любить искусство, чтобы после всего пережитого вернуться на пепелище своей единственной любви для запойного труда, упрямого и скромного ученичества, ради которого обуздывались рвущиеся наружу творческие силы!

Она не давала прошлому толкать себя под руку, упорно и неукоснительно готовила однообразные, но, видеть, необходимые уроки Родена: ступни, кисти, ушные раковины и снова ступни, кисти, ушные раковины — больше мастер не требовал от нее ничего. Ну, а как Голубкина нарушила его предписания и одержала победу, мы уже знаем...

Но оказалось, что Анна Семеновна еще не все взяла у Парижа, и в середине 1903 года она в третий раз отправилась туда с одной целью — изучить технику работы по мрамору. Вначале она пошла старым путем — в студию Каларосси, но обучили ее всем секретам мастерства не ленивые студийные преподаватели, а французские рабочие-мраморщики. Отныне мрамор стал для нее столь же родным материалом, как глина и дерево.

ВЛАДИ МУЗЫКА И ОГНИ

Еще до этой поездки Анна Семеновна по лестному заказу знаменитого Саввы Морозова создала для Художественного театра горельеф «Море житейское» — романтический образ бури, неотделимый от того тревожно-кипящего времени, и с ним пришла к ней отечественная слава. И сильный, неоднозначный портрет самого миллионера-мечената вылепила Анна Семеновна.

Но мы не исчерпали тему первого Парижа, ключевую в ее жизни. Да, к ней вернулись и физическая крепость, и бодрость, и неуемная жажда труда, и жадная приметливость к человеческим лицам, но что-то не вернулось — доверие, что ли, к людям, способность радоваться?... Глубоко запрятанное поначалу чувство обреченности на полное одиночество с годами стало декларироваться как неременная для творца гигиена. Она говорила Е. А. Глаголевой, пробовавшей силы в литературе: «Если хочешь, чтобы из твоего писательства что-нибудь вышло, не ходи замуж, не заводь семьи. Искусство связанных рук не любит. К искусству надо приходить со свободными руками. Искусство — это подвиг, и тут

Фото Евгения Стецюк и Владимира Чешкинина

Сирень. Березка.

Нина.

Окончание. Начало в № 18.

нужно все забыть, а женщина в семье — пленница. У мужчин все это другому проходу».

Но после парижской трагедии женщина далеко не сразу умерла в Анне Семеновне. Это почувствовал Андрей Белый, когда Анна Семеновна лепила его в 1907 году, а будь она солдатом в юбке, так рисуют ее доброжелатели (я не ставлю в кавычки этого слова, ибо люди, сделавшие из прекрасной женщины чуть ли не перевертня, руководствовались самыми добрыми намерениями создать идеально чистый образ), эльфический и крайне чувствительный к вечно женственному поэт не стал бы позировать ей с завидным и во все не свойственным ему терпением. Анна Семеновна сделала несколько портретов А. Белого; наибольшим сходством с моделью отличался тот, где глашатай символизма предстал в виде борзой. Голубкина не гналась за легким хлебом карикатуристов. Виктор Шкловский говорил, что каждый человек похож на того или иное животное и только Вера Инбер — на горжетку. Андрей Белый на борзую не был похож, но его отличали летучесть, порыв, устремленность вперед, в утонченность, присущие этой стремительной породе, и он вылепился в борзую. Кстати, Ек. Загорская в своей книжке совершенно ложно трактует этот портрет как «гротескное, утрированно-декадентское по форме произведение», вскрывающее «нездоровую психику Белого». Это неуважение к Голубкиной, вдруг ставшей декаденткой, и к Белому, замечательному, с отсветом гениальности писателю, огромной и своеобразной личности. Скульптурный портрет Андрея Белого — откровение, озарение, прогляд одного таланта в самую глубину другого таланта, и нет в нем злого подтекста. Ничуть не обиженная борзая длинными, плавными прыжками понеслась дальше.

А вот однажды внутреннее зрение, тайновидение Анны Семеновны жестоко и справедливо обидело человека, о котором доподлинно известно, что он нравился ей. То был Александр Владимирович Назаревский, хранитель музея Александра III, знаток искусств, блестящий лектор, красавец и златоуст. Любопытно, что и тогда нашлись добрые души, которые, приметив затронутость Анны Семеновны существом мужского пола, поторопились наговорить о нем разных гадостей. Анна Семеновна, обычно такая решительная и резкая, беспомощно отбивалась от доброты: «Я хочу его сделать, характерная у него голова, умная... Да, впрочем, вы не думайте, что я не знаю его. Я знаю, да все ему прошоак за его любовь к искусству. Ведь он по-настоящему искусство любит». Но она не подозревала, что знает его куда дальше и глубже, чем сама постигала дневным сознанием.

Обычно, приступая к портрету, Анна Семеновна долго не прикасалась к глине, а вглядывалась в модель, будто проверяя тот творческий импульс, который подкачивал ее на эту работу. И случилось, отказываясь от своего намерения, жертвовала даже выгоднейшим заказом, нежданно обнаружив, что модель ей неинтересна, неприятна, что перед ней сфинкс без загадки — и все на лице написано, ничего за фасадом. По этой причине она отказалась лепить своего большого друга талантливого скульптора-анималиста Ефимова, ибо за наружностью добра молодца, красавца богатыря читался лишь добрый молодец, красавец богатырь. Но в случае с Назаревским у нее не было и тени сомнения в доброкачественности и значительности модели. Однако ее рука знала больше. И вот что получилось. Из записок О. В. Киприяновой, первой жены Назаревского: «Голубкина выполнила свой замысел: она сделала характерную, умную, сильную голову. Но изумительная психологическая сила ее таланта помогла ей раскрыть в портрете Назаревского те глубоко отрицательные черты, о которых она, казалось бы, не должна была подозревать, зная его только как превосходно-

го лектора и ученого. Однако в личной жизни Назаревский черты эти выступили с непреодолимой силой: эгоизм, самодурство, чувственность и до самолюбования доходившее до восторга собой».

Естественно, что Назаревский в ужасе отпрянул от своего изображения. Наверное, нечто сходное испытал вечный юноша Дориан Грей, когда увидел свой отвратительно, порочно и разоблачающе постаревший портрет. Так трагикомически кончилось последнее робкое увлечение Анны Семеновны.

Аскетизм, на который обрекла ее жизнь, не был врожденным и органическим свойством ее природы, он причинял страдание, это видно по некоторым ее проговорокам и кривизнам поведения с близкими людьми. Ограничусь двумя примерами и оба возьму из отношений Анны Семеновны с очень дорогими ей друзьями Ефимовыми.

Ивану Семеновичу Ефимову некуда было поставить две свои скульптуры: «Козла» и «Бизона» (последний буквально царил на недавней выставке «Москва — Париж»), и Голубкина предложила свою мастерскую, в которой было довольно места. Обрадованный Ефимов воспользовался предложением. Через короткое время Анна Семеновна потребовала забрать их: «Ваши работы все мои полки перекувырнули. Ваши — паслись и любили, а мои никогда не ели и не пили». И Ефимов, и его жена делали вид, будто речь шла действительно о скульптурах, а ведь Анна Семеновна о себе говорила, что она не паслась и не любила, и кололи ей глаза символы мощной, полнокровной, ликующей жизни.

У Голубкиной в Левшинском были две мастерские, одну из них она уступила Ефимову. Чета Ефимовых жила в том же доме на первом этаже. Как-то раз без всякого внешнего повода Анна Семеновна сказала Ефимову: «Давайте не будем знакомы». И муж, и жена Ефимовы с присутствием им добродушием объясняли это внезапное решение тем, что они утомили Анну Семеновну своим слишком шумным соседством. У них был открытый дом, к ним часто приходили гости, звенела гитара, эта «богемность» не могла понравиться сурово оберегающей своей покой и работоспособность Голубкиной. Дерзко вступать в спор с такими свидетелями, но я все же попробую.

Я знал Ефимовых пожилыми куколками, не раз видел их наивный, почти любительский театр. В эту пору Иван Семенович уже не выставлял новых работ, а тратил весь свой незаурядный талант на кукол, преданно служа увлечению своей жены. Он создавал персонажи басен Крылова: медведи, лисица, журавлей, мартышек, стрекоз, муравьев. С помощью ширмы и скромного реквизита Ефимовы разыгрывали нехитрые сценки. Нина Яковлевна ужасно старалась, вкладывала всю душу в эти представления, радовалась хоть малому успеху, а когда звучали аплодисменты, упоенно подкидывала куклы вверх. Время ее не пощадило, и следа не осталось от библейской красоты, запечатленной в скульптурном портрете Голубкиной. Красивый, рослый, стройный, как юноша, седебородый Ефимов сострадатально успокаивал свою старую подругу: «Ну, хватит, хватит! Не надо кидать. Выйди, поклонись. Видишь, все довольны». Я смотрел на них и думал, как прекрасна любовь, пронесенная через всю жизнь.

Вся эта любовь, тогда еще молодая и киплящая, оказалась невыносимой для Анны Семеновны. Слишком близко от ее одиночества разворачивалась картина семейного счастья, полное душевного лада, постоянной радости друг от друга, радости без эгоизма, без затворничества. А шум, беспокойство — это несерьезно. Я сам долго жил в старом московском доме и знаю, как непроницаемы для шумов толстые стены и потолки. Это не современные коробки и башни с одурачивающей акустикой. Анну Семеновну не могли тревожить посетители Ефимовых, их семейные вечера. Да и не пристало отшельнице так чутко

прислушиваться к голосам застенного веселья. Но чужое счастье и вообще-то докучливо, тем более для человека, обобранного судьбой. А ведь и ей когда-то, пусть на миг, посветило счастье и оставило память в крови, это сама кровь ее возстала против мучающего соседства. Надо сказать, что сама Анна Семеновна назвала иную причину своего разрыва с Ефимовыми: «... мешали они мне, просто как слишком близкие зрители моего «висения на волоске». Это — другими словами о том же, о чем говорю я.

А теперь хотелось бы вернуться к тайновидению Голубкиной. О чем речь шла выше. Евфимией Носовой-Рябушинской из семьи известных промышленников Голубкина была очарована. Все же склонная к сентиментальности и словесным ласкам, Анна Семеновна называла ее «мой белый ландыш». В тонкой красоте светской дамы она проглядывала сильные черты ее предков — волжской вольницы, людей солнца, ветра, волны. Ее трогало, как утончился в Носовой крепкий тип волжанки, не утратив здоровой прочности, ведь и ландыш упругий, выносливый цветок, это не полевая герань, которая вянет раньше, чем букет донесешь до дома.

И она слепила с любовью и подъемом один из лучших своих бюстов. Как ни странно, суровый, правдивый В. Серов создал эталон салонного портрета, его княгиня О. К. Орлова покорила свет. Замечательный художник отдал ей все великолепие своего мастерства и насколько — сердца. Да это и не требовалось, княгиня Орлова сама была ослепительна и холодна. Теперь все заказчики высшего общества, и аристократического, и плутократического, хотели видеть себя на холсте или в мраморе в серовском пошибе. В. Серов оказался способен на такую вот сделку с совестью, но неподкупной Анне Семеновне не надо было насильно себя, она не просто восхищалась Носовой, она проглядывала в ней некую высшую красоту. И опять ее «поддела» рука, ведавшая то, чего не было в разуме мастера. Голубкина вылепила голову недоброй, капризной, нравной дамы — неприятной во всех отношениях. Неудивительно, что взбешенная Рябушинская не захотела брать портрет. Голубкина помучилась, помучилась с ним да и бросила, поняв, что есть что-то более сильное, чем ее расположение к модели.

К числу немногих работ, которыми Голубкина была сама довольна, принадлежит прославленная «Марья». Недаром ее сразу высмотрел наметанным глазом для своей галереи великий собиратель Павел Третьяков. «А хороша моя Марья!» — как-то удивленно говорила Анна Семеновна и вспоминала некрасовские стихи:

*В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет, спасет,
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.*

Как ни вглядывалась я в мраморный портрет Марьи, мне никак не удавалось увидеть некрасовскую женщину. В горящую избу такая войдет, особенно если там дети, но коня на скаку не остановит, даже не попытается, нету в ней лихости, удачливой хватки нету. И так ли уж крепка в беде?.. Чем-то неблагоприятным вест от нее, прекрасное существо, в высшей степени достойное, но какой-то есть ущерб.

Эти смутные ощущения я благодарно хранил про себя, пока не побывал в Зарайске и не свел знакомства с зарайским старожилом и патриотом, заслуженным работником культуры Владимиром Ивановичем Полянцевым. Он журналист, этнограф-любитель, художник, долгое время возглавлял художественное училище имени Голубкиной. Училище это возникло его стараниями, равно как и маленький музей в доме, где жили Голубкины, как и улица ее имени. Поляничев уверен, что нет в России великого человека, который так или иначе не был бы связан с Зарайском. Как повелось с зарайского князя-мученика, умерщвленного Баты-

ем за смелый ответ, и жены его княгини Евпраксии, выброшенной из окна и зрадившейся — разбившейся (отсюда и Зарайск — Зарайск) с малолетним сыном у груди, чтобы не стать добычей степняков, так и шло до наших дней: Зарайск для каждой эпохи давал героев духа, сечи, мысли, творчества; здесь пластал захватчиков князь Пожарский, здесь отбывал солдатчину талантливый и несчастный Полежаев, жил после ссылки писатель Мачтет, здесь увидели свет маршал Мерецков и академик-филолог Виноградов, и неотделима от Зарайска судьба Голубкиной, здесь же ее могила. Это далеко не полный перечень.

Полянцев — зарайский Нестор. Среди собранных им материалов о выдающихся событиях зарайской истории и нынешнего времени, о местных жителях, оставивших свой след в мире, имеется папка с картошкой всех зарайцев, которые позировали Голубкиной. Среди прочес тут и крестьянка, ставшая бессмертной голубкинской Марьей. Судьба ее была по-русски жестокой, без искупления непроглядной: один за другим умирали ее дети, большинство от скарлатины, при этом они не заражались друг от друга, а уходили последовательно, будто уплывали ежегодную дань заразе, иные умирали и от других болезней. Когда похоронили восьмого, уже стронувшийся ум несчастной матери окончательно помутился, и она наложила на себя руки. Православие отказывало самоубийцам в церковном погребении и месте на кладбище, но судьба Марьи была так ужасна, что зарайский благочинный сделал для нее исключение, мол, не ведала, что творила, ибо Господь отнял у нее разум. И Марью похоронили под крестом.

«Бейте меня, режьте меня!», как говорил Велемир Хлебников, но я уверен, что тайная душа Голубкиной проглянула участь Марьи. Поэтому так потрясает этот портрет.

Неужели тайнознание Голубкиной обнаруживало в людях лишь дурное или ущербное? Конечно, нет. Для доказательства приведу один лишь пример, но убедительный. Толстовский музей хотел заказать ей портрет В. Г. Черткова, друга и последователя Льва Толстого, главы толстовцев. К Черткову трудно было хорошо относиться, если не разделять его взглядов, а Голубкина не разделяла, за что в свое время лишилась благоволения Льва Николаевича и доступа в его дом. С обычной резкостью и прямою она говорила о Толстом: «Что же он передо мной-то кривляется? Что же, я не знаю народ?». Высказываясь так об Учителе, как могла она относиться к ученику? Черткова и вообще не любила: за барство, противоречащую проповеди смирения и прощения, за то, что он «вкрался» в доверие к Толстому, за постоянного привкус фальши, присущий всем толстовцам и всему толстовству. Анна Семеновна, нетерпимая ко всякой неискренности, наигрышу, заочно не переваривала Черткова и отказывалась делать его портрет. Но однажды она столкнулась с Чертковым в вегетарианской столовой, он говорил о самоубийстве одного толстовца и прослезился. И Анна Семеновна сразу решила принять заказ. Об этом хорошо, хотя и сумбурно пишет М. В. Нестеров: «И вот тут она увидела в нем человека. Она, когда его делала, очень хотела эту слезу передать... «Чертова» Голубкиной я считаю одной из сильных ее вещей. Чертков — фальшь сплошная, а она увидела другого Черткова, и вот его случайная слеза превратилась у нее в музыкальную поэмку...» Чертков не был сплошной фальшью, иначе его не любил бы так и не верил бы ему так наипроницательнейший Лев Николаевич. Но у великолепного портретиста Нестерова не было тайновидения Голубкиной.

Пора бы вспомнить о хронологической канве жизни Анны Семеновны.

Голубкина вернулась из своего третьего Парижа в канун грозных событий 1905 года и с головой окунулась в революционное движение.

Не надо только делать из нее слишком сознательного, идеологически оснащенного борца, ее бунт был во многом стихийн, он коренился в жажде справедливости, в жалости к измученному народу, ко всем угнетенным, а революция она все-таки страшилась, хотя понимала ее неизбежность: «...страшно, как много, много крови прольется».

Она была художником до мозга костей и во всех своих поступках руководствовалась чувством, интуицией, подсознательным нравственным велением. В дни декабрьского восстания в Москве Голубкина чуть не погибла. Когда нагайками разогнали рабочих на Серпуховской площади, Голубкина повисла на узде казачьей лошади с криком:

— Убийцы!.. Вы не смеете избивать народ!..

Родные поторопились увести Анну Семеновну на подводе в Зарайск. Восстание было подавлено, но когда у других опустились руки, Анна Семеновна взялась «за самые опасные и действенные формы антиправительственных выступлений. Она посещает конспиративные квартиры РСДРП, дом своей семьи в Зарайске превращает в явку для нелегальных членов партии»¹. Кончилось все это арестом и тюрьмой. Новый приступ болезни и бурные хлопоты старшей сестры Александры избавили ее от сурового наказания. Ее выпустили под надзор полиции.

Но раньше всего этого Анна Семеновна по просьбе Московской организации большевиков вылепила портрет К. Маркса. Рабочие приняли его с восторгом и благодарностью. Любопытно продолжение этой истории. Уже после Октябрьской революции возникла мысль тиражировать превосходный портрет. Худсовет ИЗО Главполитпросвета единогласно проголосовал за работу Голубкиной, а правление столь же единодушно ее отвергло, не вдаваясь в объяснения. Конечно, Голубкина была оскорблена и подавлена, но кого это интересует. Лишь много лет спустя секретарь правления объяснил скульптору З. Клобуковой, ученице Анны Семеновны, чем было вызвано абсурдное решение: «...если б мы издали голубкинский бюст Карла Маркса, то получился бы полный провал прежней продукции, а денег истрачено десятки тысяч».

Это делает многое понятным в удручающем скульптурном оформлении Москвы. Нельзя, чтобы на виду оставалось прекрасное, иначе другой «продукции» не будет места. И прониновенный андреевский Гоголь загнан во двор дома по Суворовскому бульвару, а на его место ставится напыщенный, глупый истукан. Разве это Гоголь аксаковского взрыда: святой?! Разве есть тут что-нибудь от гоголевского смятения, от его муки, смирения и мессианства? Так мог выглядеть Чичиков, если б преуспел в своих переговорах. Где-то в глубине Краснопресненского сада, укрытый от людского взора, выворачивает свой бульжик шадровский пролетарий, а площадь осквернена кощунственно-бездарным монументом, якобы изображающим героев Красной Пресни. Символически сгинули памятник Свободы, меркурьевская Мысль, но появились безликие идолы.

Голубкина, подобно А. Блоку, остро чувствовала неотвратимость грядущих перемен. Владевшая ею тревога сообщалась ее работам, она проглядывает и в вазе «Туман» с изнемогающим в реюющих клубах девичьим лицом, и в фигурах для камина «Огонь», в «Лермонтове» со странной припухлостью век, будто несущих на себе тяжесть грозного провидения, в «Страннике» и в «Женской голове», выдирающейся из камня, в чудесной некрасивой девочке «Маньке», доверчиво являющей миру ошеломленность детского беззащитного лица, в пробуждающей опасноватой пытливости «Рабочего», в затаенности «Лисички», в «Спящих» (поразительно глубока со-

циальность этого символического произведения), но самый полный образ сдвинутого мира воплощен, конечно, в знаменитом «Идущем человеке», произведении редкой мощи и глубины.

Он вроде бы сам едва осознал, что идет, он пылливо вглядывается в даль, вытянув шею и чуть приподняв голову. Сейчас он приостановился на миг, упершись в землю всей плоскостью левой ступни, но правая уже приподымается для нового шага; у него широкие плечи, могучий торс и длинные мускулистые руки. Он приселелся, этот грозный человек, но сейчас пошел, и его не остановить, хоть идет он, как библейский патриарх, сам не зная куда. Да ведь дальше всех идет как раз тот путник, который не ведает конечной цели.

Эта скульптура производила громадное впечатление на современников Голубкиной, да и сейчас, когдаходишь в зал вновь открытого недавно музея, взгляд, обжевав все окружающие чудеса, сосредоточивается на «Идущем».

Через девять лет Голубкина создала другую скульптуру — «Сидящий человек», перекликающуюся с первой. Человек не сидит, он скорее прислонился к какой-то глыбе или к огромному пню. В нем нет расслабленности отдыхающего, его ребрастое сильное тело исполнено напряжения, превосходящего поступательную энергию идущего собрата. И в отличие от него этот человек с хмурым, жестким взглядом точно знает, куда он идет. У него нет рук — тех больших, чуть беспомощных лап идущего человека, но кажется, что они мгновенно отступят, когда он поднимется и пойдет напролом. Он недвижен и спокоен великим спокойствием непреложного решения. До чего же остро высмотрела Голубкина в наружном застое тех лет этот стукот революционной энергии!

Годы, следовавшие за революцией 1905 года, были самыми плодотворными в творческой жизни Анны Семеновны. Естественно перемежались произведения символического толка с психологическими портретами.

Необыкновенно хороши портреты двух очень разных писателей, Алексея Толстого и Алексея Ремизова, сделанные в 1911 году. В молодом, красивом, породистом Алексее Николаевиче замечателен просвет сильного всевидящего таланта сквозь маску бонвивана. В сумрачном, настороженном, зябко съезжившемся Ремизове с мощным лбом и слабо развитой нижней частью лица читается вся тревога и мука борений переломного времени.

Скульптурно менее удачен, но психологически очень интересен портрет Вячеслава Иванова, высокого поэта, над колыбелью которого расточили дары все добрые феи, кроме одной — феи естественности. Но Голубкина уловила непривычно и скорбно человеческое в чуждом мирским тревогам олимпийце.

И все же не только психологизм определяет ценность портретов Голубкиной, а то загадочное, не выражаемое словами, что лежит в искусстве портрета, когда он не более или менее фотография, а откровение и бессознательное слияние художника с моделью. В державе истинного искусства портрет впитывает в себя черты самого творца и становится в известном смысле автопортретом.

Замечательно удавались Анне Семеновне образы совсем простых, нередко безымянных людей, вроде «Ивана Непомнящего» (позже имя его было установлено), «Женщины в платке», просто «Человека», а также ее помощников: резчика по дереву И. И. Беднякова и мастера художественного литья Г. И. Савинского.

Несколько слов о личности Анны Семеновны. Она обладала теми редкими достоинствами, которые в полном наборе можно встретить разве что в юбилейных речах и некрологах, допускающих любую степень преувеличения: бескорыстием, неподкупностью, кристальной честностью, правдивостью, прямоотой, независимостью, смелостью, добротой, щедростью до последнего

грошика и, главное, цельностью, исключительной разницей в чувствах, мыслях и поступках. Перечисленного уже достаточно, чтобы в соглашательском, прагматическом мире человеку было очень трудно жить. А Голубкина была еще нётерпима, аскетична, бескомпромиссна в личных и общественных отношениях. Она порывала с самыми близкими людьми, если в общении возникал даже чуть слышимый фальшивый звук. Когда на собрании скульпторов после Октябрьской революции послышались визгливые голоса, требовавшие разных привилегий и гостинцев, Анна Семеновна сказала: «Не надо предъявлять никаких требований к новой власти, нужно, чтобы она окрепла». Это не вызвало расположения к ней коллег, а ее обрело на полунищенское существование до конца дней.

А было время, когда она могла стать богатой, ну, хотя бы надежно обеспеченной. Ее единственная персональная выставка, открывшаяся на исходе 1914 года в Музее изящных искусств имени Александра III, имела огромный успех. Игорь Грабарь, фактический директор Третьяковской галереи, хотел приобрести много работ. Но Голубкина заломила такую цену, что Грабарь сразу отступился, разразившись не делающей ему чести тирадой: «Просто несчастье эта босяцкая гордость». Ту же «босяцкую гордость» проявил и Коненков, единственный скульптор, которого можно было поставить рядом с Голубкиной. Оба рукоудствовались не жадностью или плебейской гордостью, а высоким уважением к своему искусству. Какому-нибудь иностранцу отваливали, не торгуясь, любую сумму даже за посредственную работу, а своих, считалось, можно купить задешево. Ряд первоклассных скульптур Голубкиной уже находились в Третьяковской галерее, но за них была уплачена достойная цена, и она считала всякую уступку тут унижением для своего чеха. Но ее выставку посещали ежедневно тысячи людей, и поступления от продажи билетов составили значительную сумму. И вот всю ее, не оставив себе ни копейки, нищенски бедная Анна Семеновна пожертвовала в пользу раненых — шла первая мировая война. И, совершив, просто и деловито, этот самоотверженный акт, вернулась в свою нетолпленную мастерскую.

О внешности Анны Голубкиной существует множество противоречивых сведений. В молодости все находили ее статной и красивой, позже мнения разделились: одни еще видели в ней красоту, другие же говорили лишь о темном пронизывающем взоре и чудесной, доброй улыбке, преображавшей суровое лицо. К старости большинство видело очень высокую, худую, плечистую, мужеподобную женщину с пергаментной, серой, проникотиненной кожей лица, освещаемого редкой уже улыбкой. Молодую Голубкину написал В. Маковский (картина «Вечеринка»), остался ее графический автопортрет, недавно, в день открытия мастерской — музея Голубкиной, сын скульпторов Ефимовых преподнес в дар хранилищу рисованный портрет Анны Семеновны, выполненный его матерью Н. Я. Симонович-Ефимовой, осталось много фотографий, но, главное, есть изумительный графический портрет Ульянова, сделанный им по памяти — сильной, цепкой и неподкупной. Анна Семеновна была прекрасна — и лицом, и статью, и время бессильно уничтожить такой лепки лицо, такое совершенство костяка.

Голубкина скончалась в Зарайске в 1927 году, не завершив работу над самым трепетным своим созданием «Березка» — девушка в первом цвету и над бюстом Льва Толстого. Это поразительная скульптура.

Лев Толстой никак не давался художникам. Пожалуй, лучший его портрет сделал Крамской, но тогда Толстой еще не был вполне Толстым. Он довольно молод, чернород, это не тот седобородый старец, каким он врезался в сознание каждого. А разве это обязательно? Василий Розанов писал,

что каждый человек в какой-то период жизни оказывается как бы наведенным на фокус, это относится и к внешности, и к внутреннему состоянию. Поэтому, глядя на портрет или фотографию, можно сказать: это еще не Чехов или это уже не Гончаров. Иные люди оказываются в фокусе в молодые годы, иные посреди жизненного пути, иные в старости. Толстой сфокусировался в преклонных годах. А Толстой Крамского сам еще не уверен, что он тот Толстой, к каждому слову которого прислушивается весь мир, в нем нет окончательной, последней значительности.

Толстого в фокусе пытался не раз изобразить И. Репин, но создавал лишь жанровые картины. Вот Толстой — добрый семьянин, он сидит за столом рядом с Софьей Андреевной, поигрывая какой-то рюмочкой (Лев Николаевич от души потешался над этим своим изображением), вот Толстой пашет, совсем как настоящий, но понарошку, а вот Толстой — босоногий пейзажник, смотреть на это неловко. Особенно беспомощны попытки в графике; невольно вспоминается чеховское: рисунки Репина — это рисунки ленивого, непроставшегося, но претенциозного человека.

А вот Голубкина вплотную приблизилась к Толстому его высшей поры, ведь у него не было угасания, был взлет и разом — смерть. Сколько в ее Толстом стихийной силы, сколько «нрава», как мощна непропорционально большая рука с указательным пальцем, приставленным к виску, словно пистолетный ствол; как он взъерошен, встопорчен, этот неукротимый старик! И почти физически ощущаешь могучую работу его мысли.

Через пять лет после смерти Голубкиной душеприказчики — сестра Александра и племянники — передали в дар государству согласно воле усопшей всю ее коллекцию — более ста пятидесяти работ. Дар был благодарно принят, и в помещении бывшей квартиры-мастерской скульптора открылся музей ее имени. И как же хорошо, что Анна Семеновна не любила расставаться со своими работами! Лишь малая часть ее творческого наследия осталась в Третьяковке, Русском музее и частных собраниях.

Беда грянула в 1952 году. Выяснилось, что творчество великого русского скульптора, патриота до мозга костей, участницы революционного движения, имело единственной целью искажение образа советского человека и досоветского тоже. Открытие сделал кукольник-монументалист Вучетич, зерно упало в благодатную почву — музей-мастерскую закрыли. Почти в одно время закрыли и уникальный Музей западной живописи, последний, очевидно, за искажение человека буржуазного мира.

Только в 1972 году тяжелое обвинение было снято, и музей решили восстановить. Еще раньше были реабилитированы Мане, Ренуар, Моне, Дега, Сислей, Сезанн, Тулуз-Лотрек, даже причудливые Матисс и Дерен, и прикнувшийся к ним Пикассо, но их бывшее обиталище было занято Академией художеств. Импрессионисты, постимпрессионисты и «дикие» разделились между Москвой и Ленинградом, единой коллекции не стало.

Собрать работы Голубкиной оказалось делом вовсе не простым. Руководствуясь, надо полагать, самыми лучшими намерениями сохранить наиболее ценное, Русский музей и Третьяковка значительную часть работ Голубкиной вывели и упрятали в свои запасы.

И когда, наконец, к великой радости москвичей, музей Голубкиной открылся, в нем не оказалось многих, в том числе лучших, ее скульптур. Призыв вернуть их законному хозяину, прозвучавший со страниц «Советской культуры», остался без ответа. Но здесь мы порываем с обителью искусства и вступаем в державу уголовного права. А кончить свой рассказ о Голубкиной мне хочется словами скульптора Ефимова: «Если бы меня спросили: «Знали ли вы гения?» — я бы сказал: «Голубкину».

¹ А. Каменский «Рыцарский подвиг».

В

ВЛАДИМИР
КУЗЬМИН

Владимир Кузьмин стал известен поклонникам эстрадной музыки сравнительно недавно. Особый успех выпал на долю певца после телепремьеры шлягера «Две звезды». Спасибо Центральному телевидению.

В среде рок-блестящих со стажем (гораздо более узкой, чем аудитория ЦТ) Владимир Кузьмин известен давно. Пожалуй, с тех самых пор, когда он еще учился в Московском институте инженеров транспорта. Правда, диплом так и не получил, пошел работать сторожем — чтобы учеба не мешала музыке. Увлеченный музыкой реггей, он и Александр Барыкин начали в 1980 году историю группы «Карнавал». Расцвет фантазии и творческих сил музыканта пришелся на эпоху группы «Динамик», созданной Кузьминым в 1982 году. Просуществовав четыре года, группа сказала (точнее, спела) ваское слово в московской рок-музыке. Безраздельно управляя творческим курсом «Динамика», Кузьмин показал себя музыкантом незаурядным, с почерком узнаваемым и изысканным. Верный теме любимой музыки реггей, он создал ее неподражаемый, индивидуальный вариант. В чем же он? В самобытном музыкальном мышлении, изобретательно преломившем традиционные ритмику и гармонию через личностное мироощущение, весьма ершистое, тяжеловесное, но последовательное.

И цитаты авангард-джаза или хард-рока в некоторых старых композициях «Динамика» воспринимаются с удивленным пониманием рождением новой музыки, органичной и цельной в своей полистилистике. Назвать ее «тяжелым реггей»? Но разве биркой музыка ценна?

Композитор, мультинструменталист, аранжировщик, поэт в одном лице. Не тяжела ли ноша? Если есть что сказать слушателю, то, думаю, все в порядке. Но споры-то бушуют. Ехидничают: отяжеленный вариант виа-песенок «про любовь». Да, ВИА ослепили лирическую тему так, что при одном упоминании в дрожь бросает. Но ее ли вина, что попала в такие руки? Авторское, личностное начало, единственно возможное для рок-музыканта, оберегает Кузьмина от профанации лирики, той лирики, которой у него много. Пусть не все шедевры, но композиции «Грусть», «Лед слезы льет», «Словно мячик», «Мама», думаю, достойны своего места в советской рок-лирике.

С окончательным развалом «Динамика» в 1985 году для Кузьмина настали нелегкие дни. Некоторое время его имя было в тени. А потом «Две звезды» — песня, стремительно завоевавшая слушателя по воле телевидения, но по сравнению с прежними работами архислабая.

Что это — кризис идей или минутная растерянность от неожиданно ослепительного света?

В последнее время композиторский дар музыканта показал новые привлекательные грани в песнях: «Золотая карусель», «Надо же», «Парень с гитарой», «Соперница». А вот первый авторский альбом Кузьмина «Моя любовь», несмотря на филигранную музыкальность, оказался более чем разочаровывающим. Причина, на мой взгляд, все та же лирика. В былые добрые времена «рокерничества» она разумно и оптимально соседствовала с яркими социальными памфлетами и оттого была, как говорится, на уровне: ничего лишнего. Теперешний образ «ТОЛЬКО лирического героя» обедняет палитру Кузьмина, к тому же чувствуются заданность и не совсем естественный надры.

Готовящийся сейчас на «Молодью» новый альбом музыканта с условным названием «Пока не пришел понедельник» сознательно (увы!) продолжает свою тандемцию.

Впрочем, сейчас воссоздана группа «Динамик», а одна из последних «истинно рокерских» работ Кузьмина, «Шпифовция», напоминает о том, что «есть еще порох в пороховницах»...

Артур ГАСПАРЯН

НЕУСТАНОВЛЕННОЕ

Так вот, Алик увидел здесь свой «шанс» и ухватился за него. Стараясь остаться незамеченным, он пошел за этой парой. Проводив их до входа в кинотеатр, он задумался. Купить лишний билет у выходящих тут же мелких спекулянтов не составляло труда, но Алик рассудил, что в кинотеатре можно «засветиться» перед Троепольской, и решил подождать на улице. Разумеется, он не собирался торчать здесь все три с лишним часа. Вместо этого он прикинул, что самое раннее, когда люди могут уйти с фестивального просмотра, даже если картина не понравилась, минут через пятнадцать после начала второго фильма. К этому времени Алик успел съездить в ТЮЗ, к одной знакомой трагестике, у которой выпросил накладные усы и клей — сказал, что хочет кого-то разыграть. Потом, завернув на машине в какой-то двор, изменил соответствующим образом внешность, нацепил кепку и занял наблюдательную позицию метрах в двадцати от белой «шестерки». Каково же было его изумление, когда раньше определенного им времени он вдруг увидел Ольгу (на этот раз настоящую, как понимаем мы) сидящей на бульваре у фонтана!

Но и тут ее поведение справедливо показалось Алику странным. Что она здесь делает? Почему не уходит? Он неотрывно наблюдал за ней в течение полутора часов, оставшихся до конца сеанса. Ольга только один раз встала со скамейки, чтобы сходить в киоск за газетами. Наконец, взглянув на часы, она перешла к левому выходу из кинотеатра. Сначала Алику казалось, что она кого-то ждет, но потом он увидел, как Ольга, смешавшись с толпой, выходящей из кино, неторопливо идет вдоль «Известий». Затем она поднялась на ступеньки, ведущие к метро, и он уже приготовился двинуться за ней, когда заметил, что Ольга снова остановилась, повернулась и смотрит куда-то в сторону памятника. Сам Алик стоял на тротуаре у подножия лестницы, и ему было трудно проследить за ее взглядом, но, обернувшись, он в последний момент успел заметить отъезжающую со стоек белую «шестерку» с пожилым джентльменом за рулем.

Эту часть рассказа Овсова Северин откомментировал так: Ольга, несомненно, решила проследить за Шу-шу и «стариком». Но, увидев, что они разъезжаются по отдельности, возможно, запомнила (в отличие от Алика!) номер «шестерки», а дальше пошла за Шу-шу, то есть за наркотиками.

Как рассказывал дальше Алик, Ольга вдруг быстро развернулась и наисокосок через площадку перед метро выскочила на улицу Горького. Алик же, сообразив, что там она может сесть в троллейбус или в такси, бросился за машиной, и, как оказалось, очень вовремя. Потому что, когда он завернул за угол, Троепольская, по его словам, как сумасшедшая металась на проезжей части, пытаясь поймать такси. Остановилась какой-то частник на голубеньком «Запорожце». За ним, не теряя его из виду, Овсов выехал на Садовое, а на Лермонтовской свернул в сторону Басманной и вскоре докатил до уже знакомой нам с Севериным подворотни, за которой начинался изрытый траншеями двор.

Судя по всему, Алику до самого конца так и не пришлось в голову, что он наблюдает за наблюдающим. Даже то, что Ольга, отпустив частника возле подворотни, не сразу пошла в нее, а некоторое время стояла на тротуаре, глядя через двор, не навело его на эту мысль. Видимо, он так был увлечен слежкой, что не осознал этого и тогда, когда сам минуту спустя стоял на том же месте, глядя, как Троепольская перепрыгивает через трубы, направляясь к стоящему в глубине за тополями дому... Потом он двинулся следом.

В подъезде было темно и сыро. (Это мы с Севериным могли представить вполне натурально.) Но Алику было еще и боязно. «Куда ее черт несет?» — с досадой думал он про Троепольскую. Он стоял внизу, задрал голову, и прислушивался. Сверху доносился невнятный шорох, словно кто-то пробирался в темноте по лестнице, осторожно ощупывая ногами ступеньки. Решившись, Алик взялся за перила и на цыпочках пошел вверх.

Несмотря на всю внешнюю благополучность овсовского существования, мне думается, его все-таки следует отнести к категории неудачливых ковбоев. Во всяком случае, с тех пор, как он познакомился с Оль-

ЛИЦО

Сергей УСТИНОВ

гой, вернее, Ольга с ним. Собственно, самый факт этого знакомства сейчас уже можно смело признать роковой неудачей его жизни, а все остальное — лишь цепной реакцией. Возможно, кому-то это покажется мистикой, а с другой стороны, так ли уж странно, что в полной темноте, дойдя до конца пролета, Алик занес повыше ногу в поисках очередной ступеньки, не нашел, оступился, споткнулся буквально на ровном месте и грохнулся на каменный пол?

Шум был довольно сильный, и он решил, что почти наверняка раскрыт, но все же в первый момент замер в неудобной позе на карачках, напряженно прислушиваясь. То ли ему показалось, то ли впрямь над его головой скрипнула дверь? Но еще через несколько мгновений Алик где-то совсем далеко услышал невнятные гулкие голоса, и у него отлегло от сердца: пронесло! Он поднялся, отряхнул ладони и двинулся дальше...

Северин сдержанно торжествовал:

— Обратите внимание на профессиональную работу со свидетелями, — скромно напомнил он. — Бабушка-старушка рассказала нам про женщину в ярком платье, которая шла к дому № 16. Это была или Шу-шу, или Ольга. Вполне возможно, что вторую она могла не заметить.

— Или обе слились у нее в одну, — не удержался съехидничать я.

— Дедушка же, — продолжал Стас, делая вид, что не замечает моего выпада, — запомнил мужчину в кепке и с усами, то есть Овсова. Полагаю, что Шу-шу поднялась на третий этаж быстро и безбоязненно — если исходить из нашего предположения, что у нее там была назначена встреча. А вот Троепольская и Овсов, каждый из которых за кем-то следил, должны были пробираться вперед осторожно. Думаю, тут могло происходить вот что. Дверь действительно скрипнула над головой Овсова, ему не показалось. Когда он грохнулся и наделал шуму, Ольга, которая никого не ждала сзади, должна была очень испугать-

ся. Предположим, в этот момент она стояла пролетом выше Алика, на площадке второго этажа. Как бы я поступил на ее месте? Я бы попытался спрятаться и переждать. Что она и сделала, зайдя в одну из квартир второго этажа!

Мы все молчали. Да, Стас нарисовал довольно четкую картинку, в которой нет ярко выраженных противоречий. Но ведь и ярко выраженных допущений в ней достаточно! Так ли все было на самом деле?

— Дальше, — потребовал Комаров.

— Дальше вы и сами знаете, — пожал плечами Северин. — Услышав голоса на третьем этаже, Овсов пошел потихоньку туда — и таким образом обогнал Троепольскую...

Да, не споткнулся тогда Алик, все могло бы повернуться иначе. Но он споткнулся. И, если принять версию Северина, раньше Ольги пришел к финишу — к дверям квартиры, где в бывшей комнате Ильи Яропова по прозвищу «Пиявка» разыгрывался первый акт драмы, в которой мы все теперь участвуем.

Овсов, заинтригованный дальше некуда, остановился в полуоткрытых дверях, надеясь подслушать, о чем говорят в квартире. И тут раздался выстрел.

То есть сначала Ольга показалось, что в одной из комнат грохнулось об пол нечто тяжелое, громоздкое и пошло гулять резонансом по пустому помещению. Алик в испуге замер. Потом (через сколько секунд, минут, не помнит, время показалось ему безумно долгим) распахнулась дверь комнаты, в коридор выпал рассеянный свет, и не успел Алик ахнуть — в этом рассеянном свете мелькнула серая фигура, которая бросилась почему-то не к выходу, а в противоположную сторону. Где-то в конце коридора, за поворотом, бухнуло, глухо и дробно простучали по ступенькам каблук, все стихло. И тут сквозь затхлый, пропитанный столетней пылью воздух в ноздри Овсову тоненько потянулся кислородный запах порохового дыма.

Вот тогда ему стало по-настоящему страшно. Но раскрытая дверь комнаты, исходящая из нее свет

нестерпимо манили выйти из темноты. С бешено коло-
тающимся сердцем он сделал первый шаг. Разум под-
сказывал ему: беги! Любопытство оказалось сильнее.

Овсов уверяет, что, когда увидел мертвую Ольгу, он
не испытал ни радости, ни злорадства — настолько
неожиданным, глупым, нереальным выглядело проис-
ходящее. Правда, осознал отстраненно, что все его
проблемы теперь сами собой разрешились, журнали-
стка больше ему не страшна. И все так же отстранен-
но он подумал о том, что только что почти на глазах
у него произошло убийство, что на выстрел вот-вот
могут прибежать люди, а значит, надо сматываться.
Но его взгляд уже не мог оторваться от сумки, валя-
ющейся рядом с трупом.

Кто убил Ольгу, за что — этими бесплодными вопро-
сами Алик, конечно, задавался. Но не тогда, а позже,
уже дома, в безопасности. Сейчас он просто не давал
имею занять свою голову. Сейчас его интересовало дру-
гое. Всю жизнь привыкший искать, а главное, не упус-
кать своего, он глядел на сумку и судорожно думал
о том, что в ней лежит самый крупный куш, о котором
ему когда-либо приходилось мечтать. И как всегда,
когда нужно было рассчитать сложную деловую ком-
бинацию, в обостренном сознании мгновенно зарои-
лись возможные ходы.

Брать одни ключи нельзя. Нужна вся сумка —
с паспортом, с адресом.

Через день-два можно будет подбросить ее где-
нибудь поблизости, пусть думают на местных ханг.

Теперь Лангуева. Самому или с ней? С ней безопас-
ней. Он ее уговорит. Должен уговорить! Книжечку только
по номиналу на четырнадцать штук — хватит обоим.
Да господи, что ж им, правда, что ли, музею доста-
ваться?!

Ход с вызовом милиции они придумали уже вместе
с ней. Навел на мысль его собственный маскарад.

Но сперва надо было еще выйти отсюда. Почему-то
Алик не мог заставить себя вернуться прежней доро-
гой. Пройти через весь двор. Мимо людей, мимо песоч-
ницы с детьми. Мимо свидетелей. Все тот же обо-
стренный сейчас ум подсказывал: убийца скрылся
через другую дверь, так, может, там выход безоб-
пасней?

Выскочив черным ходом на глухие задворки, он
вздыхнул облегченно. Спрятав сумку под куртку, обе-
жал вокруг квартала, нашел свою машину. И только
сев за руль, обнаружил, что весь трясется.

Через полчаса он был возле дома Тропольской.
Лангуева ломалась недолго, скоро принесла ему рези-
новые перчатки для мытья посуды. В поисках книг
переворошили всю комнату, еле нашли тайник: Ольга
неровно вбила один из гвоздиком, дно полки шата-
лось. Еще пятнадцать минут спустя он наблюдал
с другой стороны улицы, как подъехала милиция,
вылезли двое в форме. После их ухода прошло еще
минут пять, спустилась Лангуева. Все прошло тип-топ.
И они поехали к нему — договариваться, как делить
добычу...

После паузы Комаров легонько пристукнул каранда-
шом по столу, как бы подводя итог.

— И напоследок ты, наверное, нам расскажешь, что
Тропольская тоже поднялась наверх и увидела труп
Шу-шу, так?

Северин кивнул.

— И что из всего этого следует? — довольно невы-
разительным голосом поинтересовался Комаров.

— В каком смысле? — приподнял брови все еще
разгоряченный рисованием картин Стас.

— В прямом, — на этот раз достаточно вырази-
тельно отрезал Комаров. Его карандаш жестко опустился
на стол: — Как это помогает нам искать убийцу — раз!
Как это объясняет, зачем Тропольская вместе мили-
ции помчалась домой — два! Почему из больницы она
сбежала не в милицию, не домой, не в редакцию, а
к этой Шу-шу — три! Кто и зачем ее оттуда увез —
четыре!

Он помолчал, положил аккуратно карандаш в ста-
кан и закончил весело, как печать оттиснул:

— А если ответа на эти вопросы нет, грош цена
всем твоим байкам. Какие еще мнения?

И тут я увидел ключик, который тщетно искал
сегодня утром, увидел и поразился тому, что он дей-
ствительно все это время лежал на виду. Наверное,
такова механика всех, даже самых малых, озарений:
разрозненные детали вдруг, как в детском калейдо-
скопе, становятся осмысленным узором.

— Есть! — крикнул я и от волнения даже вскричал
с места. — Есть мнение, Константин Петрович!

Детально, зацепкой, логической связкой было то,
что машина сбита Ольгу в правом ряду проспекта
Вернадского по ходу из центра — водитель, по словам
гашишника, как раз собирался поворачивать направо
к университету. Причем, попытавшись ее объехать, он
ударил ее левым крылом, то есть бежала она слева,
с противоположной стороны. И значит, не к дому, а от
дома!

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился Ко-
маров, но в глазах у него я увидел искру понимания.

— Хочу сказать, — ответил я, вспоминая о солид-
ности и садясь обратно на стул, — что если Стас прав
и Ольга действительно спряталась за дверь на втором
этаже, она, конечно, слышала, как Овсов протопал
мимо нее наверх. И должна была предположить, что

этот человек шел за ней. А уж после того, как она
услышала выстрел, поднялась через какое-то время
и увидела труп Шу-шу, я бы точно на ее месте подумал,
что убить хотели вовсе не Шу-шу, а ее, Ольгу! Тем
более что она, если помните, этого в принципе ждала
и опасалась...

Я перевел дух.

— А тут еще сумка! Сумка-то пропала. И Ольга,
наверное, уже обнаружила, что они с Шу-шу ими поме-
нялись. В сумке паспорт, ключи. Если об этом подумал
Алик, почему ей того же не сообразить?.. Лично
я бы бросился спасать книги. Мы не знаем, сколько
времени она проторчала на втором этаже, пока реши-
лась подняться. И сколько добиралась до дома. Но
судя по тому, что машиной ее сбilo в восемь с мину-
тами, она попала туда, когда Овсов с Лангуевой уже
успели смыться. Ну, а дальше, кажется, все ясно:
раскардаш в комнате и пропавшие книги только под-
твердили ей, что убить хотели именно ее, а Шу-шу
пострадала по ошибке. Но это вовсе не значило, что,
когда ошибка выяснится; ее опять не попытаются
убить. Кто? Этого она толком не знала. Понятно,
почему она выскочила из дома, как ошпаренная...

— Но куда? — удивленно спросил Северин.

Я пожал плечами.

— Думаю, туда же, куда ее понесло из больницы —
к Шу-шу, от квартиры которой у нее были теперь
ключи. Она, наверное, рассуждала так: если те думают,
что убита Тропольская, не надо их разуверять.
Насколько я понял характер этого персонажа, с нее
вполне могло статься решить самой во всем разо-
браться, прежде чем обратиться к нам. А для этой
цели роль Шу-шу подходила ей идеально. Безумие,
конечно, но... — Я еще раз пожал плечами. — Мы уже
видели, что она способна на любые авантюры.

— Стоп! — с сосредоточенным видом сказал вдруг
до сих пор молчавший Балакин: — Все понимаю, кроме
одного: как она попала в свою квартиру, если ключи
остались в сумке?

Я замер, как громом пораженный. Что ж получается,
вся моя шикарная версия летит к чертам?

— Разрешите, Константин Петрович? — в полной
тишине спросил Северин, протягивая руку к телефо-
ну. Он набрал номер и, дождавшись, когда подойдет,
сказал солидно: — Здравствуйтесь, Мина Ефимовна, уз-
нали? Один вопрос... Нет, можно прямо по телефону.
У Тропольской были запасные ключи от квартиры
и комнаты? Ага! И где она их держала? — Он кивнул,
слушая, что отвечает Лангуева, которую в отличие от
Овсова не задержали, а оставили дома под подпис-
кой. — Все, спасибо.

Стас положил трубку на место и сообщил:

— В соседнем доме есть у нее знакомая семья
стариков, она им носит иногда продукты. Там запас-
ные ключи. — И, ткнув меня весело кулаком в бок,
добавил негромко: — Вот так-то, парниша!

Комаров глядел на меня, задумчиво поджав губы.

— Так ты считаешь... — начал он.

И тут я совершил не совсем тактичный поступок:
перебил начальника. Но не мог же я, в самом деле,
допустить, чтобы с меня облетели все мои лавры!
И сказал:

— Да, Константин Петрович, не исключено. Если
Тропольскую действительно увезли куда-то насиль-
но, то очень может быть, что в качестве Шу-шу.

22

На моем столе лежала записка:

«Мальчики! Я срочно уехал в командировку в Суху-
ми. Будьте паиньками, привезу вам черешни. Цветочек
поливайте! Обнимаю. Ком.»

— Везет некоторым, — не скрывая зависти, провор-
чал Северин.

Балакин молча выкладывал из портфеля один за
другим три пухлых тома уголовного дела Данилевского
и компании. Набывшись, с откровенной неприязнью
Стас смотрел, как растет эта кучка. Я рассмеялся,
потому что вдруг вспомнил, как однажды на юрфаке
перед экзаменом по литературе мы с ним пришли
в библиотеку, и он вот так же с неодобрительным
изумлением остановился перед полками с собрания-
ми сочинений Лаврикова: «Это что, все надо прочи-
тать?»

— Чего ты смеешься? — кисло спросил он те-
перь. — Между прочим, тебе через час надо предста-
вить Комарову план, как ты собираешься изловить
этого типа.

— План-то мы представим, — резонно заметил Ба-
лакин, открывая оглавление первого тома. — Беда
в том, что нам же его потом и выполнять...

В конце концов на совещании у Комарова были
определены три основных направления работы. Пер-
вое — Данилевский, предполагаемый убийца. Все еди-
нодушно сошлись на том, что он наверняка должен
был знать, у кого Шу-шу хочет украсть наркотики. Тем
более что задержать его, вооруженного и особо опа-
сного преступника, оставалось нашей первоочередной
задачей.

Второе — непосредственно сам «старик». К сожа-
лению, выходить на него через связи Шу-шу мы не
решились. И дело даже не в том, что это большая
и кропотливая работа, на которую катастрофически

не хватает времени. А в том, что вести ее пришлось бы
вслепую, не зная толком, о ком мы расспрашиваем.
И очень вероятно, что «старик» прознал бы, что мы им
интересуемся, раньше, чем мы выясним, кто он такой.

Поэтому Комаров решил, несмотря на выходной,
завтра с утра запречь в это дело ребят из аналитиче-
ского отдела. Они должны были просмотреть все свои
анналы и выбрать среди преступного мира и близких
к нему людей наиболее подходящие под наши данные
кандидатуры. Правда, сами эти данные были, прямо
скажем, хиловаты. Овсов видел «старика» издалека
и ничего, кроме седых волос, вальжной походки,
костюма «сафари» и белой «шестерки», дать не мог.
Еще мы знали только, что у него дома есть собака-
сторож и что он любит появляться в обществе
экстравагантных женщин (если это уже не фантазия
Шу-шу). Не густо. Но аналитики должны были помочь
нам как можно больше сузить круг подозреваемых.

Третье направление — сидящий у нас в изоляторе
Крол, он же Кролик, и гипотетически привязанный
к делу Гареев-Кобра. Комаров при нас вызвал Багда-
саряна и попросил выделить людей, которые немед-
ленно займутся ими. Попутно надо определить, кто из
наркоманов подходит под описание Тропольской: не-
высокого росточка, болезненно худой, с остренькими
чертами лица, похож на хорька.

Леван найти «хорька» пообещал быстро, насчет Кро-
ла в сомнении пожевал губами: дескать, вряд ли он
станет о чем-нибудь сейчас говорить. А по поводу
Кобры высказался смачно, хоть и не совсем понятно:
— Сам займусь. У меня с ним отношения...

И вот теперь мы сидим в нашем кабинете, листая
разнокалиберные страницы истории жизни Виктора
Данилевского по прозвищу Луна. Колокольня Высоко-
Петровского монастыря перед нашим окном начинает
теряться в сумерках. Значит, пора зажигать свет.
Цикута распространяет по комнате свой кладбищен-
ский запах. А мы читаем протоколы допросов, показан-
ия свидетелей, потерпевших, характеристики, справ-
ки, защитительные речи, обвинительные речи... И пы-
таемся в этом бумажном омуте, уже изрядно подер-
нушемся тиной прошедших лет, разглядеть невнят-
ные черты человека, в психологию которого мы долж-
ны проникнуть. Ну, если не в психологию, то хотя бы
в манеру поведения, в образ жизни, способ существо-
вания. Среду обитания.

Витя Данилевский вырос под знойным крымским
солнцем, но расцвел в прохладной тиши ялтинских
бильярдных. Его семью социологом с уверенностью от-
несли бы, наверное, к разряду «мидл класс»: мать —
учительница пения, отец — инженер в порту. Родите-
ли вели жизнь умеренную и размеренную, так что
возникновение у сына черты характера, определившей
всю его дальнейшую судьбу, следует, видимо, отнести
к генетическим случайностям. Чертой этой стал не-
обыкновенный, всепожирающий азарт.

Четырнадцать лет от роду Луна (из «дела» осталось
неясным, откуда взялась эта кличка) уже стал за-
вегдаем расцвел в бильярдной Клуба моряков. В пятна-
дцать он с успехом составлял конкуренцию даже про-
фессионалам, сшибая трешки и пятерки с самоуве-
ренных курортников, обманутых юным видом против-
ника. Но, парадоксальным образом, чем больше (теша
самолюбие) росла его известность среди играющих,
тем меньше становились доходы. Как говорится, кудри
примелькались, и все труднее стало находить
«сладких» клиентов, которых можно было бы зама-
нить простодушным видом, с ясными глазами предло-
жив «сыграть от скуки по маленькой».

Азарт азарту рознь. Вон Чиж и про Тропольскую
говорит, что она азартна: лезет в драку по поводу
и без. Но, насколько я понял, страсть Вити Даниле-
вского носила более узкоспециальный характер, так
сказать, направленного действия: без устали, всеми
возможными средствами он стремился добыть деньги.
Хотя справедливости ради надо сказать, что желание
обладать деньгами носило у Луны, если можно так
выразиться, довольно бескорыстный характер. Под
газетный образ дельца, пораженного манией везицизма
или как там у нас любят писать, юный Данилевский не
очень подходил. Деньги легко приходили и так же
легко уходили: проигрывались, прогуливались, прома-
ывались, не оставляя по себе в его жизни никакой
материальной памяти. Неохота мне тут морализиро-
вать, но, если я правильно понял, для Виктора Дани-
левского деньги стали образом жизни. Если подро-
нее, то он не добывал их, чтобы жить, а жил, чтобы их
добывать.

С семнадцати лет он уже разъезжал по всей стране.
Недаром в перерыве между партиями на бильярде он
учился у старших играть в «железку», в «секу», в «де-
берц» и прочие «боевые» игры. В картах, чтобы вы-
игрывать чаще, чем проигрывать, надо обладать хлад-
нокровием, точным, расчетливым умом, уметь скры-
вать свои чувства и разгадывать чувства партнеров.
Чтобы выигрывать всегда, ко всему этому нужны еще
ловкие руки с тонкими чувствительными пальцами.
Все это было у Луны, а чего не было, он с достойной
лучшего применения простотой и восприимчивостью
перенимал у других. Он знал, где собираются фарцов-
щики в Риге и где в Ленинграде, когда в «Жемчужину»
в Сочи или в Дагомыс придут на кратковременный
бурный отдых уставшие от многотрудных занятий «це-

ховики» из Грузии и валютчики из Москвы. Но и там его кудри становились все более привычной деталью интерьера, а деловые люди не любят слишком легко расставаться с деньгами только потому, что некий юноша избрал специализацией игру в «стос». Пожалуй, именно в это время Луна принял участие в первой своей афере.

Они тогда подсунили пожилому осторожному узбеку «куклу» с трехкопеечными монетами вместо царских червонцев. Луна, как молодой и пока неопытный, работал на подхвате, изображая простоватого бабушкиного внука, задешево продающего свалившееся на голову наследство. Потом были еще и еще эпизоды, в которых Луна, уже отнюдь не простоватый и все более опытный, играл теперь главные роли. Но, к сожалению, в «деле» имелись лишь косвенные намеки на эту весьма существенную часть биографии Данилевского — и вот почему. Луна никогда не выбирал объектом мошенничества честных людей. Или, если точнее, людей, которые, будучи обмануты, станут об этом заявлять во всеуслышание.

Можно сказать, тут и было его кредо. Он занимался «ломкой» чеков возле «Березок»: предлагал, скажем, кому-то из наших специалистов, приехавших из-за границы, купить у них чеки по баснословно высокой цене, а в конце концов, ловко подменив в последний момент пачки денег, рассчитывался один к одному. В комиссионном автомате наддувал тех, кто хотел продать, например, «Волгу» с большой переплатой сверху: обескураженный продавец получал в конце концов лишь то, что полагалось ему через кассу. Вместо долларов подсовывал резаную бумагу валютникам и так далее. Луна и сгорел-то, как он сам с досадой признавался на следствии, по чистому недоразумению: однажды, во время очередной «операции» возле «Березки», он обсчитался и недоплатил владельцу чеков пятьсот рублей даже из расчета их номинала...

Однако это ремесло, относительно спокойное с точки зрения возможных осложнений с законом, имело и оборотную сторону своей кажущейся безопасностью. «Клиенты», с которыми приходилось иметь дело Луне, хоть в милицию и не обращались, далеко не всегда безропотно носили материальные и моральные убытки. С циничной прямотой Луна объяснял этим наличие у него револьвера системы «наган», отобранного при задержании.

В «деле» имелись еще один очень любопытный материал — так называемый отказной. Неудачная попытка привлечь Виктора Данилевского за подстрекательство к совершению особо опасного преступления — разбойного нападения. Из этого материала следовало, что Луна не оставил своих прежних занятий, не утратил азарта к добыванию денег любыми путями. И вот однажды ему удалось «обкатать» в карты партнера, судя по всему, довольно мелкого жулика, не слишком удачливого фарцовщика, на крупную сумму: двадцать две тысячи. Паренек лез из кожи вон, стараясь отдать долг, но едва успевал расплатиться с огромными процентами, которые Луна немилосердно насчитывал каждый месяц, как это у них называется, «включив счетчик».

Мелкий спекулянтишка полез с обрезом грабить квартиру — следовательно, ведущий дело, резонно усмотрев в этом некоторую странность. И в конце концов на допросах выяснилось вот что. Однажды к будущему «разбойнику» приехал домой Луна с двумя приятелями. Посадили его в машину, отвезли за город, в лес. Там связали, бросили на землю, били ногами, издевались, окуная лицом в какое-то вонючее болотце. Сам Луна угрожал раскаленным на костре железным прутом. И поставил условие: или в течение месяца деньги, или... Раскаленный металл все же коснулся легонько щеки проигравшего, тот дернулся, вскрикнул от боли...

Читая протоколы допросов, можно было увидеть, как старался следователь доказать Данилевскому его вину. Но тщетно: тех двух приятелей найти не удалось, одних показаний потерпевшего не хватало, а Луна твердо стоял на том, что ничего такого не было.

Северин придвинул к себе листок бумаги, воздел над ним карандаш и выжидательно оглядел нас. Пришла пора подводить итоги. Вот что у нас получилось. «Азартен. Но при этом осторожен, расчетлив.

Дерзок. Жесток. В принципе, вероятно, способен на любое преступление. При задержании опасен.

Возможные места появления: бега, бильярдные, магазины «Березка», автокомиссионные, ночные «катраны» (притоны для карточных игр), притоны наркомапов.

Вывод: место обитания — большой город, предпочтительнее всего — Москва».

— Ну что ж, — бодро заметил Северин, рисуя под последней строчкой унылую рожицу, — все ясно. Надо в каждом из этих мест поставить по милиционеру — и Луна у нас в кармане.

Балакин озадаченно почесал в затылке. А у меня вдруг мелькнуло некое давнее воспоминание.

— Стас, — спросил я задумчиво, — помнишь, когда мы приехали на место, ты что-то говорил про вокзальный вариант?

— Говорил, — откликнулся он, с недоумением сдвигая брови. — И что с того?

— Зачем ему понадобилось относить «дипломат» с «куклой» Копцову? Если он живет в Москве, то на такси он через полчаса был бы в любой точке, и никто на его «дипломат» внимания не обратил бы. А где обратится бы? Где он мог опасаться, что его с этим портфелем заметят? Или даже задержат?

Как ни странно, первым понял меня не Стас, а Дима:

— Только в таком месте, где он постоянно находится под контролем! — воскликнул он.

Мы все трое переглянулись. Нам не надо было ничего объяснять друг другу. Освободившись из колонии, Данилевский до снятия судимости терял право проживать в крупных городах, в том числе в Москве и Московской области. Но для преступника его профиля именно Москва с ее почти девятью миллионами жителей да еще двумя миллионами приезжих была нужна, как воздух. И, следовательно, ему необходимо было осесть, зацепиться где-то рядом. Так, чтобы у милиции не было претензий, а столица со всеми своими прелестями находилась бы не больше чем часах в двух-трех езды.

— Казанское, Ярославское, Ленинградское направления, — быстро сказал Северин.

— Курское тоже, — вездливо добавил Балакин.

Великое дело — профилактика! Перефразируя известный тезис, главное не сама проверка, а неотвратимость проверки. С каждым освободившимся из мест лишения свободы должен постоянно заниматься участковый — по идее, конечно. Но уже сама эта идея срывается. Я ставил себя на место Луны. Вот вечером он сходит с московской электрички, и навстречу ему — участковый или кто-то из местных работников милиции... Я ставил себя на их место: что у Данилевского за чемоданчик, зачем он ездил в Москву? И снова на место Луны: «дипломат», как показала экспертиза, был оборудован двойным дном-перевытешем, то есть специально приспособлен для мошеннических операций. Без сомнения, он должен был быть ему нужен в будущем, так чего зря таскать его туда-сюда, чего «светиться»?

С хмурым видом выслушав наш доклад, Комаров кисло заметил:

— Многовато предположений. А если сама посылка неверна? И еще. Даже если вы в принципе угадали, почему берете только четыре вокзала? Потому что место преступления рядом? Но не забывайте, оно у же выбрано не случайно: тут тебе и дом заброшенный, и черный ход есть, и всякая сентиментальная лирика, на которую этот Луна мог ловить девчонку, чтоб заманить ее именно туда. А вообще-то, к вашему сведению, в Москве девять вокзалов...

— Константин Петрович, — с обидой за идею начал Северин, — эти все-таки наиболее вероятны. Давайте пока начнем с них.

— Пока... — хмыкнул Комаров и глянул на часы. — Десятый час. Пока марш по домам, вторую ночь подряд бдеть не будем. Если вы со своей идеей попали в точку, завтра вам работы хватит.

И лично я высоко оценил, что он лишний раз не ткнул нам, что из трех отведенных дней один уже прошел, опять не принес ничего, кроме радужных планов.

23

Субботним утром Балакин по холодку первой электрички отправился в Ярославское вокзала. В это время три его оперуполномоченных поехали соответственно в Ленинградском, Казанском и Курском направлениях. Конечно, можно было бы красиво, как в кино, отстучать на телетайпе запросы во все концы. Но только в кино ответы на эти вопросы приходят мгновенно. А в жизни все немного иначе: канцелярия она и есть канцелярия...

Северин, как старший, сам себя отправил в «свободный поиск»: решил, чтоб не терять даром времени, прокатиться до Южного порта, в автомобильную комиссионку: понаблюдать там, что к чему, а оттуда сделать кружок по «Березкам». С утра по распоряжению Комарова ему в машине установили радию, так что теперь с ним можно было связаться в любое время. Мне выпало, по выражению Стаса, сидеть в лавке, возле телефонов, и я сидел, терзаясь ожиданием.

Заходили ребята из аналитического отдела, уточняли наши скудные данные, хлопали ободрающие по плечу, обещали дать «что-нибудь» часам к двенадцати.

Прибегал от Багдасаряна молодой озабоченный опер, принес фотографию маленького чернявого, похожее на хорька человечка, рядом положил бумажку с данными: Мирзухин Сергей Анатольевич, 1960 г. р. Сказал:

— Дома его нет, не ночевал двое суток. Сейчас ищем. — И добавил туманно: — По своим каналам.

Иногда в трубке появлялся вяловатый голос Северина: «свободный поиск» результатов не давал.

В одиннадцать появился сам Багдасарян. Уселся на край стола, изящно изогнув бровь, с видом знатока понохал цыкату. Потом достал из пиджака конверт и вытрусил передо мной несколько голубоватых бумажных прямоугольников — обычные билеты на пригородную электричку. Я вопросительно поднял на него глаза.

— Мама у него такая хорошая, — вздохнул тяжело Леван. — Плачет все время. Говорит: посадили бы вы опять его, дурака! Как же, говорит, я такое народила!

— О ком ты? — не понял я.

— Кобру тебе ищу, — пояснил он и убежденно добавил: — Только его сажать нечего, его уничтожить надо.

— Это что? — спросил я, показывая на билеты.

— Мама его дала, — ответил Леван. — Кобра не чаще чем раз в месяц появляется, только заедет переодеться и снова пропадет. А куда — неизвестно. Так мама, святая женщина, сама мне все его карманы перетрясла. И вот что нашла.

Леван взял один билет за краешек, пополоסקал в воздухе.

— Казанская железная дорога. Четвертая зона. Скорей всего, станция Малаховка.

— Малаховка — она большая, — протянул я разочарованно.

Багдасарян пожал плечами: дескать, чем богаты, тем и рады. И неожиданно предложил:

— Собираюсь Кролика навестить. Пошли со мной? Я выразительно показал на телефон. Леван махнул рукой:

— Ты думаешь, если что случится, не догадаются дежурному позвонить? А он нас найдет.

Чтобы попасть в изолятор временного содержания, надо пересечь двор управления, в это время суток залитый ярким солнцем. В предбаннике изолятора сумрачно. Натужно жужжит электромоторчик, шелкает язычок замка, бесшумно открывает пасть тяжелая стальная дверь...

Я думал, что мы сразу пойдем в один из следственных кабинетов, куда дежурный надзиратель приведет Крола. Но Багдасарян свернул в другую сторону, помянув меня за собой.

— Хочу тебе сначала показать, с каким контингентом работаем, — сказал он загадочно.

Подойдя к нужной нам камере, Леван откинул крышку глазка, заглянул внутрь. Потом он отодвинулся, освобождая мне место.

Худой, если не сказать — исхудалый, человек с длинными спутанными волосами сидел прямо на полу, сложив ноги по-турецки, и тихонько заунывно выл. Даже скорее не выл, а тоненько скулил позвериному, раскачиваясь из стороны в сторону. Крол сидел боком к двери, и лица его не было мне видно, но я заметил, что он держит руками около рта какую-то тряпку, которую то ли сосет, то ли грызет зубами. Вдруг вой усилился, человек согнулся пополам, как от острой боли в животе, и повалился мешком на бок.

— Что это у него? — спросил я, в испуге отпрянув от глазка.

— Майка, — коротко ответил Леван. — Или носок. Его «кумарит» сейчас, «кайф» из него выходит, ему хоть что-нибудь нужно, хоть видимость. А в матерю пот впитался, там следы наркотика есть...

Я почувствовал, как к горлу подступает дурнота.

— Вот так-то, — вздохнул Багдасарян. — Пошли, сейчас его к нам приведут. Попробуем развалить...

Крол опустился перед нами на табуретку, зажав между колен тонкие ладони, глянул исподлобья. Теперь я рассмотрел его лицо: нездорового цвета, морщинистое, изможденное. Он выглядел не на двадцать семь, а на все пятьдесят. И только глубоко в сухих запавших глазах тлел нехороший огонек.

С полминуты Багдасарян неодобрительно разглядывал его, а потом без всякой подготовки решительно перешел к делу:

— Вот что, дорогой, нет у нас времени с тобой валандаться. Есть информация, что этот сухой морфий ты брал у Салиной по кличке Шу-шу. Мы сейчас не спрашиваем, куда ты девал его дальше. Мы спрашиваем, от кого она его получала.

— А вы у нее спросите, — глухо, не поднимая головы, ответил Крол.

— Не могу, дорогой, — развел руками Леван. — Убили Шу-шу.

Крол вскинул голову, в расширенных глазах мелькнул страх. Но уже через секунду тонкие синие губы изломались в усмешке, открыв для обозрения щербатый желтозубый рот.

— Вот, начальник, — прохрипел он назидательно, — а я жить хочу!

Но Багдасарян не сдавался.

— Жалко мне тебя, Леня, — вздохнув, продолжал он. — Ты же знаешь нас: все равно мы его поймем. Ему лет шестьдесят, седой, вальяжный, ездит на белой «шестерке», так, а?

Крол молчал, зябко сторбившись, отвернувшись к зарешеченному окну.

— А когда поймем, тогда уж не обессудь, — рассуждал вслух Леван. — Раскрутим всю вашу систему, и получишь ты не трешник, а побольше. Ну что мне тебе, как маленькому, про чистосердечное рассказывать?

— Валяйте, раскручивайте, — тусклым голосом, не поворачивая головы, ответил Крол. — Только без меня.

И тут я отчетливо осознал, что мы только зря теряем время. Что нет у нас серьезных аргументов, чтобы заставить его говорить. Ничего-то мы не в состоянии предложить ему из того, что так ценится

в его мире: ни «кайфа», ни свободы, ни жизни, которую некто может с легкостью у него отнять...

— Неужто он такой страшный? — без надежды на ответ задал я вполне риторический вопрос. Но Крол неожиданно повернулся в мою сторону, одну щеку у него свело судорогой, и он процедил зло и тоскливо:

— Тебя бы, сука, на мое место...

Потом Леван что-то еще говорил ему, убеждал в чем-то, но я больше не слушал. Я представлял себе, как кружит сейчас в бесплодных поисках по городу Северин, как безнадежно роятся в своих бумагах аналитики, как устало сходит с электрички на очередной станции Балакин, и меня охватывала тоска. Я физически ощущал бессмысленно текущее между пальцев время. К окружающей действительности я вернулся оттого, что в дверях стоял надзиратель и обращался ко мне:

— Вас к телефону.

В трубке дрожал тоненький, как волосок угасающей лампочки, голос Балакина.

— Я... Александров! Он здесь! ...ботает ...товителем... потребсоюзе! ... писан ...щегитии! На месте нет! Жду ...айуправлении!

24

Рыжий детина, всклокоченный со сна, с опухшей мордой, сидел на смятой кровати, стеснительно поджимая крупные босые ноги. Через распахнутую ковбойку на груди виднелась татуировка: картонные масти — крести, вины, бубны и черви. Если память мне не изменяла, расшифровывалась она должна была так, по первым буквам: «Когда выйду, буду человеком». Однако грязный стол в пустых бутылках и неприбранных обедках да и сам разговор, который происходил в комнате, заставляли усомниться, что ее владелец в полной мере осуществил задуманное. Соло вел участковый, серый лицом, как бы навсегда усталый, пожилой старший лейтенант.

— Ты пойми, Козлов,— говорил он с привычной угрозой в голосе,— товарищи с МУРа приехали, а с МУРа просто так не ездят...

— Да не знаю я, где он,— плаксиво отговаривался детина, переводя тревожный взгляд на нас троих, часто-часто моргая красными, набрякшими веками.— Неделю его не видал!

— Смотри, Козлов,— тянул свое участковый,— плохо будет...

Я подумал, что если кому и будет плохо, так участковому — за то, как он работает с поднадзорным контингентом. Когда мы шли сюда, в общежитие, где прописан Луна, он удивлялся:

— Надо же, Данилевский! Тихий малый, работает в кооперации, мотается целыми днями где-то по области, я про него и не помню. То ли дело сосед его по комнате — Козлов, этот дает жару. Я уж на него административный материал начал собирать...

Первому этот содержательный диалог надоел Северину. Он отвалился от стенки, подошел к столу. Взял бутылку, понюхал, вылил остатки на ладонь, растер пальцем и повернулся к участковому:

— А ведь это не водка. Самогонкой пахнет.

Козлов тяжело засопел.

— Пора кончать эту бодягу,— решительно заявил Стас и обратился к маленькому, плотному, видать, из бывших армейских старшин, коменданту, который с видом Пилата, раз и навсегда умывшего и насухо вытершего руки, стоял возле притолоки: — Зовите понятых, все равно нам тут обьекс делать надо.

Все засуетились, задвигались, и тут запоздало спохватившийся Козлов, сообразив наконец, что чем скорее «товарищи с МУРа» отсюда уберутся, тем легче ему будет жить, пробурчал, глядя в пол:

— Да у бабы он, господи, тоже мне секрет...

— У какой бабы? — поинтересовался Северин.

— Известно у какой. У Наташки Старостиной из овощного, вон, через два дома отсюда...

Через двадцать минут мы знали, что Старостина Наталья Кирилловна, заместитель директора овощного магазина, сегодня выходная. Еще через четверть часа вся наша бригада расположилась в машинах на некотором отдалении в виду нужного нам подъезда. Квартира находилась на пятом этаже старого семиэтажного кирпичного дома. По случаю жары все окна и балконная дверь были распахнуты настезь, но зашторены. Сквознячок колебал легонько занавески. Если наш расчет верен, там, за этими занавесками, может сейчас находиться вооруженный преступник. Профессиональный игрок. Крупный мошенник. Наркоман. Убийца. Которого мы должны задержать в самые ближайшие часы, ибо ждать у нас просто времени нет.

Вокруг млеет субботний вечер, витало в сгущающемся воздухе музыкальное попури, разодетые парочки тянулись по улице в сторону центра, пенсионер прогуливал собачку, мальчишки кричали, бухал об асфальт мяч. А мы тихо совещались, сидя в «Волге».

— Хорошо бы все-таки без стрельбы обойтись,— озабоченно говорил зам. начальника райуправления, маленький, быстрый в движениях майор с забавной фамилией Туточкин. Он то и дело нервно оттягивал большим пальцем врезавшийся в шею потный воротник.— У вас, ребята, в таких делах больше опыта, давайте предлагайте.

Северина не пришлось долго уговаривать взять на себя командование.

— Митя, оставайся внизу, следи за окнами и за подъездом. А мы прогуляемся, посмотрим глазами.

Нашу машину и машину с местными оперативниками перегнали за угол. Балакин и еще один сотрудник уселись в теньке на лавочках в разных концах двора, а мы с Туточкиным, вслед за Стасом по одному флагируя, добрались до подъезда и там возле лифта встретились. Но Северин предложил:

— Пойдем пешочком. Меньше шуму и заодно изучим обстановку.

На четвертом этаже он остановился возле квартиры № 52, расположенной так же, как нужная нам 56-я, вытащил из кармана бумажку, которую незадолго перед этим получил у участкового, глянул в нее, словно сверяясь, туда ли мы пришли, и коротко ткнул в звонок.

— Кто? — незамедлительно, будто нас ждали, спросили с той стороны двери.

— Свои,— коротко и солидно ответил Северин.

Дверь приоткрылась на цепочке, в щель выглянуло узкое бледное лицо, мелькнули черные усики и выпуклые, как у лягушки, бесцветные глаза.

— Своих чей-то не вижу,— произнесло подозрительно лицо, отодвигаясь вглубь.

Северин сунул в щель удостоверение:

— Откройте, пожалуйста, Аким Петрович, милиция. Звякнула цепочка, дверь распахнулась, и мы увидели малоформатную личность, по пояс голую, всю поросшую мелкой черной шерстью, в закатанных до колен тренировочных штанах.

— Милиция? — с нескрываемым удивлением протянул хозяин, и тут его лягушачьи глазки разглядели Туточкина.— А,— воскликнул он,— товарищ начальник! Ну, проходите, проходите!

Мы зашли в маленькую переднюю.

— Значит, решили наконец уважить Козырева,— тараторил Аким Петрович, в голосе его играло торжество.— Признали, стало быть, мою правоту, оценили, слава те, господи! Заходите, заходите! — делал он приглашающие движения, но первым умудрился прошмыгнуть в комнату, и когда мы вошли следом, уже встретил нас с толстой канцелярской палкой в руках, которую судорожно на весу, роняя отдельные листки, перебирал, приговаривая:

— Все у меня тут, все. Все копии, что я вам писал. А вы... — в голосе его задрожала обида.— Сколькую я вам сигнализировал! Ноль внимания, фунт презрения! А Трифонов так и ходит по вечерам с работы с полным портфелем,— он делал ударение на первом слоге.— А что в этом портфеле, знаете? Нет? А я знаю! У Семенихиной второй месяц тетка какая-то без прописки живет — она говорит, родственница. А вы проверьте! И заодно проверьте, откуда у Колчикова машина — при духах-то двадцати рупчиках, да минус алименты, да плюс теща от второго брака! А еще проверьте...

— Стоп! — сказал Стас, оглядываясь на Туточкина. Тот стоял с несчастным видом, закатив глаза.— Давайте по порядку.

Он взял у Козырева из рук палку, взвесил ее оцениваяще на ладони и поинтересовался деловито:

— Что тут у вас есть на Старостину?

— На Наталью Кирилловну? — удивился хозяин.— Ничего нету. Вот разве текет она на меня, так то ж по рассеянности! — Он махнул рукой.— И за всегда потом возмещает. Я, бывает, побелить еще в ванной не успею, а она опять протекет. Но,— Козырев поднял палец, обращая наше внимание, и закончил торжествующе: — Все равно возмещает!

— Значит, хорошая женщина? — уточнил Северин.

— Хорошая,— подтвердил Аким Петрович.— Правда, больше троляка в долг не дает, зато и взад денег не просит.— Он захихикал.

— А вот мужчина к ней ходит... — начал Стас.

— Виктор Пальч? — подхватил Козырев.— В Москве на хорошей работе работает, большой души человек. Иной раз встретит, так сам скажет: на тебе, Петрович, синенькую, поправь свое драгоценное. Не, на них зря говорить не буду!

— А зря и не надо,— покладисто согласился Северин.— Вы нам только одно скажите: часто вам приходилось у Старостиной в квартире бывать?

— Приходилось,— с готовностью откликнулся Козырев.— Как она на меня протекет, так я зараз к ней бегу краны переключать.

Через полчаса на площадке между четвертым и пятым этажом собралась вся наша группа. Первым в квартиру должен был зайти специально привезенный нами из Москвы сотрудник в бронежилете, шлеме и с пуленепробиваемым щитом. За ним мы, каждый со своей задачей: по два человека в комнаты, в кухню, в ванную с туалетом. В квартире Козырева, а также в 60-й квартире на шестом этаже ждали сотрудники в форме, которые должны были в момент начала операции выйти на балконы, чтобы он не вздумал баловаться. На всякий случай лифт застопорили на третьем этаже. Сверху и снизу подходы к 56-й переключали наши люди, чтобы не допустить не вовремя вышедших соседей.

Северин взглянул на часы. Снизу привели перепуганного насмерть Акима Петровича. Увидев человека

в шлеме и со щитом, он задрожал, как осиновый лист. Стас подвел его к двери и нажал на кнопку звонка.

— Кто там? — спросил через несколько томительных мгновений женский голос, и Северин крепко сжал плечо Козырева.

— Это я, Кирилловна! — заблеял он.— Опять ты на меня текешь!

Замок щелкнул. Козырева сдернули вниз по лестнице. Я рванул на себя ручку двери, и на площадку вылетела маленькая плотная женщина в коротком халатике, с ходу попав в объятия Северина.

— Тсс! — прошипел он грозно, зажимая ей рот ладонью и вместе с ней, как бы в танце, проникая в квартиру.— Где он?

В глазах женщины метался страх. Она еле заметно кивнула в сторону дальней комнаты. Я на цыпочках сделал два шага вперед и распахнул стеклянную с занавесками дверь, открывая проход оборонному щитом сотруднику. Тот вошел и остановился на пороге. Мы заглядывали ему через плечо. Виктор Данилевский лежал попереки смятой кровати, разметав во сне одеяло, и тихо посапывал.

Чувствуя, как постепенно отпускает напряжение, я осторожно подошел к кровати, сунул руку под подушку и быстрым движением пошарил там, но ничего не обнаружил. Тогда я просто взял спящего за плечо и потряс. Луна открыл глаза, мы встретились с ним взглядами. Наверное, полминуты он смотрел на нас, не говоря ни слова. Потом медленно сел на постели, свесил ноги и произнес хриплым со сна голосом:

— Вот твари, менты поганые! Такой сон испортили...

25

Всю долгую дорогу от Москвы до Александрова мы с Севериным так и эдак прикидывали, как нам переиграть Луну. Разумеется, при условии, что мы его все-таки задержим. Но вот в том, что, когда это произойдет, нам придется именно сыграть с ним, мы не сомневались. Ставок в этой игре будет несколько, но одна из главных — время, вернее, темп. Ибо ситуация сложилась, прямо скажем, нестандартная: в процессе наших занятий выяснилось, что убийца, оказывается, не конечный объект розыска, а промежуточное звено, свидетель, от которого можно получить очень важные для нас сведения. Причем, по понятным причинам, получить их надо максимально быстро. Желательно — тут же, на месте.

А исходили мы вот из чего. Из того, что Троепольская, видимо, права: Шу-шу, конечно, не могла придумать эту аферу одна, не укладывается это в ее, так сказать, образ. Но нам теперь — к счастью или к сожалению — известно больше, чем Ольге, когда она суботним вечером торопясь дописывала, последние страницы своего «дневника». И ясно, что Шу-шу «работала в паре» не с похожим на хорька наркоманом, не с Кроликом, у которого тараканы в голове, а именно с кем-то третьим. Вот с этим «третьим» на свидание мы и ехали по запруженному автомобильными отдыхающих граждан Ярославскому шоссе. В том, что Луне известно, кто такой седой на белой «шестерке», сомнений быть не могло. Три с половиной часа в машине мы вполне бесплодно муссировали вопрос: как заставить его нам об этом рассказать.

Оставалось прикидывать варианты, что мы и делали, к концу пути основательно заморочив себе голову.

Строить планы было особенно трудно потому, что мы еще не знали, при каких обстоятельствах возьмем Луну. В какой, так сказать, кондиции. Окажет ли сопротивление или все пройдет тихо-мирно? Обнаружатся при нем улики: пистолет, наркотики — или нет? Каждый вариант породил новые варианты. Удастся ли с ходу развалить его на корыстное убийство и организацию кражи морфия? Маловероятно. Скорее всего Данилевский как человек опытный, к тому же с профессионально крепкими нервами, начнет валять ваньку. И тут снова не угадаешь, потому что «валять ваньку» опять же можно по-разному. Например, откровенное «я — не я, кобыла не моя» с целью выиграть время на раздумья — то самое время, которое хотим выиграть мы. И до покаянного разрывания на груди рубахи: убил, но без корысти, без предварительного умысла, на почве ревности. А в промежутке еще добрый пяток версий.

Перед самым Александровом мы устали гадать и закончили тем, с чего надо было бы начать: решили действовать по обстановке, помня при этом главное: Луна — игрок, причем не только по профессии, но и по натуре. А у каждого игрока есть по крайней мере одна сильная и одна слабая сторона. Первая — он реалист, умеет трезво оценивать козыри противника, подсчитывать шансы и психологически всегда готов к тому, что можно проиграть. Вторая — вопреки реальности, вопреки любой трезвой оценке игрок обязательно должен хотя бы в самой глубине души хранить надежду, что ему вдруг повезет. Он не может до последнего момента не лелеять мечту отыграться. Что бы ради этого ни пришлось поставить на кон. Вот с таким, если позволите, инструментарием мы и готовились приступить к работе, стоя вокруг смятой постели и наблюдая, как позевывает, подергивает зябко плечами, почесывается со сна наш грозный противник.

Луна вдруг сладко потянулся и сделал попытку встать, но Северин его придержал за плечи.

— Вы чего, гражданин начальники, совсем оборзели? — по-детски обиженно надув губы, глянул Данилевский на нас снизу вверх. — Что мне, так и сидеть тут перед вами голым? Дайте хоть одеться!

Лицо у него было словно выпилненное лобзиком — жесткое, с правильными чертами. Простодушная обида не шла ему, не вязалась она с холодными серыми глазами, глядящими исподлобья, с желваками, напрыгившими на острых скулах, с тревожной голубой жилкой, внезапно возникшей на левом виске под бледной кожей.

— Оденешься, — жестко отвечал ему Северин, поискала глазами по комнате, увидел на кресле рубашку с брюками, тщательно осматривая карманы, вытащил из брюк ремень и бросил одежду Данилевскому.

Но Луна скептически осматривая все это и отложил в сторону.

— Не пойдет. Вы ж меня, господа хороши, отсюда, я чай, не в театр повезете, а прямо на кичу. Так что надо мне прикинуться поосновательней.

Тут он снова как ни в чем не бывало попытался встать по направлению к шкафу, но опять Северин остановил его легким толчком в грудь. Совершенно неожиданно Луна от этого толчка не просто сел на место, а повалился навзничь.

— Ну, вы дадите! — приговаривал он, лежа на спине и обалдело крутя головой. — Десятеро одетых на одного голого! Вы бы еще взвод автоматчиков привели! — Он сел, сердито глядя на нас. — За кого вы меня держите, а? За убийцу детей Ионесяна, что ли?

Вот в этот момент я и понял вдруг, что Луна уже, оказывается, начал свою партию. Что все эти сладкие потягивания, надутые губы, это деланное возмущение и недоумение не может быть просто. Не тот он парень, чтобы ломать комедию, тратить силы на пустом месте, без всякого расчета. Но в чем этот расчет?

Я глянул на Стаса — он выглядел озбоченно. Похоже, как и я, что-то почувствовал. Оглядевшись по сторонам, он взял от стола стул, перенес его в дальней пустой угол комнаты, потом подхватил Данилевского под руку выше локтя и пересадил туда. Грамотная работа, мысленно похвалил я Северина. Когда не знаешь, что делать, делай по правилам! В любом случае Луна должен быть сейчас изолирован от любой возможности оказать сопротивление, уничтожить улику, сделать попытку убежать.

Но, оказавшись в углу, Данилевский только уселся поудобней, закинув руку за спинку стула, всем своим видом выказывая ироническое отношение к нашим предосторожностям.

— Цирк, да и только! — криво ухмыльнулся он, оглядывая столпившихся в дверях хмурых оперативников, задерживая взгляд на любопытствующих лицах понятых. — Вы скажите прямо, чего нужно, я сам отдам. «Джеф», что ли? Так вон он, в шкафу, на полке за шапками. Берите, только не забудьте оформить: выдал добровольно!

Стас кивнул мне, я подошел к шкафу, открыл дверцу и запустил руку на верхнюю полку. Через секунду я извлек оттуда для всеобщего обозрения тугой кулек из белого непрозрачного целлофана, перетянутого скотчем. Взвесив его на руке, я прикинул: около килограмма.

— Девятсот тридцать граммчиков — все тут, до единого! — весело заявил из своего угла Данилевский и махнул беспечно рукой: — Эх, жизнь! Опять мне не быть богатым! Только размечтался... Так вы мне дадите одеться или нет?

— Дадим, дадим, — успокоил я его, бережно передавая кулек Северину. В распластном шкафу висели на плечиках два костюма, модная матерчатая куртка с крыльями и джинсы. Я снял с вешалки один из костюмов. — Годится?

Он отрицательно мотнул головой:

— Нет. Лучше джинсы. И не те, что висят, а другие. Там, в шкафу, сумка внизу стоит, дай ее сюда, а то сам не разберешься.

Луна даже руку нетерпеливо протянул, но я, обращая внимания на это предложение, вытащил на пол спортивную сумку, расстегнул на ней «молнию». В ней действительно лежали на дне еще одни джинсы, а больше ничего. На всякий случай я осматривая бока, но безрезультатно. И тут Данилевского прорвало:

— Да вы что? — захлебываясь возмущением, заржал он. — Правда думаете, что это я Шуру пришил? Очень надо мне было руки марать! Тем более так и так половина тут моя была. — Он дернул головой в сторону стола, где лежал морфий. — Что я, фриajer жадный — за вторую половину подрасстрельную статью себе шить?!

Мы со Стасом смотрели друг на друга. Среди множества вариантов, прокрученных нами по дороге сюда, такого не было. Такого мы и представить себе не могли: Луна сдает морфий, но уверяет, что Шу-шу не убивал!

— Ну-ка, ну-ка, — тихо и очень серьезно спросил его Северин, наклоняясь к нему. — И как же тогда «джеф» к тебе попал?

— Все равно не поверите, — обреченно ссутулился Данилевский, понуро отворачиваясь к окну. — Вам галочка нужна: убийцу поймали. А я не убивал, ясно?

Пришел к ней на свиданку, как договорились, а она того... уже труп... И рядом это лежит...

Отвернувшись на секунду в мою сторону, Северин показал мне глазами: дескать, черт знает что! Я был с ним полностью согласен. Хорошо, если это всего лишь линия защиты, выбранная Луной: предположим, ему удалось спрятать или уничтожить пистолет, из которого убита Шу-шу, и теперь он хочет использовать таким образом презумпцию невиновности. Я не убивал, а если можете доказать обратное — докажите! Ну, это еще было бы полбеды, тут бы мы еще поборолось, нам не привыкать. А если он не врет? То, что он рассказывает, выглядит настолько фантастическим, что вполне может оказаться правдой. Я представил себе лицо Комарова, когда мы ему об этом докладываем, и мне стало нехорошо.

— Так что можете тут искать до утра, — понуро продолжал Данилевский, — больше ничего у меня нет. — И закончил почти жалобно: — Дайте одеться наконец. Холодно!

В конце концов он выбрал джинсы, рубашку с длинными рукавами, заставил меня два раза сходить в прихожую, менять ему ботинки на кроссовки, долго выбирал носки. Куртку с крыльями Луна не надел, но держал теперь в руках. «В камерах-то не жарко», — хмуро пояснил он.

Северин сказал Балакину:

— Митя, проводи обыск вместе с ребятами до конца. И потщательней. — Он скосил глаз на Данилевского. — А мы в райуправление.

Я одобрително кивнул. На таком уровне нам со Стасом не надо ничего объяснять друг другу. Здесь, в квартире, при таком количестве народа обстановка для откровений не самая подходящая. А в райуправлении Данилевский сейчас напишет нам собственноручно чистосердечные показания — пусть пока по своей версии. Он не скрывает, что имеет отношение к краже морфия? Очень хорошо! Через час мы будем знать имя того, у кого морфий украден.

— Пошли, — сказал Северин, а Данилевский ответил, поднимаясь со стула:

— Прощай, свобода, здравствуй, кича! Давно не виделась...

И мы двинулись к выходу из комнаты: я впереди, Луна за мной, замыкал Северин. Поэтому, наверное, большая часть того, что произошло в тесной полуместной прихожей, где толклись возле стеклянных дверей понятия и курили два сыщика из отделения, ускользнула от моего внимания. Я уже взялся за ручку входной двери, когда услышал за спиной деловитый возглас Луны: «А вот эта курточка потеплей будет!» И обернулся как раз в тот момент, когда Северин, оттолкнув плечом Данилевского прямо в мои объятия, выхватил что-то у него из рук. А уже через секунду из комнаты донесся его звенящий напряжением голос:

— Товарищи понятия, попросу сюда! И задержанного приведите!

Когда мы вошли, Стас стоял в дальнем углу, там, где раньше сидел Луна, и держал в руках за плечи черную кожаную куртку, демонстрируя ее всем присутствующим.

— Попрошу занести в протокол, — говорил он зло и торжествующе. — Только что задержанный в вашем присутствии пытался завладеть этой курткой, висевшей на вешалке в прихожей. А теперь... — Северин, обернув руку платком, опустил ее в карман куртки, — мы с вами посмотрим, зачем ему это было нужно.

Не знаю, как понятия, а я лично уже знал, что сейчас увижу. На ладони у Северина лежал пистолет системы «вальтер». В полной тишине, наступившей вслед за этим зрелищем, раздались странные животные звуки. Данилевский рычал и скрипел зубами.

Вот, значит, в какую игру он играл с самого начала! Вот зачем требовал менять ему без конца одежду, зачем отдал нам быстрее морфий, зачем пытался убедить нас, что не убивал Шу-шу! И ведь как все точно психологически ему удалось рассчитать! Пусть даже мы не поверили, что он не убийца. Но зато практически свыклились с мыслью, что раз Данилевский выдвигает такую версию, стало быть, пистолет он или надежно спрятал, или уничтожил. И пусть бессознательно, но расслабились.

А он пистолет не уничтожил и не спрятал. И сразу, с первых секунд понял: оружие все равно найдут при обыске, а тогда ему конец. Как он сам выразился, подрасстрельная статья. И Луна решил пойти ва-банк. Пистолет представлялся ему, вероятно, его последним шансом. И беспрестанной сменой одежды, смысла которой мы не понимали, он хотел добиться, чтобы в решающий момент все восприняли замену одной куртки на другую как очередной каприз. Он, может быть, и мечтал-то выиграть всего секунду-полторы...

Пока писался протокол изъятия, пока пораженные происходящим понятия скрепляли его подписями, Стас в возбуждении гоголем прохаживался по комнате. Данилевский все это время сидел на своем стуле, опустив голову и зажав между колен крепко сцепленные руки. Наконец Северин схватил еще один стул, подтащил его поближе, уселся рядом с Луной и, пытаясь заглянуть ему в лицо, сказал:

— А ведь я теперь могу тебе сказать, как было дело. Это чтоб тебе легче чистосердечное писать,

хорошо? Вы с Салиной морфий пополам и не собирались делить. Ей его у себя держать нельзя было и продавать тоже некому: враз бы, кому надо, об этом пронохал. Ты же долгу ей деньгами обещаешь отдать, вот что. Но денег ты ей давать не собирався, а, скорей всего, у тебя их и не было. И ты сделал «куклу». Ты же ведь и маму родную при случае надул бы, не то что бывшую девку! Но она за эти семь лет тоже маленько образовалась, да и тебя знала неплохо. Короче, «куклу» твою она раскусила. Так что убивал ты ее не за полевину. Убивал ты ее за весь куш.

И, не дожидаясь ответа, Северин встал.

— Пошли потихоньку. Только без глупостей.

Не поднимая головы, послушный, как кукла, Данилевский поднялся и побрел за нами. Он казался чрезвычайно подавленным, и я даже испугался: не переусердствовал ли Стас? Как бы Луна не замкнулся в отчаянии именно сейчас, когда нам так необходимы его показания.

На лестничную площадку мы вышли впятером: кроме нас двоих и Данилевского, еще два местных опера. Казалось, любые случайности исключены. Но я не раз замечал, что жизнь тычет нас носом в дерьмо чаще всего именно тогда, когда мы самодовольно думаем, что предусмотрели все, чтобы не измазаться.

Лифт мы не вызывали — он сам подъехал и остановился на нашем пятом этаже. Открылась тяжелая решетчатая дверь, затем деревянные створки, и мы увидели внутри женщину с коляской. Потом, во время многочисленных неприятных, тяжелых, муторных разборов с многословными докладными, с рисованием схем, стало ясно, как все произошло. Два местных оперуполномоченных на несколько мгновений оказались как бы отрезаны от нас открывшейся стальной дверью. Один из них стоял ближе, держа ее за край, другой вообще оказался где-то в глубине.

В это время мы со Стасом стояли позади Данилевского слева от лифта и никаких движений не предпринимали, если не считать того, что Северин, находившийся ближе, протянул руку и помог перекачать коляску передними колесами через порог. Оказавшись со своей коляской на площадке, женщина, уверев ее на задние колеса, принялась разворачиваться — впоследствии выяснилось, что ее квартира находилась как раз рядом с той, из которой мы вышли. Таким образом, теперь уже мы трое мешали ей проехать, и потому нам пришлось отойти в сторону, выстроившись в ряд вдоль стены: первым, если смотреть от лифта, оказался Данилевский, вторым — Северин, третьим — я.

И вот наступил такой момент, когда она со своей коляской уже прошла мимо Данилевского, но еще не миновала нас со Стасом. Те два сыщика все стояли по ту сторону двери лифта, намереваясь пропустить нас первыми. А Луна, вдруг очнувшись от оцепенения, прыгнул вперед.

Наверное, если бы он просто полетел вниз по лестнице, мы с Севериным его бы догнали: на том, чтобы обогнуть женщину, мы потеряли бы максимум секунду. Но Данилевский оказался хитрее. Он не просто прыгнул вперед — он рванул на себя коляску с ребенком.

Ей-богу, мне и сейчас трудно восстановить в памяти все подробности. Почему-то женщина не закричала, только охнула и ухватилась за тот край коляски, который оказался к ней ближе. Вероятно, она действовала инстинктивно, но это и нужно было Луне. Ставив ее вслед за коляской ступеньки на две вниз по лестнице, он теперь, наоборот, толкал их обратно вверх. Женщина споткнулась, упала, но, судорожно вцепившись, не отпустила коляски, а мы никак не могли перескочить через эту баррикаду, потому что не решались прыгать из-за ребенка.

Пока мы втягивали наверх этот клубок, Луна бросился в другую сторону. И помню, как я отчужденно подивился: неужели он впрямь рассчитывает убежать? Но Данилевский скатился всего на один пролет. С ходу взлетев на широкий подоконник, он грудью вышиб пыльные стекла вместе с тонкой непрочной рамой. На мгновение замер, держась окровавленными руками за иззубренные края, и кинулся вниз. Подбежав секундой позже к окну, я разом охватил всю картину: от вечернего синеющего неба до замерших в изумлении пенсионеров и с визгом тормозящего в испуге велосипедиста. А прямо подо мной на асфальте, метрах в двух от детской песочницы, распростертое тело, из-под которого уже начала вытекать темная лужица...

Нам еще долго предстояло гадать, почему он так поступил. Предпочел мгновенную смерть томительному ожиданию приговора? Может быть, но вряд ли. Решил использовать крошечный, один из тысячи, из миллиона шанс? Допрыгнуть до песочницы, не разбиться, убежать... Возможно. Потом один психиатр предложил и такой вариант: Данилевский под алиансом задержания и того, что сорвалась его первая попытка бежать, на которую он затратил столько душевных сил, впал в состояние аффекта, плохо соображал, что делает... Но, честно говоря, стоя тогда у разбитого окна, я думал не об этом. Я думал о том, что на наших глазах оборвалась последняя ниточка, которая могла привести к тем, кто увез Троепольскую.

Луна все-таки переиграл нас.

В Москву мы въехали глубокой ночью и при полном молчании. Но когда, завезя Балакина, мы остановились у моего дома, Стас сказал мрачно:

— Знаешь, чего мне сейчас хочется больше всего? Напиться вдребедан. Жаль, завтра с утра опять работать. Правда, не очень ясно, над чем...

Быстренько выгуляв заждавшегося Антона, вяло пожевав бутербродов с заветренной колбасой и даже не разогреш себе чаю, усталые и недовольные, мы завалились спать в четвертом часу утра.

Я проснулся от громкого голоса Северина, который, стоя в одних трусах посреди комнаты, разговаривал с кем-то по телефону. Скосив глаза на часы, я ужаснулся: четверть восьмого! Это в воскресенье — пусть формально, но все-таки выходной!

— Ты что, с ума сошел? — спросил я его недовольно. — Кому ты звонишь в такую рань?

— Это не я звоню, — сварливо отвечал он, — это тебе звонят.

Я сел на кровати и спросил с изумлением:

— Кто мне звонит?

— Ну, не тебе, а нам, — поправился Северин. — Дежурный по МУРу, кто еще нас так любит? Предлагает совершить утреннюю прогулку в Измайловский парк, взглянуть там на труп какого-то наркомана.

— Это не наш район! — возмутился я.

— А он и не говорит, что наш. Он говорит, что вчера Комаров приказал ему информировать нас с тобой обо всех случаях, связанных с наркоманами. А на телесные повреждения или труп — вызывать. Как тебе это нравится?

О том, как мне это нравится, я высказывал свое мнение всю дорогу до Измайлова. Тем паче к месту происшествия на машине подобраться было нельзя, пришлось идти пешком через лес. И ко всему прочему, когда мы добрались, тело уже выносили на носилках на дорогу и собирались укладывать в перевозку.

— Дайте хоть посмотреть на него, раз уж мы приехали, — недовольно попросил Стас.

И когда один из санитаров откинул простыню, я мысленно принес Константину Петровичу Комарову все возможные и невозможные извинения. На носилках лежал маленький, чернявый, болезненно худой человек с остренькими чертами лица, похожий на хорька.

— Как он вообще тут оказался? — расспрашивал Северин следователя.

— Труп явно подброшен, — отвечал уверенно тот. — Но, к сожалению, следов почти не сохранилось, он тут лежит не меньше двух суток. Были дожди.

— А причина? — нетерпеливо спросил я. — Какая причина смерти?

Следователь пожал плечами.

— Вообще-то у него на лице и на теле множество ссадин и кровоподтеков, как будто его били. Но доктор говорит, смерть от них наступить не могла. Так что скорее всего — передозировка наркотика. Но это только вскрытие покажет...

Я подошел к знакомому эксперту.

— У тебя нет с собой «Поллароида»? Есть? Сделай мне, пожалуйста, один снимочек, очень нужно!

У дежурного нас ждал большой пакет: двенадцать фотографий пожилых мужчин с краткими биографическими данными — все, что сумели подготовить нам аналитики. Если мой план не увенчается успехом, нас ждет приятная перспектива весь день кататься с этими карточками по городу.

Потом Стас сказал мне: «Ни пуха!» — и я отправился в изолятор.

Где-то далеко грохнула тяжелая стальная дверь, и вскоре на пороге следственной комнаты возник Леонид Крол. Он стоял, оглядывая меня исподлобья, и, наконец, ухмыльнувшись бескровными губами, иронически произнес:

— Это был воскресный день, но мусора не отдыхали...

— Проходи, Леня, садись, — добродушно сказал я ему, делая вид, что не замечаю сарказма. — Это ведь только у тебя в камере всех новостей — когда жрать дадут, а у нас работа такая — все время новости.

Крол, сгорбившись, сел на стул, закинул ногу на ногу, обхватил коленку своими неправдоподобно худыми пальцами. То ли мне показались, то ли он за истекшие сутки еще больше стал похож на живой скелет: рубашка и брюки висели на нем, как на деревенском пугале.

— Ну-ну, — произнес он, — посмотрим, что за новости такие.

Не говорясь я выложил перед ним все двенадцать карточек из пакета наших аналитиков. Попросил:

— Взгляни, пожалуйста. Никого не узнаешь?

Но Крол, хоть и бросил на стол быстрый косой взгляд, сразу же отвернулся к окну. Прощадил сквозь зубы:

— Я ж сказал: ищите, кого хотите, только без меня. Мне ваши проблемы до фени.

— До фени, — покладисто повторил я, словно закрепляя пройденный материал. — Хорошо, поехали дальше. Мне тебе уже говорили, кажется, что Шу-шу убита?

Он, не поворачивая головы, кивнул.

— Вот, можешь взглянуть, чтоб не было сомнений.

Я подтолкнул к нему фотографию, на которой Салина лежала у стены с простреленной головой. Он снова мелком глянул и опять отвернулся, но я заметил, что его слегка передернуло. Тогда я вынул из кармана еще одну карточку и сказал:

— А теперь посмотри сюда.

Этого нельзя было не заметить: Крол опять хотел лишь краем глаза глянуть как бы равнодушно, что я ему показываю, даже головой дернул, но, увидев, уже не мог больше оторвать взгляд и все смотрел, смотрел. А я продолжал, стараясь ни в коем случае не давить голосом, спокойно, рассудительно:

— Давай теперь думать вместе. Салину убили из-за наркотиков, из-за крупной партии морфия. Она распространяла его через тебя и через Мирзухина. Мирзухин убит. Как ты думаешь, почему ты до сих пор жив? Правильно, потому что ты сидишь у нас!

Это в общем-то была некая смесь правды, полуправды и моих, мягко говоря, предположений, но Крол слушал замерев.

— Вот и решай сам, общие у нас с тобой интересы или нет. Положим, не взяли мы его сейчас, ушел он. Три года в колонии пролетят — не заметишь как... Что скажешь?

Крол поднял на меня глаза, полные муки, сказал глухо:

— Есть два случая, когда можно сесть голой задницей на ежа...

— Ну-ка, — заинтересовался я, — какие?

— Когда еж бритый...

— Не наш случай! — решительно отбросил я.

— И когда задница чужая.

Мы молча смотрели друг на друга.

— Какие у меня гарантии? — просипел он, опуская глаза.

— А никаких! — пожал я плечами. — Зачем тебе гарантии? Я же протоколов не веду.

Крол отлепился от спинки стула, наклонился к столу. Худая рука с дрожащим указательным пальцем поплыла над карточками, замерла на мгновение и опустилась. Я взял фотографию, перевернул. На обороте было написано: «Маслаков Борис Александрович. Кличка «Масло».

— Спасибо, — сказал я вполне искренне. — И тогда уж еще один вопрос: кто ему гонит этот морфий из опиума, не знаешь?

Крол откинулся назад и сипло расхохотался.

— Ну, ты хороший малый! Тебе дай палец...

— Кобра? — продолжал я, глядя прямо ему в глаза.

Он вдруг резко оборвал смех и посмотрел удивленно.

— Если вы и так все знаете, на кой хрен меня мучаете?

— И где они это делают? — продолжал я, игнорируя его вопрос. Крол пожал в задумчивости плечами.

— Да уж не дома. Говорят, Кобра где-то за городом обосновался...

Он вдруг приподнялся со стула, сказал просительно:

— Отпусти в камеру, не могу больше, а?

Я нажал кнопку звонка, вызывая надзирателя. Мысли мои двигались уже в направлении, далеком от Крола, когда он, словно неожиданно решившись, оглянулся на дверь, наклонился ко мне и заговорил быстро, сбивчиво и тихо:

— Вы вот что, ребята... раз уж взялись... поимейте... Масло — это голова. Кобра, значит, руки... А кулаки... и все такое прочее... Есть у них для таких дел человек, Фатеев Генка, футболист. Бывший... Здоровый, как бык, и такой же умный... Поимейте... Мирзуха — его работа. Ясно?

Дверь открылась, вошел конвойный. Крол встал, криво ухмыляясь. Крикнул, вытягивая тонкую шею:

— И нечего меня дергать! Я вам еще тогда сказал — до фени!

27

Комаров приехал к двенадцати часам.

До этого времени мы постарались сделать все возможное, чтобы хоть как-то реабилитировать себя в его глазах да и в своих собственных. Стас поехал к дому Маслакова — на реконструкцию. А я по всем сусекам стал наскребать информацию об интересующих нас лицах. Учитывая выходной день, да и общий зарез со временем, получилось не бог весть что — так, общие сведения. Но и они давали некоторое представление о том, с кем нам придется иметь дело.

Маслаков Борис Александрович, 1926 года рождения, четырехжды судимый. Практически профессиональный преступник. Но в картотеке имелись только номера статей да даты отсидок. Поэтому, поразмыслив, я вытащил записную книжку и нашел в ней телефон Конины. Если кто-то и мог мне помочь, так только он, Савелий Петрович Конины, некогда начальник отдела в МУРе, легендарный учитель еще Комарова, а ныне подполковник милиции в отставке, персональный пенсионер республиканского значения. Он теперь бывал у нас в управлении только по праздникам, выступал перед молодежью, рассказывал всякие байки про прежние лихие времена — когда бандиты

разъезжали на «виллисах» и грабили продуктовые склады. Рассказывал он замечательно, с массой красочных подробностей, из-за которых мы, молодые циничные скептики, относились к его историям недоверчиво: уж очень это было похоже на то, как любят описывать нашу работу в газетах на День милиции.

Но по крайней мере одно его качество мне импонировало: он без запинки сыпал именами и кличками не только всех преступников, с которыми когда-либо имел дело, но и фамилиями сотрудников МУРа за последние лет сорок. А главное, Конины умел каждому из них как бы походя, в двух-трех словах, дать хлесткую, убедительную характеристику. «Что старик может, — сказал про него однажды Комаров, — так это схватывать суть человеческую. Всегда искал главное, моторчик, который всем движет. Учитесь».

Прежде чем ответить, Конины прокашлялся, будто собирался прочесть мне целую лекцию, потом еще пошебурился возле трубки — я почему-то представил, что он тщательно протирает очки и укрепляет их на своем сухоньком в синих прожилках носу.

— Маслаков? — наконец переспросил Савелий Петрович. — А он еще жив?

Я заверил его, что жив и, судя по всему, активно функционирует.

— Впрочем, что это я? — сам себя укорил Конины. — Ведь Боря должен быть помладше меня лет на восемь, а я-то еще жив! Значит, Масло, говоришь... Он ведь, кажется, двадцать седьмого?

— Двадцать шестого, — поправил я.

— Да-да, — подхватил Савелий Петрович, — я помню, что он в войну беспринципничал. Так что тебе про него рассказать?

Он задумался. В трубке было слышно, как он покашляет, наверное, поудобней усаживаясь в кресле.

— Если память мне не изменяет, первый раз он сел как раз во время войны — за кражи из магазинов...

Я сверился со своими записями: память не изменяла Савелию Петровичу.

— Но тут главное не в том, когда и за что, — продолжал он. Голос его, до этого дрябловатый, стариковский, креп, наполняясь воздухом воспоминаний. — Тут главное — как. В те времена над окнами некоторых магазинов были такие полукруглые окошки, разбитые перекладками на секторы. Зачем — черт их знает! Архитектурные излишества — они и сейчас еще в старых домах встречаются. Так вот, пространство между перекладками было такое узкое, что в голову никому не могло прийти, что там кто-то пролезет — их и не безопасили, сигнализации никакой на них не было. Никому не могло прийти — а Маслакову пришло! Нашел он мальчишку, беспринципника-недомерка, маленького, но ловкого. И грабанили они таким образом по Москве добрый десяток магазинов.

Конины замолчал, потом строго спросил меня:

— Для чего я тебе все это рассказываю? — И сам же ответил: — Для того, чтоб ты понял: с молодых ноглей, с первого своего дела Масло никогда не ходил проторенными путями, всегда искал что-нибудь новенькое, свежее. Он мне как-то сам честно объяснил, почему. Потому что в новом деле нет конкуренции со стороны своих, а мы, то есть органы, тоже не успели еще разобраться, что к чему, и перекрыть кислород... Суди сам. В пятидесятые он еще занимался кражами — теперь уже из квартир. Ты, конечно, помнишь не можешь, а тогда началось по всей стране жилищное строительство, особо много появилось этих пятиэтажек, хрущоб, как их называли. Люди из коммуналок в центре переселялись в отдельные квартиры на окраине, никто никого не знает, раньше жили все вместе, теперь каждый за себя... А Масло сколотил команду из шпаны: приходят в пятиэтажки днем, когда все на работе, поднимаются на этаж, звонят сразу в четыре двери — если нигде не открывают, вышибали ногой замки — замочки хлипенькие были... Пока народ разобрался, пока дежурства стали устраивать, двери укреплять — они погуляли.

Савелий Петрович перевел дух, тяжело прокашлялся.

— В шестидесятые он перекалфицировался после отсидки. Потянуло денежками с Кавказа — там левые «цеха» стали образовываться. Масло первым скумекал — организовал доставку товара в Москву, в Ленинград, нашел оптовых покупателей. Греб денежки ни на чем — на транспортировке. А уж в семидесятые, после третьего срока, он совсем прибыльным делом занялся: нашел гравера-самоучку, виртуоза, между прочим, золотые руки — и стали они бланки дипломов изготовлять. В то время все в командиры производства кинулись — в командиры-то жилище получше, поближе к кормушкам. Да вот беда — к самым лучшим кормушкам без диплома не пустили. А тут как раз Масло и выскочил: вот тебе бланк, вот тебе печать. Вписывая фамилию — и будущее хошь инженером, хошь юристом, хошь врачом. Эхе-хе, — досадливо захрютел Конины. — Наделал он бед, сволочь, небось до сих пор бродят по свету его «выпускнички». А по закону больше пяти лет ему не полагалось...

— Савелий Петрович, — осмелелся я перебить, — а почему ж он все-таки каждый раз попадался?

— Хороший вопрос, — похвалил иронически Конины. — А мы что ж, по-твоему, без дела сидели? Ты вот

сам знаешь хоть одного делового, который в таком возрасте ни разу бы не сидел?

Я был вынужден признать, что нет, не знаю.

— То-то,— довольно хмыкнул он.— Но в случае с Маслаковым еще один аспект имеется...— Конин замолчал, задумавшись. Я терпеливо ждал.— Понимаешь ли, я считаю, биография каждого человека в его характере. А характер у Масла... Не сахар!— Савелий Петрович жиденько посмеялся собственному нехитрому каламбуру.— Вот как бы тебе это получше объяснить? Не терпел он никогда рядом с собой умных людей! Всегда он искал только исполнителей, которым что скажешь, то они и делают, а своих мозгов мало. И ведь каждый раз, почитай, горел он на своих дураках-подельщиках, а ничему это его не научило!

Конин помолчал немного и спросил:

— Уж не знаю, помог я тебе или нет?

— Помогли, Савелий Петрович!— с воодушевлением ответил я.

— Не знаю, в чем он сейчас провинился,— продолжал Конин со вздохом,— но могу более или менее предположить. Что сейчас «в моде»? За что деньги платят? Видео? Наркотики? Порнография?

Будь я министром внутренних дел, думал я, прощаясь со стариком, я бы опытных ветеранов оставлял при уголовном розыске хотя бы консультантами. Ведь вот какая несправедливость: Конин — в отставке, а Масло — нет! И нам приходится открывать Америку... Потом я занялся добыванием сведений о Геннадии Фатееве. Их оказалось немного. Он действительно бывший футболист, играл когда-то в высшей лиге. Дальше обычная история — стал выходить в тираж, попивать, пару раз задерживался за хулиганку, но дело заминали, учитывая спортивные заслуги. А однажды кто-то из деловых-центровых предложил ему за тысячу рублей получить крупную сумму с должника-неплательщика. В результате вышла некрасивая история, квалифицируемая в законе как грабеж, к тому же с телесными повреждениями. Отсидев свое, Фатеев, видно, и прибил теперь к Маслакову. Насколько я мог установить из разных источников — от милицеских до спортивных,— голова у парня действительно больше была приспособлена для того, чтобы лупить по мячу, чем для чего другого. Что полностью совпадало со словами Крола и историческими ретроспекциями Конина.

Едва я в последний раз опустил раскаленную трубку на рычаги, как появился Северин. Я был все еще разгорячен своей полторачасовой телефонной разговорной, поэтому, не сразу заметив скучное выражение на лице Стаса, бодро поинтересовался:

— Ну, какие новости?

— Новости такие,— ответил он устало, мне не в такт,— что твоего Маслакова нет.

— Как нет?— подскочил я.

— Сядь, не дергайся,— успокоил меня Северин.— Нет в Москве. И неизвестно, когда будет.

У меня, наверное, сделался очень унылый вид, потому что Стас откровенно над мной расхохотался.

— Маслакова нет, но есть кое-кто другой. Я там поработал немного...— Северин пошевелил в воздухе пальцами,— с окружающей средой. И вот что выяснил. В квартире живут: некий вынош, рост метр девяносто, в плечах косяк саженей...

— Это Фатеев,— пробормотал я.

— Вероятно,— согласился Северин.— И чудная собачка с теленка ростом. Я в этом не очень разбираюсь, но, кажется, ротвейлер. Три раза в день они выходят погулять перед подъездом, а потом возвращаются в квартиру. Видать, стерегут дом, пока нет хозяина.

— Слушай!— воскликнул я.— А он не на даче?

— Нет. Во всяком случае, маловероятно. Маслаковская «шестерка» стоит во дворе под окнами. А пару дней назад видели, как Маслаков с выношем сели под вечер в эту «шестерку», причем хозяин был с дорожной сумкой. А через пару часов на машине вернулся один Фатеев.

— Ну и какие будут предложения?— задал я сакраментальный вопрос.

У нас оставалось каких-нибудь четверть часа до приезда Комарова, чтобы родить план действий. И мы его родили. Планчик вышел довольно нахальный, даже авантюристом склада, но — редкий случай — без особых между нами споров и разногласий. Мы даже не стали сочинять на всякий случай альтернативных вариантов, а так тепленьким и понесли его прямо в кабинет к заместителю начальника МУРа.

Комаров молча прочитал наш рапорт о вчерашних событиях и молча отложил его в сторону. Лицо его не предвещало нам ничего хорошего, но мы догадались, что буря если и не отменяется, во всяком случае, откладывается. Что мы свое получим сполна, сомнений быть не могло, но сейчас нам давалась возможность, во-первых, более или менее спокойно продолжать работу, а во-вторых, шанс на частичную хотя бы реабилитацию. Конечно, умом мы понимали, что хороший, думающий о деле начальник только так и должен поступать, но в тот момент испытывали к Комарову вполне ценящую благодарность и, радостно виляя хвостами, принялись с воодушевлением излагать ему, как мы собираемся за эту реабилитацию бороться.

Против худших ожиданий, Комаров наш план не забодал, а, внося несколько очень дельных поправок, одобрил и даже сказал, что лично примет участие на конечной стадии. Только спросил, когда мы уже стояли в дверях, не спросил даже, а как бы уточнил со значением:

— Что может быть, если мы его упустим, вы себе хорошо представляете?

Мы представляли хорошо. Хотя даже думать на эту тему нам не хотелось. Как не хочет думать скалолаз о том, что будет, если страховка вдруг подведет. Потому что если про это думать, лучше совсем не лезть в гору. Правда, было у нас со скалолазом и отличие: он-то действительно может передумать, а нам, как ни крути, выходило, что отказаться от риска — значит, пойти на риск еще больший. С тех пор как Троицкая пропала, идут четвертые сутки...

Обыск шел второй час, не принося сногшибательных результатов. Впрочем, сногшибательных мы и не ждали. Для начала нам вполне хватило развороченной дверцы старинного бюро из красного дерева: вырванный с мясом замочек свидетельствовал, что мы на верном пути. Рядом, стоя на коленях, возился эксперт НТО в поисках следов наркотика. Но в этом, по выражению Северина, музей-квартире Маслакова, набитом антикварной мебелью, бронзой, картинами, иконами, а также в большом ассортименте продукции фирмы «Мацушита корпорейшн», нас интересовало одно вполне инородное тело, к которому мы, однако, свой интерес тщательно маскировали. Тело это, когда-то, наверное, мускулистое, спортивное, а теперь скорее грузноватое, но все еще мощное, грозное, принадлежало бывшему футболисту Геннадию Фатееву и возлежало в кресле у журнального стола. Рядом с ним сидел, неприязненно наблюдая за происходящим, шоколадный красавец ротвейлер. На всякий случай его привязали за поводок к батарее отопления, но каждый раз, когда мимо проходил кто-то из наших сотрудников, шерсть на загривке вставала у него дыбом, и Фатееву приходилось успокаивать зверюгу, лицевмерно приговаривая:

— Тихо, Дигар, свои...

Тоненько заверещал висящий на стенке телефон, и я бросился к нему. Голос у Северина был бодрый:

— В принципе все готово. Так что кончай бодягу, двигайте сюда.

Положив трубку, я подошел к Фатееву. Стараясь не проявить своей озабоченности соседством грозного Дигара, но и не делая все-таки излишне резких движений, опустился в кресло напротив. Сказал добродушно, как только мог, глядя в его надувшую физиономию:

— Давайте, Геннадий Владимирович, еще разок. Значит, где находится в настоящее время хозяин квартиры Маслаков, вы не знаете?

Фатеев тоже, как хозяйская собачка, посмотрел неприязненно:

— Борис Александрович попросил вот пожить, собаку тут, ну и так далее...— Бывший футболист смотрел не на меня, а куда-то вбок.

— И что он сказал, долго вам тут, с собакой?..

Фатеев теперь смотрел вверх, на потолок, словно надеялся, что там загорятся сейчас огненными буквами ответы на мои вопросы. Видимо, письма не зажглись, и он туловато пожал плечами:

— Сказал, звонить будет.

— Хорошо,— сказал я, поднимаясь.— Поскольку вы жилец, так сказать, случайный, вам тут делать особо нечего. Товарищи и без нас справятся. А пока вас не затруднит подъехать вместе со мной до отделения милиции и там в письменном виде дать эти же объяснения?

По лицу Фатеева, как в открытой книге, можно было прочитать, что его ох как затруднит еще давать какие-либо объяснения, да к тому же в письменном виде! Но не заводиться же с ментами на пустом месте? И он покорно поднялся вслед за мной.

— Знакомьтесь,— сказал я, приглашая Фатеева в кабинет, который местные ребята освободили нам для такого случая,— это товарищ Северин из МУРа, он занимается вашим делом.

Стас сидел за столом с гордым видом и солидно кивал головой.

— Почему сразу моим? — неприятно поразился Фатеев.

— Ну не вашим, не вашим,— успокоил я его.— Делом Маслакова. Товарищу Северину и напишите объяснение. Сейчас дадим вам бумагу и ручку.

Я подошел к Северину, заглянул ему через плечо.

— Дописал рапорт?

— Пишу,— ответил он, кивнув на листок бумаги перед собой.

— А то уже звонили,— сообщил я многозначительно.— Дописывай и сразу отправляй вместе с объяснением.— Тут я легонько показал головой на Фатеева.

И в этот момент в коридоре послышались крики, какие-то глухие удары, потом удары звонкие. Испугавшись, как бы ребята не переборщили с шумовыми эффектами, я подскочил к двери и выглянул наружу.

— Что там? — издеvolmente поинтересовался Северин, поднимаясь с-за стола.

— Пьяного привезли,— откомментировал я, глядя в дверь.— Буянит. Не могут справиться.

После чего шагнул в коридор, успев заметить, что Стас тоже, досадливо крякнув, решительно направляется на подмогу, не забыв, правда, перевернуть листок с рапортом.

Выйдя, мы плотно прикрыли за собой дверь.

А теперь пусть простят меня мои воспитатели и учителя, все взрослые дяди и тети за то, что я делал! Да, я подглядывал в замочную скважину. Я смотрел в замочную скважину и видел, как Фатеев на полусогнутых подтялся со своего места. Я не мог видеть лица, он стоял ко мне влоботорота, почти спиной, но поза, поза говорила о многом! Бывший футболист наклонился вперед, к северинскому столу, вытянув шею, будто собирался врезать головой по летящему мячу, а мяч все не летел.

Мы оба по разные стороны двери стояли в дурацких, очень неудобных позах, и не знаю, кто из нас нервничал больше. Там, на этом листке, аккуратным почерком Северина было написано следующее:

«Заместителю начальника УУР Комарову К. П.

Рапорт.

Сообщаю, что по имеющимся данным Маслаков Б. А. (кличка «Масло») при посредстве Гареева А. Н. (кличка «Кобра») организовал на даче в окрестностях Москвы производство сухого морфия кустарным способом. Местонахождение дачи пока точно не определено, однако...»

Это «однако» было верхом нашей психологической мысли. Весь наш план стоял на том, что Фатеев должен ознакомиться с этим бессмертным сочинением. Его широкая, как шкаф, спина расплывалась перед моим не ко времени заслезившимся глазом. Вдруг затекла и нестерпимо заныла шея, стало чесаться под лопаткой.

Мне показалось: еще мгновение, и я не выдержу, разогнусь. Но первым не выдержал Фатеев. Он зыркнул через плечо, качнулся вперед и перевернул листок.

28

Если, если, если...

Первым вопросом, первым «если» в нашей диспозиции было: полезет Фатеев смотреть, что в листке, или не полезет. Полез.

Теперь встал на некрепкие дрожащие ножки следующий: если полезет и посмотрит, то поедет ли сразу на заветную дачу?

Мы очень на это надеялись. Хотя бы потому, что больше нам не на что было надеяться.

Но, кроме эмоций, была в наших рассуждениях и логика. Конечно, нельзя было не предусматривать вариант, что Фатеев с перепугу может просто дать драпака куда подальше. Однако маловероятно. Мы исходили из того, что хоть наш бывший служащий мяча и штанги не большой мезгиль, но все-таки должен сообразить: если он съезит, а Маслакова и Гареева возьмут с полицным, они его прикрывать не станут. Даже скорее всего, наоборот, еще и утопят с головкой, считая, что это он их сдал. С другой стороны, коли удастся уничтожить или спрятать понадежной наркотики, сырье и саму лабораторию, можно попытаться высочить всем.

Как и положено, от второго вопроса в муках рождался третий: если Фатеев поедет на дачу, удастся ли нам «доставить» его дотуда так, чтобы он ничего не заподозрил, не свернул с полдороги обратно? Другая возможность — что футболист может от нас уйти, а до дачи все-таки добраться — была бы та самая, о которой ни нам, ни скалолазам думать неохота. Просто надо было сделать все, чтобы ее избежать.

— Вы свободны,— кислово сообщил Северин Фатееву, получив от него неудовольное как в смысле почерка, так и в смысле изложения мыслей объяснение.

Из окна нашего кабинета можно было видеть, как высокий крупный блондин в кремовой спортивной куртке, в голубых джинсах и темно-синих кроссовках выскочил из дверей отделения и быстрым шагом пошел, почти побежал по улице. Дойдя до угла, он свернул было, но вдруг резко выскочил обратно и секунду стоял, внимательно оглядывая улицу.

Северин только присвистнул.

— Не фиг себе! Дурачок-то наш... Не дурачок вовсе! Проверься! Неужто расколол нас?

— Раскол — вред ли.— Мне тоже стало сильно не по себе.— Скорее — осторожничай. На всякий случай.

— Как бы он нас «на всякий случай» в дураках не оставил,— пессимистически протянул Стас.

Завернув за угол, Фатеев в пять минут добрался до дома Маслакова. Этого мы из своего окошка видеть уже, конечно, не могли. Зато мы про это слышали. Стас вытащил антенну маленькой рации и сказал:

— Пошли и мы. А то он сейчас ка-ак поедет, ка-ак помчится...

Нам не было необходимости самим наблюдать за Фатеевым. Чем-чем, а помощниками нас Комаров сегодня обеспечил в полной мере. Неторопливо дошли мы до нашей машины, укрытой в подворотне напротив отделения, и там, включив большую рацию, узнали, что Фатеев сейчас как раз заводит маслаковскую «шестерку». Документы на нее — техпаспорт и дове-

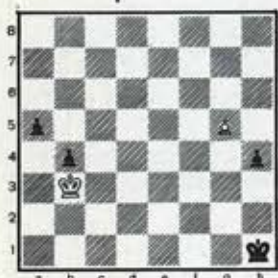

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Сегодня «Смена» заканчивает публикацию заданий очередной шахматной олимпиады. Учитывая пожелания читателей, мы в заключительных турах давали задания средней трудности, что, надеемся, позволило большинству участников олимпиады до конца сохранить интерес к борьбе за победу в соревновании. Обращаем внимание участников олимпиады на то, что при равенстве баллов прежде всего будут учитываться точность и полнота ответов на задания, указание побочных решений и других обнаруженных дефектов.

Четырнадцатый тур

Белые: Kpb3, п. g5 (2)
Черные: Kph1, пп. a5, b4, h4 (4)
Выигрыш (2 балла)

Белые: Кра8, пп. a6, b6 (3)
Черные: Kph1, Kc5, п. h4 (3)
Выигрыш (3 балла)

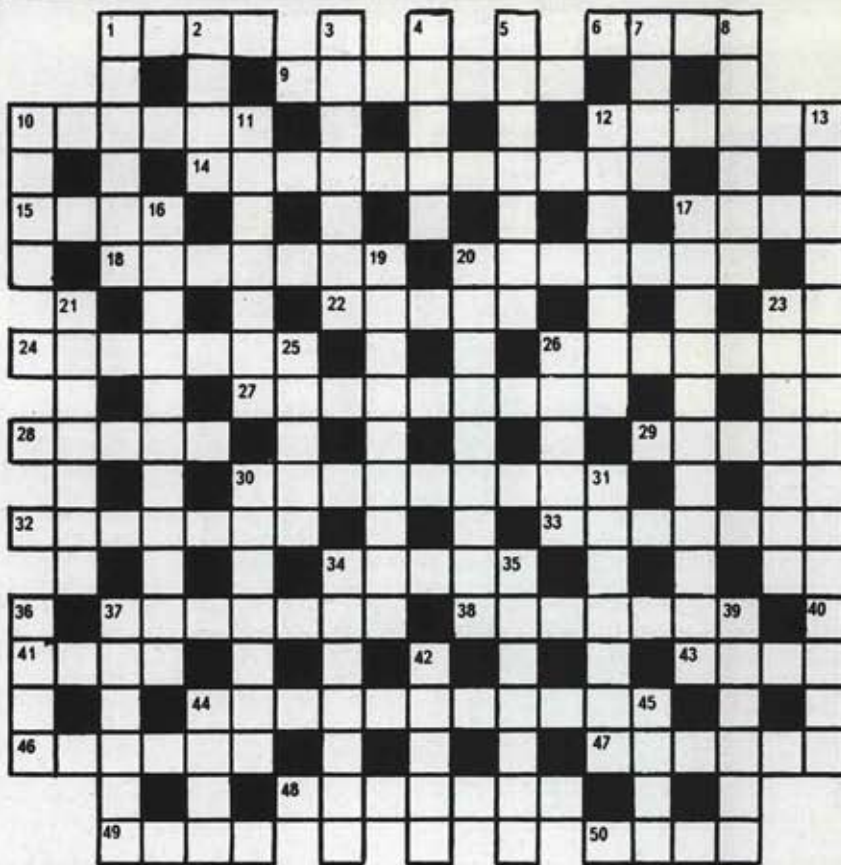
Белые: Kpc4, пп. e4, e5, g6 (4)
Черные: Kpf8, пп. d4, f7 (3)
Выигрыш (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 14-й тур». На открытках, кроме решения, следует указать фамилию, имя и отчество, профессию, спортивный разряд и адрес.

Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 30 ноября. Письма, отосланные после этой даты, судейской коллегией рассматриваться не будут.

КРОССВОРД

Составил О. Васильев. Москва

По горизонтали:

1. Французский физик, разработавший способ измерять скорость света при помощи вращательного зеркала. 6. Серый поугай, живущий в неволе до 70 лет. 9. Любитель поболтать, покалякать. 10. Неуклюжий, нерасторопный человек. 12. Птица, способная поселиться даже в почтовом ящике. 14. Музыкальный инструмент, заменявший в древнем Китае деньги. 15. Ткань для обивки мебели. 17. Немецкий врач, введший в медицинскую практику ихтиол и резорцин. 18. Небольшой военный корабль. 20. Французский археолог, единственный европеец, удостоенный чести быть похороненным в саркофаге за то, что откопал знаменитого Сфинкса и основал в Каире Египетский музей. 22. Гора на северо-западе Канады. 24. Американский драматург, выдвинувший теорию «пластического театра». 26. Иллюстрация, большая, нежели формат книги. 27. Растение, плоды которого называют «египетскими финиками». 28. Английский ученый, сформулировавший понятие химического элемента. 29. Пристань на озере Болонь в Хабаровском крае. 30. Длинная мужская блуза, обычная в начале нынешнего века. 32. Участник многодневных авторалли. 33. Профессия Германна в повести А. Пушкина «Пиковая дама». 34. Персик, слива, черешня (общее название). 37. Один из популярных героев А. Дюма. 38. Медуза, чьи ротовые лопасти похожи на ослиные уши. 41. Полоска кожи, соединяющая верх обуви с подошвой. 43. Мальчик в опере Б. Сметаны «Проданная невеста». 44. Медь, свинец, серебро по отношению к одному из физических свойств металлов. 46. Первый город, где остановился С. Есенин в зарубежной поездке. 47. Последний месяц бирманского календаря. 48. Меткий стрелок. 49. Остан (область) в Иране. 50. Военное полевое укрытие.

По вертикали:

1. Модель человека в натуральную величину. 2. Лишнее расстояние при движении окольным путем. 3. Подвижная спортивная игра, хотя игроки сидят. 4. «Всешутейный патриарх», учитель Петра Первого. 5. Грузовой железнодорожный вагон. 7. Бобренок, символ Олимпийских игр в Монреале. 8. Переливчатость жемчуга, зависящая от прозрачности арагонитовых слоев. 10. Медь (область) в Венгрии. 11. «Кони измучились, и кучер как ни бился...» (стихотворная строка в строке И. Крылова). 12. Греческое название инструмента, который на Руси называли цевницей, а в Грузии — ларчами. 13. Камень, бусы из которого найдены близ Алушты в гробницах V века до н. э. 16. Специальность А. Афанасьева, за книгу которого С. Есенин в голодное время отдал пять пудов муки. 17. Доказываемая мысль. 19. Сборник стихов Г. Гейне, названный им «золотой книгой побежденного». 20. Птица, летящая при перелетах лишь ночью, а маяком ей служит звездный треугольник — Альтаир, Вега, Денеб. 21. Бойкость, удалство. 23. Толкователь законов, обычаев и пророчаний в Древней Греции. 25. Ателье или парикмахерская высшего разряда. 26. Советская эстрадная певица. 30. Габдулла Тукай (национальность). 31. Строительный материал. 34. Старинная юбка на китовом усе. 35. Обычное название островного жителя во «Фрегате «Паллада» И. Гончарова. 36. Опенок, подберезовик. 37. Сын Тараса Бульбы в повести Н. Гоголя. 39. Лучший материал для производства лаков. 40. Река, воспетая Д. Лондоном. 42. «Кукурузный» штат США. 44. Знак нотной грамоты. 45. Боевое построение, ставшее со второй половины XIX века причиной больших потерь в связи с массовым оснащением армий нарезным оружием.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 18

По горизонтали:

1. Онуча. 8. Рекогносцировка. 10. Гданьск. 11. Биография. 13. Восстание... 14. Сопилка. 18. Запрос. 19. Ударник. 20. Энк. 23. Опал. 24. Флеминг. 25. Лиотар. 28. Макраме. 29. Подсолнух. 31. «Художники». 32. Грамота. 34. Астроориентатор. 35. Цыган.

По вертикали:

2. Неон. 3. Чацкий. 4. Иконоскоп. 5. Югослав. 6. Троглодит. 7. Евразия. 8. Радиоаппаратура. 9. Авиаконструктор. 12. Диадема. 15. Ездок. 16. Фронтон. 17. Шкура. 21. Климентов. 22. Миллиметр. 26. Яркость. 27. Острота. 30. Якорцы. 33. Щека.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1449)

октябрь 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНИШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник Виталий ФЕДОРОВ

Художник Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы: 212-21-59 — рабочей молодежи и науки, 250-29-39 — коммунистического воспитания, 251-32-84 — фотоочерка, 212-21-38 — военно-спортивный, 212-13-19 — международной жизни, 251-04-10 — литературы и искусства, 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда» «Смена», 1987 г.

Сдано в набор 19.08.87. Подписано к печати 01.09.87. А 05132. Формат 70×108½. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7. Тираж 1 300 000 экз. Изд. № 2604. Заказ № 1206. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Наше время — время особого отношения к культурным и духовным ценностям. Потому что в наше время рядом с истинными культурными и духовными богатствами существует огромный и агрессивный мир так называемой массовой культуры, пронизанной духом бездумного потребительства. Вот почему одной из главных своих задач «Смена» считает работу по воспитанию вкуса, по привитию навыков общения с выдающимися произведениями искусства, в которых заложены и берегаются созданные выстраданным человечеством представления о том, каким надлежит быть человеку, что в нашей жизни истинно, а что переходяще.

Есть устоявшаяся, сложившаяся веками, проверенная временем система культурных ценностей. У массовой культуры в ней свое место. У нее есть на него право, но у нее нет права подменять, заслонять собою все остальные культурные богатства.

«МОЛОДЕЖЬ И КУЛЬТУРА» — так коротко можно выразить смысл многочисленных рубрик журнала, в которых речь пойдет о том, что составляет культурный мир сегодняшних молодых. Мы готовы говорить обо всем, что его наполняет. Мы будем говорить обо всем. Но мы намерены вести разговор с уважением к молодому человеку. Не оглуляя его. Не считая, что его духовные запросы ограничиваются последними новинками рока. В нашем разговоре с молодыми не должно быть запретных тем, разговор этот должен соответствовать содержанию времени, в которое мы живем.

Литературные страницы «Смены» всегда создавались с учетом сегодняшних интересов наших читателей. Очень широка и разнообразна палитра рубрик «Поэзия» и «Проза». Имена В. АСТАФЬЕВА и Ю. НАГИБИНА, Б. АХМАДУЛИНОЙ и М. ДУДИНА, Е. ЕВТУШЕНКО и В. КОРОТИЧА, Э. МЕЖЕЛАЙТИСА и Ф. ИСКАНДЕРА, В. КАВЕРИНА и А. ПРИСТАВКИНА всегда привлекали внимание самого широкого круга читателей. Их новые произведения, а также работы молодых талантливых поэтов и прозаиков будут опубликованы в будущем году на страницах журнала.

«Смена» издавна пользуется пристальным вниманием тех, кто любит остросюжетные произведения, полные драматических коллизий, борьбы добрых начал со злом. Думается, что журнал не обманет ожиданий этой части наших читателей. Свои произведения нам передали Георгий ВАЙНЕР, братя СТРУГАЦКИЕ. Рассматривается редакцией еще целый ряд произведений, написанных в жанре детектива или фантастики. Среди них не переводив-

шийся еще на русский язык роман Станислава ЛЕМА, повесть БУАЛО и НАР-СЕЖАКА, исторические новеллы Валентина ПИКУЛЯ. Словом, у редакции хорошие контакты с авторами, работающими в этих любимых читателем жанрах, и потому страницы журнала не оставят равнодушными ценителей захватывающего чтения.

«Отечество» и «Силуэты» — традиционные рубрики «Смены», которыми она гордится, которые придают журналу свой неповторимый облик. В новом году материалы о памятных местах нашего Отечества приобретут большую критическую направленность, остроту, наступательность. Мы призываем наших читателей к совместной борьбе за сохранение и оберегание наших культурных ценностей. Литературная галерея гениальных представителей мировой культуры в будущем году пополнится портретами русских, советских и зарубежных классиков.

Читая «Смену», вы будете в курсе всех новостей нашей культуры — музыки и театра, кино и телевидения, живописи и литературы. Информация и зарисовки будут соседствовать с крупными проблемными статьями и очерками, исследованиями и воспоминаниями. Как всегда, журнал приложит все силы, чтобы оперативно откликнуться на просьбы и пожелания читателей.

ПРИГЛАШАЕМ ВАС, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, ПОДПИСАТЬСЯ НА «СМЕНУ».

24 журнальные книжки, годовой комплект, стоят 8 рублей 40 копеек, подписка на полгода — 4 рубля 20 копеек, на три месяца — 2 рубля 10 копеек. Наш индекс 70820.

Напоминание: в розницу журнал будет поступать в ограниченном количестве. До встречи на страницах «Смены».